ПИОНЕР

МАРТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1960 год 3

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 37-й

Чтобы дети никогда не узнали войны

Этот жаркий февральский день навсегда запомнится двум девочкам, их матерям, их маленьким друзьям и тысячам других людей, собравшимся, чтобы встретить на земле Индии Никиту Сергеевича Хрущева.

Недавний дружественный визит главы нашего правительства в Индонезию, его пребывание в Индии и в Бирме еще больше сблизило наши народы.

«Мы далеко живем друг от друга, нас разделяют большие пространства и океаны, но нас сближает общность многих наших устремлений и помыслов»,— сказал Никита Сергеевич на митинге в индонезийском городе Сурабае. Он сказал, что самое главное для всех народов — борьба за мир.

Полгода назад с трибуны ООН Никита Сергеевич Хрущев от имени советского народа предложил человечеству навсегда расстаться с оружием. Добрая весть сразу разнеслась по земле, и люди всего мира облегченно вздохнули, впервые поверив, что не за горами то время, когда война станет невозможной.

Последовательно, неустанно борется Советский Союз за мир во всем мире. И каждая встреча товарища Хрущева с руководителями других государств, с народами разных стран укрепляет силы мира.

В Америке, в Азии, в Европе — всюду растут и крепнут ряды людей, которым ненавистна война.

Несокрушимой стеной встанут эти люди, чтобы навсегда преградить дорогу войне, чтобы над головами людей было мирное небо, чтобы дети никогда не узнали войны.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сосед слева

Л. СОЛОМЯНСКАЯ

Рисунки П. Караченцова.

Паша Омельянчук, Коля Неверов, Санька Варасов и тихая Анка Тимакова жили в небольшом поселке Подлески, который иначе еще назывался «Новая бригада колхоза «Заря». А так как учились они тоже в одном классе, во втором «Б», то и ходили все вместе в школу и из школы.

Если идти прямо по Большому Каменскому шоссе, а потом свернуть у моста на Воронцовскую дорогу, то от школы до Подлесок будет всего три километра. Недалекая это дорога, но интересная! Возле плотины, в прошлом году перегородившей русло маленькой Ворошихи, можно остановиться и посмотреть, как строит здесь свою электростанцию колхоз «Большевик». Ворошиха хоть речка и маленькая, но сильная. Крутит она по лесу, как хочет, забирает в себя все ручьи и размыла в округе глубокие овраги. А хитрая какая! То течет как следует, как всякой реке полагается, то пропадет, исчезнет вдруг под землю, а сверху остаются в этом месте одни мокрые камни, в которых застревают на своем пути серебряные язи. Такого язя Санька один раз летом запросто рукой поймал, но рыба вертанулась, выскользнула и, попав в воду, исчезла.

Да, жили ребята дружно, ходили всегда вместе, а сегодня Пашка остался на дороге один. Ушли товарищи, не дождались.

В другой бы раз Пашка, может, и не подумал вовсе, что товарищи его бросили. Он обязательно пошел бы их искать на Ворошиху, к мосту или еще куда. Но сегодня не пошел, потому что на последнем уроке случилась такая беда. Пашка — он был дежур-

ным — принес из учительской бутылку с чернилами, не успел в перемену отнести ее обратно и поставил на свою парту, а Санька как разбежался после перемены, как хлопнул крышкой парты — бутылка упала, разбилась, и чернила разлились по книжкам и тетрадям! Тут-то Пашка и крикнул:

— Санька! Что ж ты делаешь!

А Наталья Николаевна тут же:

— Варасов, не умеешь себя вести в классе! Пойди в коридор и подумай там о своем поступке.

Санька ушел. А кто-то сзади тихо сказал Пашке:

— Ябеда...

Вот как получилось на последнем уроке.

«Теперь Санька, Колька да, поди, и Анка тоже считают, что ябеда. Наверное, считают. А то разве бы они ушли и оставили меня одного?» —думал Пашка.

Конечно, не будь Пашка дежурным, он бы знал, что ребята вовсе и не пошли домой, а просто решили сбегать пока на Ворошиху, поглядеть, не настыл ли уже на ней лед. Но Пашка об этом ничего не знал. Он отнес после уроков в учительскую большую линейку, и когда вышел из школы и не увидел на дороге товарищей, то вначале только удивился.

— Наверно, пошли тихонько до поворота. Догоню! — решил Пашка и еще не обиделся.

Однако, добежав до поворота, он снова никого из товарищей не увидел. И тут вспомнил опрокинутые чернила и злое слово «ябеда».

...А по шоссе, как всегда, туда и обратно мчались машины. Громко загудев, прокатила мимо Пашки трехтонка, нагруженная какими-то огромными, непонятного вида ящиками, на которых сбоку было написано: «Верх», «Низ», «Не кантовать».

Раньше бы Пашка очень даже обрадовался такой машине; он, наверное, постоял бы на дороге и поспорил с ребятами о том, что́ в этих ящиках и куда их везут — на новый ли завод, что строится возле Каменска, или на электростанцию колхоза «Большевик», которую, говорят, скоро будут пускать. Но сегодня спорить было не с кем. Стоять на дороге одному, без товарищей, тоже неинтересно. Да и где они, эти товарищи?

— Ушли! Не дождались! А разве я перед ними виноват?!

Проводил Пашка глазами непонятные ящики на машине, посмотрел на уходящую далеко вперед прямую дорогу и тут вдруг обиделся. А обидевшись, принял такое решение:

«Ага, вы не подождали товарища! Вы думаете, я до самых Подлесков буду за вами бежать! Нет! Я вот пойду сейчас наискось, через Глуховский лес. Раньше вас выйду на Воронцовскую дорогу. Сяду там под мохнатую елку. А когда вы будете проходить мимо, я ка-ак выскочу!..».

Эта мысль очень понравилась Пашке. Он подтянул туже ремень, на котором висела за спиной сумка с книжками, и свернул к лесу.

Пашка шел быстро. Он не стал обходить вспаханное поле, а, прыгая с борозды на борозду, пересек его напрямик и сразу через редкий перелесок вышел на большую поляну.

Летом здесь был пионерский лагерь ребят железнодорожной школы. Теперь палатки свернули и убрали на зиму. Только по краям пустых дорожек стояли еще столбики с надписями: «Первый отряд имени капитана Гастелло»... «Второй отряд имени Чкалова». Да в середине лагеря по-прежнему поднималась в небо высокая мачта для флага с круглой формарсовой площадкой, какие бывают на мачтах морских кораблей. На формарс можно было влезть и играть в капитана, отправить свой корабль в Африку или поплыть за китами в холодные воды Антарктики...

В такую игру, возвращаясь из школы, совсем недавно играли ребята. Игру придумал Саня Варасов. Человек он был знающий и решительный. На черной шапке его блестел золотой морской якорь. Этот значок подарил Сане старший брат, который служил комендором на подводной лодке. Саня гордился значком. Он знал все порядки морской жизни, умел громко отдавать команды и поэтому в игре был всегда капитаном и гарпунером. Пашка и Коля по очереди были впередсмотрящими, а Анке приходилось быть китом.

Что же было ей делать? Саня заявил, что женщин на корабль не берут. И хотя Пашка сказал, что это раньше не брали, а теперь берут, Санька не согласился.

Подумал сейчас об этом Пашка, оглядел поляну, мачту. На мачту можно было влезть, стать и капитаном и гарпунером. Но одному неохота да и некогда.

Прошел Паша мимо поляны и торопливо зашагал через Глуховский лес. Ему хотелось скорее добраться до Воронцовской дороги. Пашка ясно себе представлял, как все интересно получится, как он выскочит из-под мохнатой елки, как испугается и помчится вперед Коля, как затанцует и засмеется Анка, когда узнает, что это не какой-нибудь там разбойник или волк, а просто он, Пашка. И как Санька скажет: «А я давно уже видел,

что это ты под елкой сидишь! Я знал, что ты тут нас дожидаешься».

Ничего он, конечно, не будет видеть и знать, а так, похвалится немножко... Ну что ж! Зато они помирятся и весело все вместе пойдут домой!

По знакомому лесу Пашка шел быстро и легко. Прихваченный первым заморозком, но еще зеленый мох, хрустя, оседал под ногами и уже не выпрямлялся. Было почти по-зимнему тихо. Да и кому шуметь! Птицы улетели, листья опали, и молодые березки, забравшиеся в этот хмурый еловый лес, стояли сейчас голые, притихшие.

Вдруг тишину леса нарушил чей-то тоскливый, далекий зов:

— Мань! Мань! Мань!

Пашка вспомнил: когда он, сойдя с шоссе, переходил распаханное поле, он тоже слышал этот крик. Только тогда он доносился с другой стороны и потом умолк... А может, и не умолк, а просто Пашка торопился, думал о своих делах и не слышал.

— Мань! Мань! Мань! — неслось теперь по лесу негромко, но настойчиво. Ничего страшного не было в этом зове, да и темнота в лесу еще не наступила. Только чуть смеркалось. Но Пашке стало тревожно. Ему захотелось скорей выйти из леса, и он побежал...

— Эй, сынок, стой!

Пашка вздрогнул. Оглянувшись, он увидел, что возле надломленной ели стоит незнакомый человек и тяжело опирается на палку. Как же это он пробежал и не заметил?

— Ты что испугался? Я зову, а ты все бежишь.

— Торопился я, — ответил смутившийся Пашка и, повернув назад, подошел к человеку. — Здравствуйте!

— Здравствуй! Ты не с Каменского шоссе идешь?

— С Каменского.

— Корову там пеструю не видал?

— Пеструю? Нет, не видал!

Вот и все. Больше ни о чем человек не спрашивал. Можно было идти дальше своей дорогой. Но Пашка стоял. До того озабоченным было утомленное лицо человека, что Пашка не мог так просто попрощаться и уйти.

— Корова, значит, пропала? — спросил Пашка, хотя с самого начала было ясно, что пропала именно корова, а не коза.

Но человек не обиделся за праздный этот вопрос, и хотя перед ним стоял маленький паренек, он отвечал обстоятельно:

— Маняша пропала! Лучшая корова из всего стада. Рекордисткой у нас в «Большевике» считается... И виноват, брат, в этом деле я. Говорю утром зоотехнику: «Солнышко нынче, выгоним коров для моциона, настоятся еще за зиму». «Ладно, — говорит, — гоните, Василий Маркелович». Ну, и погнали. В обед стали к ферме подвигаться. Глядь, Маняши нет! Искали, искали... Я помощника со стадом на ферму послал, а сам вот все хожу. Верст пятнадцать округ обошел. Нет нигде!.. Теперь только либо она на Ворошиху к мосту подалась — летом туда поить гоняли, — либо сюда, в овраги, забрела. Но вот опять... Пойдешь к мосту — стемнеет, на оврагах ничего не увидишь. Пойдешь на овраги — к мосту дотемна не поспеешь...

Человек замолчал, но, увидев, как опечалился Пашка, быстро добавил:

— Ничего, справимся и с этой боевой задачей... Беги-ка ты, сынок, домой!

Тяжело опираясь на палку, он двинулся дальше, и снова услышал Пашка настойчивый зов:

— Мань! Мань! Мань!

Вот тут Пашка, вместо того, чтобы бежать домой, как ему посоветовали, догнал человека и быстро заговорил:

— Дяденька, вы идите к мосту, дорога туда прямая, а я на овраги сбегаю, посмотрю. Я быстро! Я эти места все хорошо знаю: хмель мы тут, малину собираем...

— Ты чей, откуда будешь?

— Павел я, Омельянчук. Из Подлесков, колхоз «Заря».

— Пионер, что ли?

— Нет еще, только вступаю.

— Вступаешь. Это хорошо! — сказал Василий Маркелович.

Договорились так: если Пашка увидит в ворошихинских оврагах Маняшу, он выйдет на прямую к плотине, где строят электростанцию, и скажет там сторожу: так, мол, и так, пасется ваша Маняша в оврагах.

— Гнать ее не гони: она еще убежит куда от тебя... Ну, не найдешь, так и скажи: доложите, мол, Василию Маркеловичу: овраги прочесаны, корова не обнаружена.

Василий Маркелович говорил теперь голосом четким, как говорят люди военные.

— Так, брат Павел, ты, значит, надежный сосед слева. Будем взаимодействовать, как на фронте. Желаю удачи! Направление — строго на север!

«Сосед слева», гордый поручением, повернул «строго на север» и, пробираясь через густой мелкий ельник, побежал к оврагам. Задача казалась легкой и простой. Сейчас он доберется до оврага, увидит там пест-

рую Маняшу, выйдет прямо на плотину, доложит — и айда на Воронцовскую дорогу. Он, конечно, еще перехватит товарищей, и все будет хорошо!

В таком боевом настроении Пашка быстро добрался до первого оврага. Никого не нашел, но не огорчился. Что ж, разве обязательно Маняша ждет его в этом близком овраге? А зато вот она, пестрая дура!

— Маняша! Маняша! — С радостным криком Павел бросился в глубокий овраг.

Он оцарапал руки, нос, но в спешке и не заметил... Только это была вовсе не Маняша! Просто среди мелкого ельника стояли две белые березки...

Кляня и Маняшу и колючий шиповник, обескураженный Пашка выбрался из оврага. «Ладно, погоди, я тебя найду, рогатую!»

Пашка прошел от начала до конца еще один овраг. Побывал на вырубке, где несколько раз его бессовестно обманывали невысокие поленницы дров. Спустился в низину, снова вышел в лес. Маняши не было!

Что ж, можно идти теперь Пашке на плотину докладывать, что овраги прочесаны, корова не найдена. Но ведь есть в лесу еще один овраг, и Пашка там не был... Так ведь тот овраг совсем дальний, он, может, не ворошихинский вовсе, а так, сам по себе... Это почему же он не ворошихинский?..

Паша не знал, как ему быть. А тут совсем уж ни к чему заморосил дождь вперемешку с острыми иголками снега. Сразу потемнело. Ноги заскользили, заспотыкались... И Пашке подумалось: «Вот если бы не бросили они меня, не пошел бы я через лес, ничего бы не знал про эту Маняшу... Шел бы себе с ребятами! Они уж, наверное, давно дома. Что им дождь! Скоро ужинать станут, а ты ходи по этим оврагам, мокни!..»

Но только эти досадные, завистливые мысли захватили Пашку, как перед глазами возникла фигура Василия Маркеловича.

«Хромает по мокроте-то. Нога, наверное, раненая! — подумал Пашка и застыдился. — Эх, ты! Еще в пионеры собираешься! — упрекнул он сам себя. — Обижаешься, что товарищи тебя бросили, а сам?.. Так ведь я не бросил. Я везде посмотрел... И на вырубке был, — попытался оправдаться перед собой Пашка. — А на дальнем овраге?.. Так до дальнего еще, наверное, километра три. Про тот овраг и уговора не было... «Уговора»! Тебя и вообще-то никто не уговаривал. Сам взялся. Эх, ты, «сосед слева»!»

— Ладно! Я же не бросил, я иду, — вслух сказал Пашка.

И, решительно оторвав свою мокрую спину от ствола ели, под которой укрывался от дождя и колючих снежинок, он, скользя и спотыкаясь, зашагал по лесу.

Теперь лес был наполнен тревожным шумом. Где-то что-то потрескивало, скрипело, ухало, но Пашке не было до этого дела. Он шел к дальнему оврагу и не хотел больше ни о чем думать... Потому что как только он начинал думать, так ему представлялся дом, мать, которая, наверное, уже спрашивает Колю или Саню: «А Паша мой где?» Интересно, что ответит матери Саня?..

Чтобы не думать, Пашка даже сочинил песню:

Я иду, я иду,
Я корову найду.

Песня эта, как видите, была совсем короткая, и ребята, конечно, посмеялись бы над такой неинтересной песней. Ну что ж! Пусть смеются, а Пашке с такой песней все-таки легче. Не нужно ни думать, ни слушать, ни смотреть... Нет! Пожалуй, смотреть нужно. Вот только темно... Ох! Что это? Нога шагнула в пустоту, и Пашка полетел вниз...

Стоп! Он ухватился за подвернувшуюся ветку и повис. Ноги срывались, скользили и не находили опоры. Куда это он попал?

Шапка слетела, колючие снежинки садились прямо на коротко остриженную голову. Но Пашке было не до того. Еще не успел Пашка сообразить, где он, еще не успел встать на ноги, как услышал протяжный стон. Кто-то стонал где-то здесь, близко, внизу. Пашка попытался выбраться наверх, потянул ветку, а ветка хрустнула, переломилась, и он полетел дальше...

Зажмурив глаза, Пашка приготовился к какой-то неведомой страшной беде... Но беда не приходила. Тогда он открыл глаза и, приглядевшись, увидел, что лежит внизу, под крутым глинистым обрывом, на самом берегу оледеневшего, каменного русла Ворошихи.

И откуда она взялась! Ни реке, ни обрыву здесь быть не полагалось... На дальний овраг тоже не походит. Он еще туда не мог дойти...

Оглядел Пашка незнакомое место и только хотел встать, отряхнуться, поискать шапку, как рядом снова кто-то застонал. Отшатнувшись, он опять зажмурился.

«Да что же это! Так я и буду сидеть тут и слушать?» — сердито подумал Пашка. И строго спросил:

— Эй, кто там, отзовись!

Вначале никто не отзывался. Потом вдруг послышалось громкое мычание. Пашка кинулся вперед, раздвинул кусты ольховника,

густо обвитого сухим, высохшим хмелем, и увидел рогатую голову пестрой коровы.

— Маняша!

А Маняша, почувствовав человека, вытянула к нему морду и мычала и радостно и жалобно.

— Ага, нашел я тебя, рогатую! Что ж ты лежишь? Вставай! Вставай!

Но в том-то и была беда: корова не могла встать. Она тянула шею, била по земле хвостом, лизала Пашину руку, но не вставала. Передняя правая нога, ободранная, распухшая, как попала между обледенелыми камнями, так и оставалась там до сих пор. Пашка отбил лед, сколько мог раздвинул скользкие большие камни, но Маняша не могла поднять ногу и мычала.

Что же делать? Ясно, вот теперь надо бежать скорее на плотину... Но было ясно и другое: Павел не знал, в какой стороне плотина и куда нужно бежать. Это был какой-то совсем незнакомый ему овраг Ворошихи.

Вот когда к Пашке пришло настоящее горе! В дождь и снег он прошел через лес, он нашел Маняшу, и все это ни к чему, потому что он сам заблудился, как маленький. И если он даже пойдет прямо, влево или вправо и придет к утру в какое-нибудь село, Маняша, наверное, все равно погибнет в этом овраге.

Паша попытался вспомнить всю дорогу. Как он шел, как попал к этому обрыву. Но понять, куда забрался, не мог.

Паша старательно вслушивался, не раздастся ли где гудок поезда или сигнал автомашины. Тогда можно будет узнать, в какой стороне железнодорожный путь, где Воронцовская дорога... Нет, кругом было тихо. Только в потемневшем небе, где не было видно ни одной звезды, высоко над облаками шел самолет. Пашка слышал, как быстро нарастает и медленно затихает ровный гул моторов. А может быть, это гудели вовсе не моторы, а просто ветер качал в лесу вершины...

Надо было все же выбирать путь и идти.

«Пойду оврагом, вдоль реки. Как крутится, так и пойду».

Пашка нарвал заиндевевшей увядшей травы, что росла под обрывом, и положил возле Маняши.

— На вот тебе, ешь! — Он хотел пригнуть голову коровы вниз, обхватил ее за шею и почувствовал, как мокрый шершавый язык лизнул его по лицу...

То ли от усталости, то ли от сознания своей вины и беспомощности Пашка заплакал. Он уткнулся в теплую шею Маняши и плакал, а

Маняша лизала и лизала его озябшую, исцарапанную ладошку.

— Я тебя не брошу, я к тебе вернусь,— всхлипывая, говорил Павел; а потом вдруг притих, вслушиваясь, потому что в лесу возник какой-то непонятный шум.

Ветер? Или опять самолет? Наверно, ветер. Вон как качаются ели... Постой! Что такое? Ему показалось или в лесу действительно кто-то зовет: «Паша... а... а...»

Конечно, показалось! Кто может звать?

— А... а... а! — снова повторилось в лесу.

— Ау! — так, на всякий случай, откликнулся Павел и снова прислушался.

— А-а-а! — ответил кто-то.

Может, эхо? Нет, кричат, и уже ясно:

— Паша-а!

Санькин голос! Как же это?

— Ау! Ау!

— Паша!

— Тут я, тут!

Это было странно, но кричал действительно Санька. Скоро можно было ясно расслышать и тонкий голосок Анки.

Как попали ребята в лес, к этому оврагу? Почему искали его? Об этом Пашке стало известно лишь после того, как Санька, Коля и Анка наперебой, вдоволь погладили бедную Маняшу, охая, осмотрели ее больную ногу, потом поспорили, кто из них первый услыхал, как откликнулся Пашка. Решив наконец, что услыхали все трое сразу, они утихли. И тогда Санька сказал:

— Мы же не знали, что ты не пойдешь к мосту. Ждали тебя там, ждали, а ты не идешь. Пошли уже было домой, да встретили хромого пастуха. Он нам и сказал, что ты пошел искать корову на ворошихинские овраги. «Идемте,— говорит он нам,— вместе к плотине, там сейчас все известно станет, нашел корову ваш Пашка или нет и куда он подался». Ну, подошли мы к плотине, а там ничего про тебя неизвестно. Тогда Василий Маркелович говорит: «Идите, ребята, домой, а я пойду вашего Пашку искать». А сторож и рассмеялся: «Что вы, Василий Маркелович! Да этот парень, наверное, давно уже дома, у мамки на печке греется!».

Василий Маркелович ему в ответ: «Не такой, я думаю, Пашка человек. Не мог так поступить взаимодействующий сосед». И я ему тоже сказал: «Не такой у нас Пашка человек!» Вот спроси Анку!

Анка подтвердила, что Саня именно так сказал сторожу у плотины.

— Ну, мы и пошли тебя искать,— закончил свой рассказ Санька.

Павел долго молчал, потом, опустив голову, спросил:

— А ты, Саня, не сердишься на меня?

— Вот еще! Я и сам знаю, что это из-за меня чернила разлились.

— Я ведь, ребята, не нарочно. Мне только жалко очень стало, что тетрадки все чернилами залились...

— Конечно, жалко! — сказала Анка.— Всем жалко!

— А где твоя шапка? — спросил Саня.

— Потерял!

Ребята переглянулись. Анка вытянула из-под капора платок, но не решилась его предложить.

— Анка! Давай платок мне,— сказал Саня. Он снял свою шапку с золотым якорем и протянул Пашке: — На́, надень: ведь замерз,— а я платком повяжусь.

— Хорошо, что вы пришли! — сказал Пашка.

Он оглядел темный глинистый обрыв, густые обвитые хмелем кусты ольховника, оледеневшие камни в русле Ворошихи. Каким незнакомым и холодным еще совсем недавно был этот овраг! И каким близким и нестрашным он оказался теперь, когда все товарищи были вместе!..

— Ой, ребята, а как же я испугался, когда с этого обрыва вниз летел!.. Я ведь думал, что совсем пропал,— признался Павел.— А в какой стороне плотина?

— Да вот же, рядом,— сказал Санька.— Тут Ворошиха такого кругаля задает, прямо под самую Воронцовскую рощу! Мы через рощу и бежали. Это нам Василий Маркелович так показал, а сам он по оврагу идет.

— Анка! — сказал Пашка.— Ты не забоишься возле Маняши с Колей посидеть? Мы бы с Санькой пошли навстречу Василию Маркеловичу. Что ему сюда ходить, ногу трудить!

— Идите. С Колей я не забоюсь,— с уважением глядя на Павла, сказала Анка.

Даже Саня на этот раз не возразил Пашке. И если бы Саня даже знал, что всего несколько минут назад Пашка плакал, уткнув нос в шею коровы, он бы и то не посмеялся...

А когда через час под строгим наблюдением зоотехника и Василия Маркеловича Маняшу на широких розвальнях вывезли из оврага, а потом уже на грузовой машине доставили на ферму, председатель колхоза, посадив ребят в ту же машину, сказал шоферу:

— Отвези их, Ваня, домой, в Подлески.— И, пожав руку Пашке, добавил: — Хорошо, что есть на свете такие надежные соседи! Будем, значит, и дальше взаимодействовать.

РАДИСТКИ

Рисунки А. Билль.

Павел ХАЛОВ

От злобы море пеной пухнет,
А в небе, черном и глухом,
Три огонька висят над бухтой,
Как над лирическим стихом.
Горят на тоненьких антеннах
Радиостанции огни —
Две девочки в ночную смену
Над аппаратами одни...

Я больше месяца их знаю,
Но до сих пор я не привык,
Что две девчонки понимают
Далеких сейнеров язык,
Что в стекла ветры бьют косые,
Что заметает их буран,
Что окна их — одно в Россию,
Другое — в Тихий океан,

Что их всегда до слез волнует,
Когда,
прорвавшись в их район,
Над морем яростно воюет
Пришедший с севера циклон —
Его наполненность, размеры,
Его склонения и вид,—
Как будто он, по крайней мере,
Им первым в Азии грозит.

К ним по ночам, часа в четыре,
Махнув рукою на мороз,
Приходят молча бригадиры
Разведать утренний прогноз.
Они, большие, как медведи,
В руках огромных шапки мнут.
Их лица цвета старой меди
Почти оттаивают тут...

Уйдут, а девочкам не страшно.
Пусть море бродит досветла,
Их котелок с борщом домашним
Стоит на краешке стола.
Им кто-то сделал занавески,
Им кто-то плитку починил:
Ведь пальцы их
слабы по-детски,
Все в школьных пятнышках чернил.

И что-то плещется и тает
На дне души моей. Меня
Все непреклонней тянет, тянет
На три лирических огня.

На золотых песках

Владимир СТЕПАНЕНКО

Рисунки А. Смолина, П. Смолина.

ПОВЕСТЬ

НА НОВЫЕ МЕСТА

После теплых мартовских дождей по Аму-Дарье прошла шуга. Свежий ветер разогнал низкие облака, и солнце стало плавиться в каждой луже, в бегущей воде арыков, в маленьких озерцах. Земля жадно задышала. В степи выбивалась тонкая трава. На рыжих лысинах солончака заблестела соль. Ветер перекатывал ее из стороны в сторону, и она скрипела.

Но как ни ярко светило солнце, вода в Аму-Дарье оставалась все такой же черной.

Однажды на рассвете, развернувшись свежевыкрашенной, желтой кормой, грузовой пароход «Аральск» отвалил от пристани и повел баржу под погрузку. Он готовился уйти в свой первый рейс. Еще не успел смолкнуть раскатистый отходной гудок, как в плотном тумане скрылась высоко сидящая баржа, капитанский мостик и, наконец, большая закопченная труба парохода.

Ромка Кузьмичев стоял на пристани среди других пассажиров. Это был белобрысый мальчуган лет четырнадцати, веснушчатый, большеротый, с уже загоревшим лицом и красными, обветренными руками. Из тумана некоторое время долетал до Ромки голос матроса да глухие удары плиц по воде. По этим звукам мальчик догадывался, что пароход не ушел далеко и медленно тащится в тумане против течения.

Больше недели Ромка вместе с родными ждал открытия навигации. Это были томительные дни. Мать ходила по огородам. Ее радовали высокие стрелки лука, зеленая ботва картошки. Всплескивая руками, она возбужденно говорила:

— Посмотрите, какой лук! Вот и верь слухам... Пугали, что здесь ничего не родится!

И, быть может, оттого, что мать убеждалась в небывалой щедрости здешней земли, она перестала бояться Туркмении, куда ехала с опаской.

Ромка не обращал внимания на огороды. Он находил на пристани много интересного. Подготовленные к отправке машины, раскаленные солнцем, угарно дышали тавотом. Машины всегда интересовали мальчика, и он готов был целыми днями смотреть на них.

Но больше всего Ромка любил ходить около штабелей бревен и досок. Смолистый запах делал этот маленький участок среди песчаных бугров, незнакомой, жесткой травы и солончаков кусочком Ромкиной далекой родины. Стоило на минуту закрыть глаза, и в памяти вставал сосновый бор возле Воронежа.

«И зачем только отец сюда напросился? — с горечью думал Ромка.— Разве на заводе ему было плохо?»

Чтобы успеть к посевной, на баржу в первую очередь грузили тракторы, бульдозеры, канавокопатели и множество других машин. Узнав, что они направляются на ту машинно-экскаваторную станцию, где он должен работать, отец вызвался руководить погрузкой, и как ушел с вечера, так до сих пор еще и не возвращался.

Время тянулось медленно. Туман стал подыматься. Проглянуло солнце. Гудок парохода раздался неожиданно. Звук его достиг берега и, наталкиваясь на стальные громады машин, стал уже затихать. Но вдруг бревна и доски в штабелях — каждый штабель на свой лад — в разную силу повторили его эхом.

У Ромки не было времени разобраться, как это произошло. Гудок парохода усилил его волнение. «А что, если сейчас посадку объявят? — подумал он и с ужасом посмотрел на мать.— Нам с ней всех вещей не поднять!»

За время ожидания пассажиры на пристани успели между собой перезнакомиться. У Ромки даже появились новые товарищи. Это был здешний городской паренек Раджабкули, матрос Ахмед и девочка Айнабад.

Раджабкули ежедневно рано утром появлялся на реке с двумя удочками. Ромка зачарованно смотрел, как он ловит сомят. Позже, когда Раджабкули уходил, Ромка встречался с Ахмедом. В большой черной папахе он совсем не походил на матроса, но это сразу забывалось, когда Ахмед принимался рассказывать о реке, о далеком Аральском море, о своем пароходе. Весело было видеть его за работой: мыл ли он палубу или подкрашивал что-нибудь — все делал одинаково ловко и быстро.

Когда приходил автобус из города, появлялась Айнабад. Ее отец Борис Дурдыевич, маленький, толстый, здоровался и неизменно спрашивал, что произошло за ночь нового.

Ромка подробно рассказывал все новости, не забывая сообщить, сколько сомят поймал Раджабкули.

Познакомился Ромка и с молодым бульдозеристом, волгодоновцем Петром Егоровичем. Впрочем, Петра Егоровича все знали: он много и охотно рассказывал о стройках, на которых работал, о себе. Но в это утро и он молчал, видно, взволнованный предстоящей поездкой по большой, грозной реке.

Пароход выполз из клочковатого тумана весь в искрящихся каплях воды. За кормой смутно темнел силуэт баржи. Сбросили сходню. Пассажиры засуетились, подхватили чемоданы.

Мать посмотрела на Ромку. В уголках ее глаз дрожали слезы.

— Вот всегда так!

— Ничего, справимся сами! — сказал Ромка.

Он схватился за самый большой чемодан, но не смог даже сдвинуть его с места.

— Давай помогу,— с готовностью предложил Ахмед, уже успевший сменить черную папаху на фуражку речника.— Ай, бала!

Ахмед легко подхватил чемодан и прошел на пароход. Он долго ходил по заставленной палубе, переступая через узлы и ящики, отыскивая свободное место.

— Ромка, иди к нам! — позвала Айнабад.

Девочка сидела, взобравшись с ногами на большой тюк. Сразу было видно: устроилась она хорошо и надолго.

Айнабад — ровесница Ромки, но рядом с ним, коренастым, сильным, походила на тонкий, гибкий прутик лозы. Гладко зачесанные на пробор черные волосы ее были разделены на две длинные косы.

— А где отец?

— На барже, машины грузит!

— Копается и нас задерживает.— Айнабад капризно поджала губы.— Без этой баржи мы бы давно ушли.

Ромка промолчал. Тоже берется рассуждать! А что понимает? Не каждый, даже очень опытный, тракторист въедет по узкому трапу на высокую баржу и сумеет там развернуться, чтобы не слететь за борт.

Дали второй гудок. Ромка подбежал к борту. Но как он ни вглядывался в рыжий песчаный берег, отца нигде не было видно.

Айнабад, склонившись над чемоданом, что-то старательно записывала в общую тетрадь.

«Наверное, дневник ведет,— подумал Ромка.— Воображает, что путешественница!» Эта мысль на короткое время развеселила его.

Сзади незаметно подкрался высокий мальчуган в цветном халате и хлопнул Ромку по плечу.

— Не ждал? Думал, обманул, да?

Перед Ромкой стоял Раджабкули, высокий, смуглый, в цветной тюбетейке, в красном пионерском галстуке, с коробкой из-под ботинок в руках.

В волнении и суматохе этого беспокойного утра Ромка действительно забыл, что Раджабкули обещал прийти его проводить. Но нельзя же было в этом признаться, и он смущенно сказал:

— Решил, что надул.

— Эх, ты! Джигит слово дал — держит! Это запомни. Я тебе рыбу принес... Подвесь к потолку, чтобы кошки не сцапали. Если дело идет к дождю, хвост повернется в сторону... Помни, рыба эта очень редкая. Ее еще Том Сойер с Гекльберри Финном ловили.

Ромка так выразительно прищурился, что Раджабкули понял: ему не верят.

— Говорю тебе, ловили! Эта рыба водится в Миссисипи и у нас в Аму-Дарье.

Ромка почувствовал, как жаркий румянец разлился по щекам. Он торопливо взял из рук Раджабкули коробку и развязал веревку. На мягком хлопке лежала небольшая серая засушенная рыбка с плоской головой. Хвост у нее был острый, длинный, как карандаш.

— А хвост крысиный!

— Выдумаешь еще! Говорю тебе, это редкая рыба. Называется по-научному «скаферинх»! Помни, если к дождю, хвост повернется вправо... И обязательно на ниточку повесь.

Ромке хотелось отблагодарить товарища. Он дотронулся до кармана, где в плоской коробочке из-под леденцов лежали его рыболовные крючки и сатурновая леска. Но тут же рука непроизвольно скользнула куда-то вниз: Ромке стало жаль расставаться со своими сокровищами.

Раджабкули отвернулся и внимательно разглядывал берег. Как был благодарен ему Ромка за выдержку!

— Возьми мою снасть! — Ромка облегченно вздохнул, как будто перебежал через глубокий овраг.— Знаешь, какой это сатурн!

Только истинный рыболов мог по-настоящему оценить подарок. Раджабкули с силой пожал протянутую руку.

— Второй гудок дали... Смотри, уплывешь с нами,— сказал Ромка.

— Долго же твой отец задерживает пароход! — крикнула Айнабад.

— Заладила! А знаешь, что все грузы для сельского хозяйства во время посевной отправляют в первую очередь? Это не строительство, куда и опоздать можно! Правда, Раджабкули?

— А канал, по-твоему, не важная стройка? Кто же даст воду? — возмутилась Айнабад.

— Я пошел.— Раджабкули еще раз крепко пожал Ромке руку.

Подул ветер. Туман подымался. В его рваных просветах показался низкий левый берег с прошлогодним камышом. Из-за рыжих метелок выглядывали горбатые барханы. С их вершин безостановочно тек песок. Пыль дрожала над барханами маленькими облачками.

С парохода дали последний гудок. Два матроса подхватили сходню и выбросили на берег.

— Отдать кормовой! — прокричал капитан.

Матрос на пристани снял с кнехта толстый канат и бросил его в воду. И тут появился отец. Обежав матроса, он прыгнул на палубу отходящего парохода.

— Эй, шайтан! Утонешь! — испуганно вскрикнул матрос.

— Папа! — Ромка бросился навстречу отцу.

— Иду, иду!

Тяжелые кирзовые сапоги застучали по палубе.

— Варвара, как не стыдно? Ты плакала! — Отец погладил широкой ладонью жену по волосам.— Ну куда бы я делся? Мог бы и на барже плыть!

Мать торопливо вытирала слезы.

— А ты, Роман Васильевич, тоже хорош! Чуть сам не раскуксился.— Отец потрепал Ромку по плечу.— Думаешь, легко было грузить? Если бы одни только наши грузы, а то их вон сколько!..

«Аральск» выходил на стремнину реки. Здесь Аму-Дарья была особенно грозной, ярилась и шумела, перекатывая подвижное песчаное дно.

Ромка жадно смотрел вперед. Город кончился, пропала зелень садов, огородов и полей. Берега потянулись серые, однообразные. Барханы то отступали, то спускались к самой воде. И когда пароход проходил близко от берега, Ромка чувствовал горячее дыхание песков.

Ромка первый раз плыл на пароходе, и все здесь для него было интересным и новым. Больше всего его, конечно, привлекала машина. Может быть, потому, что Ромкин отец был механиком и всегда имел дело с различными машинами, Ромка чувствовал особое влечение к моторам, инструментам, ключам, болтам, гайкам и железкам. Ему всегда хотелось придумать, куда привернуть тот или другой болт. Он хорошо разбирался в работе четырехтактного двигателя, умел поставить зажигание, паял и — этим он особенно гордился — пробовал управлять автомобилем.

Собираясь осматривать пароход, Ромка подумал, что хорошо бы позвать Айнабад. Но девочка спала, свернувшись клубком на чемодане, подложив под голову ученический портфель.

После бессонной ночи все пассажиры спали. Один Ромка, усевшись на высоком узле с вещами, ожесточенно тер глаза, боясь пропустить что-нибудь интересное.

Пробили склянки. Ромка вскочил и оторопело посмотрел на реку. Так, значит, он все-таки заснул! Правда, похоже, пока Ромка спал, ничего особенного не произошло,— и берега оставались все такими же пустынными.

— Садись, соня! — добродушно сказал отец.

Перевернутый чемодан был приспособлен под стол. На разостланном вафельном полотенце горкой лежали редиска, хлеб, масло.

— Борис Дурдыевич, Айнабад, с нами чай пить! — позвала мать.— Чайник большой вскипятили, на всех хватит!

Борис Дурдыевич не заставил себя дважды просить. Хотя он успел снять тяжелые, гремящие сапоги, двигался он, как всегда, шумно. На этот раз хлопали желтые тапочки со стоптанными задниками.

— Вы меня на этот чайник звали? — улыбнулся Борис Дурдыевич.— Извините, но здесь всего на две пиалы. Даже малую жажду не утолишь. Придется еще кипятить...

— Значит, на новое место, Борис Дурдыевич? — спросила мать и вздохнула.

— На новое. Так за женой и езжу по свету, меняю одну больницу за другой. Скоро больные такому доктору и доверять не станут! Мы с Айнабад изучаем географию нашей страны по железным дорогам, а теперь к этому еще и реки прибавились. Мы на канал едем. Жена там — главный инженер... А вы в колхоз?

— В машинно-экскаваторную станцию,— быстро ответил за мать Ромка.

— Мы тоже не хуже вас путешественники! — Мать осуждающе посмотрела на мужа.— За шесть лет третий раз переезжаем. С завода ушел... И квартира была хорошая и заработок... Ромку с учебы сорвали...

— Механиком будет работать?

— Хорошо бы механиком, а то начальником планировочного отряда.

— Планировочного? — удивленно переспросил Борис Дурдыевич.— Что же это за отряд?

— Вы его не спрашивайте,— сказала мать.— Он и сам не знает. Он механиком хотел работать, а в министерстве предложили новую работу.

— Ну что ты зря говоришь? Кажется, все объяснил: работа та же самая, но объем шире. Здесь переходят на новую систему орошения, и теперь, кроме обычных машин, планировочному отряду придаются бульдозеры, скреперы, экскаваторы... Как я понял, надо землю планировать, новые поля делать... Одно знаю,— отец виновато улыбнулся,— работы много, и будет она интересная!

«Знаю я эту интересную работу! — с досадой подумал Ромка.— Тракторы и тракторы. Другое дело — у Айнабад: на строительстве канала будет что посмотреть!»

От берега отделилась огромная глыба земли и с пушечным грохотом упала в воду.

Все обернулись.

— Видела?! — возбужденно спросил Ромка у Айнабад.— Оттого и вода в реке такая грязная, что в ней земли много!

— Папа говорил, что это ил. Аму несет больше ила, чем даже Нил.

— Ил и земля — это одно и то же! — заспорил Ромка.

Около ребят остановился Ахмед. Ромка попросил его рассказать об Аму-Дарье.

Ахмед погрозил реке кулаком и назвал ее шайтаном. Потом он сказал, что бежит она большой дорогой. На Памире ее Вахшем зовут, ниже — Пянджем, а здесь — Аму-Дарьей. Если по-русски перевести — это «Бешеная река».

Снова с грозным грохотом обвалился берег.

— Так она все берега снесет,— убежденно сказал Ромка.

— Берега — что! — засмеялся Ахмед.— А ты про город Турткуль слышал? Его Аму целиком смыла...

— Какой Турткуль? — спросила Айнабад. Ей, члену географического кружка шестого класса, было стыдно, что она ничего не знает о Турткуле.— Большой город?

— Большой! — Ахмед прищелкнул языком.— Главный город Кара-Калпакии был!

Ромка обрадовался, что Айнабад чего-то не знает. Он давно заметил, что она любила командовать и быть первой. Говорила ли она о своем классе, об отметках, об отряде или географическом кружке,— во всем он усматривал желание блеснуть перед ним.

— Ага, не знаешь...

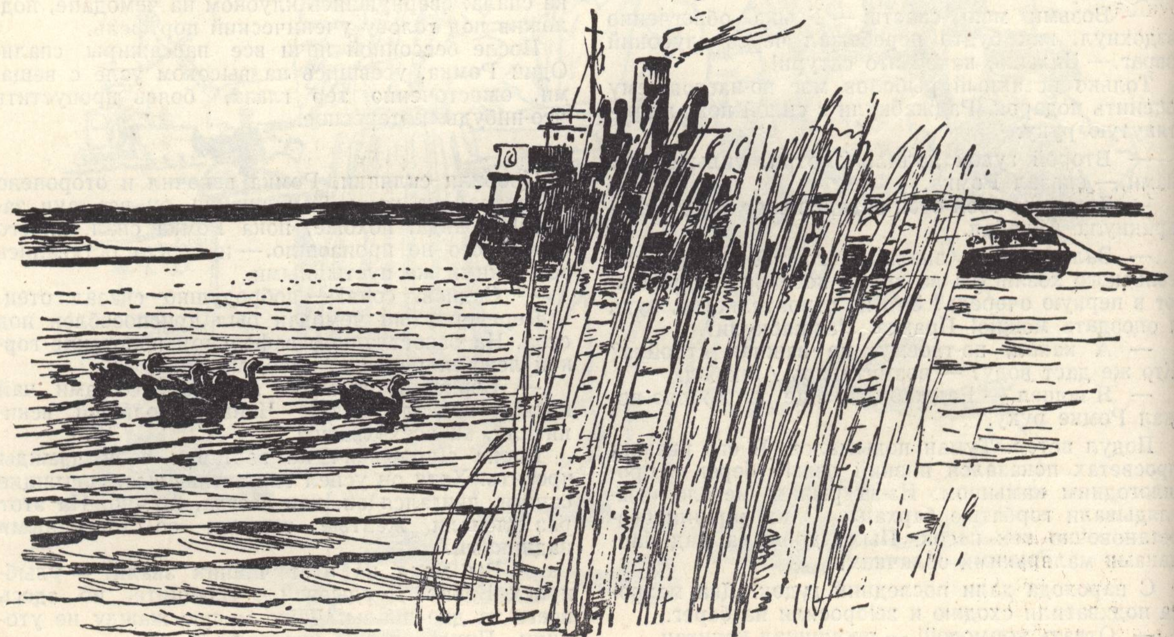
Айнабад предостерегающе цыкнула и показала в сторону берега.

В заливчике, куда не достигало стремительное течение, сидела большая стая уток. Они покачивались на воде, как поплавки рыболовных сетей. Утки были невиданной породы, с ярко-красными шеями.

— Афганки,— прошептал Ахмед.

— Вот бы по ним пальнуть! — мечтательно сказал Ромка.— Жалко, что ружье далеко спрятано. Сразу бы несколько штук срезал!

Айнабад недоверчиво посмотрела на Ромку.

— Что, не веришь, да? Настоящее ружье, шестнадцатый калибр.

Айнабад звонко хлопнула в ладоши. Утки поднялись и всей стаей прошли перед пароходом. С их острых крыльев срывались капли воды.

— Рома, Айнабад, идите же поешьте!

Проголодавшиеся ребята принялись уничтожать редиску, хлеб с маслом, пили чай.

— Василий, и ты бы ел. Хватит тебе смотреть на баржу! — сказала мать.

Баржа шла за пароходом на толстом тросе. Иногда она подходила совсем близко, и тогда трос провешивался и чиркал по воде. Когда она отставала, пароход дергал ее, и все ощущали этот рывок.

— Да как не смотреть! Машины — красавицы! Скоро воевать начнем.

— Помешался на своих машинах и думаешь, что без них жить нельзя! — нетерпеливо сказала мать.— У нас все не как у людей. Другие на строительство едут, а мы в колхоз. Там ведь совсем другие заработки. Посмотрел бы, сколько добра везут Петр Егорович с женой, а ведь они недавно поженились. Мы век прожили, а что у нас есть?

— Кому что, а курице просо! — недовольно сказал отец.— Мало ли где большие деньги зарабатывают! Я не за ними гоняюсь, мне важна работа по душе!

Ромка не любил, когда родители спорили. Он поднялся и побрел на корму.

Там сидел бульдозерист Петр Егорович, которого все, не сговариваясь, звали просто Петенькой. Около Петеньки, как всегда, расположились слушатели. Ближе всех, поджав ноги, сидел Ахмед.

Петенька, польщенный вниманием, говорил, как всегда, многословно. Широкие смуглые ладони удивительно дополняли его речь. Они то стремительно взлетали, то застывали на месте, то вдруг падали. Движение ладоней поясняло передвижение Петеньки по жизни.

— Демобилизовался я из армии танкистом, а что делать в «гражданке», не знаю...— Пальцы рук зашевелились.— Прослышал, что вербуют на строительство Волго-Дона, и решил туда податься. Посмотрели в отделе кадров на мои петлицы: танкист! Значит, трактор хорошо знает. Определили на бульдозер работать. Работа мне показалась простой, легкой, я и заважничал. День проходит, второй, третий... А выработку-то не даю!.. Спасибо, бригадир помог. Сел он за рычаги управления, а рядом меня посадил. «Ты, парень, сам плохо работаешь и всю бригаду за собой тянешь,— сказал он.— Если тебе никто не говорил, так знай: мы держим красное переходящее знамя стройки и никому его не отдадим!» Потом я работал уже не хуже других. Красное знамя у нас в бригаде все время было. Меня там и в партию приняли. Рекомендовал сам Филипп Максимович, наш бригадир... А когда все земляные работы закончили, собрал он нас и спросил: кто куда надумал ехать. Дошла очередь и до меня. «А ты куда, Серегин?» А я ему и скажи: «Куда вы, туда и я». «Нет,— говорит,— это неправильно, если все мы поедем на одну стройку. Ехать тебе, Петр Егорович, надо на новое строительство. Пора и тебе в бригадиры выходить, многому ты научился, пора и других учить. Я поеду в Сталинград: дети подросли, учить надо. Разъедемся по стране и на всех стройках будем передавать наш опыт. Будем держать марку волгодонцев...» Понял, брат, какой прицел брал? Вот теперь я с Каховки сюда подался.

— Бригадиром будешь? — спросил Ахмед.

— Не знаю. Посмотрят на документы, отзывы, характеристики.

— Петенька правду говорит,— сказала жена бульдозериста Зина, веселая, нарядная, с завитыми волосами.— Его фотография все время на доске почета висела. Когда с Каховки уезжали, я попросила, чтобы мне ее на память с собой дали. Так начальник участка сказал: «Зина, нам фотография Петра Егоровича для истории нужна. Пускай его молодые рабочие знают!»

Подошла Айнабад и дернула Ромку за рукав:

— Пойдем пароход осматривать!

Ромка хотел начать осмотр с машинного отделения, но Айнабад упрямо потащила его на капитанский мостик.

На мостике за штурвалом стоял незнакомый матрос, очень похожий на Ахмеда. Капитан, пожилой человек с седыми усами, в серой каракулевой шапке, сидел за маленьким столиком и пил чай с сушеным урюком.

— Можно подержать? — спросила Айнабад, смело подходя к штурвалу.

Она положила руку на штурвал. По другую сторону от матроса встал Ромка.

Стоило ему только взяться за точеную ручку, как он ощутил живое движение реки, почувствовал себя настоящим бывалым моряком. Он уже не видел, что у колеса продолжал стоять матрос. Он пристально смотрел вперед. Шесты с пучками старого сена стояли на мелях. На быстрине вода завивала воронки.

Ничто, казалось, не предупреждало об опасности, но матрос торопливо стал перекатывать колесо, направляя пароход с середины широкой реки под берег. Ромка едва успевал перехватывать ручки.

Пароход стал разворачиваться и подставил свой бок течению. Мальчик почувствовал, как вздрогнул штурвал, когда вода с силой ударила в борт, навалилась на руль. Ромка уперся ногами в пол.

— Эй, давай! — возбужденно крикнул матрос и еще быстрее завертел колесо.

Шипя под полосой железа, от колеса поползла к рулю цепь.

Ромка бегло глянул на Айнабад и увидел, что она выпустила штурвал. Ручки мелькали перед ним с непостижимой быстротой. Штурвал сотрясался. В этом дрожании Ромка чувствовал гигантскую силу необузданной реки, с которой он вступил в единоборство.

Пароход теперь двигался под берегом.

Айнабад снова стала к штурвалу.

— Это я повернул пароход! — тихо сказал Ромка. — Видела?

Ромка любил прихвастнуть, но сейчас он сам был глубоко уверен в том, что повернуть пароход удалось именно ему. Ничего не значило, что рядом стоял матрос!..

— Ты? — Айнабад недоверчиво пожала плечами. — Скажешь тоже!..

* * *

На четвертый день показалась пристань. Было даже удивительно, что капитан ее заметил. Тут не было ни дебаркадера, ни пакгаузов, ни разгрузочных кранов. Приставали пароходы прямо к берегу.

На берегу было пустынно и тихо. Только тюки хлопка высокими горами подступали к самой реке, заслоняя маленькие саманные домики с плоскими крышами. Дома здесь называли кибитками — старым словом, которое передавалось из поколения в поколение. На крышах лежали сено, лепешки кизяка и стебли хлопчатника.

Совсем не таким представлял себе Ромка этот поселок. И оттого особенно грустно было расставаться с пароходом, который уйдет теперь на стройку канала, в другой, интересный мир, туда, где работает Нурбиби Оразгельдыева, мама Айнабад, где будет работать Петенька.

Ахмед, Петенька, Айнабад стали уже для Ромки близкими друзьями. Особенно Айнабад. Теперь он хорошо ее понимал. Она была во много раз лучше, чем он сначала представлял себе. Высокая, худая, в коричневом школьном платье, с крупными кистями рук, она нравилась ему так, как не нравилась прежде ни одна девочка... Найдет ли он в новой школе такого хорошего товарища, такого любопытного и жадного слушателя, как Айнабад?!. И все это Ромка понял только тогда, когда пристань уже катастрофически приближалась.

Настроение Ромки будто передалось матери.

— Приехали! — сказала она, тоскливо оглядывая серые саманные домики с пыльными маленькими окошками.

— Здесь будете жить? — спросила Айнабад.

— Нет, еще километров двести надо ехать, в степь. А как вот доберемся?

Пароход, дав задний ход, осторожно подвалил к берегу. Как только скинули сходню, отец подхватил вещи и направился к выходу. Ромке надо было помогать ему.

— Айнабад!

Лицо девочки стало серьезным.

Он сильно пожал ей руку. Посмотрел пристально, как будто хотел надолго запомнить немного широкоскулое лицо, черные глаза, косы.

Две слезинки поползли по щекам Айнабад. Она быстро смахнула их рукой и нагнулась, сделав вид, что поправляет шнурок ботинка.

— Ты мне напишешь? — отважился спросить Ромка.

— Напишу.

— Молодец, Айнабад! — сказала мать. — Раз подружились, не забывай товарища. Ваше дело молодое — то учиться поедете, то работать начнете, может быть, где-нибудь и встретитесь еще!

Ромка вскинул на плечи вещевой мешок и подхватил коробку из-под ботинок, где лежал подарок Раджабкули.

Когда все сошли на берег, отца уже не было. Он оставил вещи, а сам куда-то скрылся.

— А Василий Семенович — прямо невидимка! — сказал, смеясь, Борис Дурдыевич.

— И впрямь невидимка, — вздохнула мать. — Как уйдет на работу, мы его не видим по целым дням. Всегда что-нибудь мастерит, изобретает. Знаете, почему он на станцию с завода попросился? Не устраивало его восемь часов работы. Здесь будет сколько влезет работать. Вот он, невидимка, уже на барже!

Отец вернулся встревоженный. Оказывается, из машинно-экскаваторной станции никто не приехал, а баржу уже отцепляют.

— А кто нас ждет? — раздраженно сказала мать. — Сам грузил, сам и будешь разгружать. Тебе не привыкать! Семеро навалят, а ты повезешь!

— Нас с тобой могли и не встречать, а машины сейчас в поле до зарезу нужны!.. Разве вот мою телеграмму не получили?

Матросы громко переговаривались между собой, закрепляя баржу у берега. Раздался гудок. Айнабад заторопилась на пароход.

Вот и третий гудок! Пароход отвалил, сильное течение подхватило его и стремительно потащило вперед. Но уже через секунду или другую сильно заработала машина, и пароход уверенно направился на середину реки.

Айнабад, облокотившись о перила, прощально махала рукой...

Только в конце дня появилась запыленная автомашина. Приехали рабочие, шоферы и трактористы, чтобы разгружать баржу.

Отец обрадовался, торопливо стал знакомиться. Он готов был тут же приступить к работе.

Но директор машинно-экскаваторной станции Абаджан Мурзаев, высокий, сильный, с седой головой, в белой гимнастерке, перетянутой в талии широким офицерским ремнем, с узкой орденской колодкой на груди, виновато улыбнулся.

— Василий Семенович,— сказал он,— зачем спешить? Люди устали. Надо сначала чай попить. За машины не волнуйся. Все сделаем. А вам надо ехать: жена устала, мальчик устал... Я уже квартиру вам нашел, да и председатель колхоза обещал посмотреть в ауле. Где больше понравится, там и оставайтесь. А потом мы вам кибитку поставим.

И отец сдался... Но когда полуторка запрыгала на выбоинах дороги, гремя и позванивая всеми раскрутившимися болтами, гайками и проволочками, он тоскливо посмотрел в сторону оставленной баржи и вздохнул.

— Хороший человек — директор! — сказала оживленно мать.— Я у него все узнала. Говорит, бедный: мало детей. Одна дочь, Эджегиз зовут. Видно, здесь детей любят, это хорошо.

Последний раз за поворотом дороги мелькнул поселок и скрылся. Впереди лежала огромная, нетронутая степь. И словно разбежавшись по ней, то тут, то там подымались высокие бугры. Стояла удивительная, звонкая тишина. В ней легко было услышать треск кузнечика, свист песчанки, шорох пробежавшей в траве мыши-полевки, всполох птицы.

Но надо же было так случиться, что приезжим прежде всего открылась не щедрая, прекрасная земля в зеленом ковре разнотравья, в горящих тюльпанах, а бедные солончаки с жесткой, редкой травой!.. Всюду блестела соль. Кузьмичевы принимали ее за снег.

Мать тоскливо вздыхала, поглядывая на притихшего мужа.

Но проехав около тридцати километров, машина словно попала в другую страну: начались возделанные поля с сочной зеленью поднявшегося ячменя.

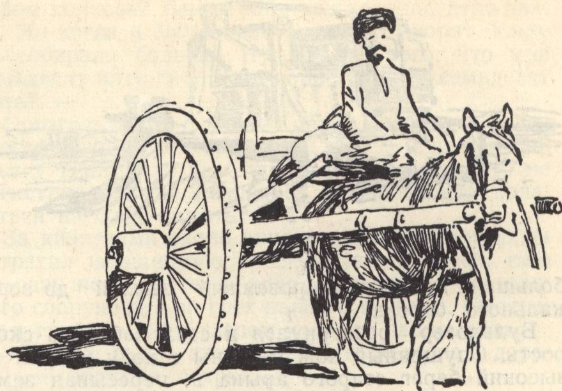
Яркое солнце, простор возбуждающе действовали на Ромку, и он не обращал внимания на разбитую дорогу, на все неудобства езды.

Часто в радиаторе закипала вода. Пар вышибал пробку. Вода бурлила и летела вверх. Шофер останавливал машину, упирал вылетающий рычаг скоростей палкой и садился на песок. Ему было стыдно перед новыми людьми за свою машину, за плохую езду. Он виновато улыбался и говорил:

— Радиатор потек, я его мукой паял!

— Это ты зря! — строго говорил отец.

Перед каждым аулом шофер прибавлял скорость. Машина оглушительно стреляла. На нее налетали огромные собаки с обрубленными ушами. Они бешено лаяли, стараясь схватить клыками белые, облысевшие скаты. Потом, обессилев, они уже только хрипели от ярости, но не отставали от машины. Глядя на собак, Ромка боязливо поджимал ноги.

— Страшно? — спрашивал сидящий рядом тракторист Непес и весело смеялся.

Иногда машина обгоняла арбы. Эти телеги удивляли Ромку своей несуразностью: к маленькой площадке приделаны огромные деревянные колеса. По ободу набиты гвозди с большими круглыми шляпками. Казалось, лошадь все время хочет убежать от этой арбы. А возчик — арбакеш — сидел словно на крыше дома, упершись босыми пятками в оглобли.

Ромка удивлялся до тех пор, пока не увидел, как арба, доверху нагруженная хлопком, переезжала арык. Огромное колесо по самую ступицу скрылось в воде, но мешки не намокли.

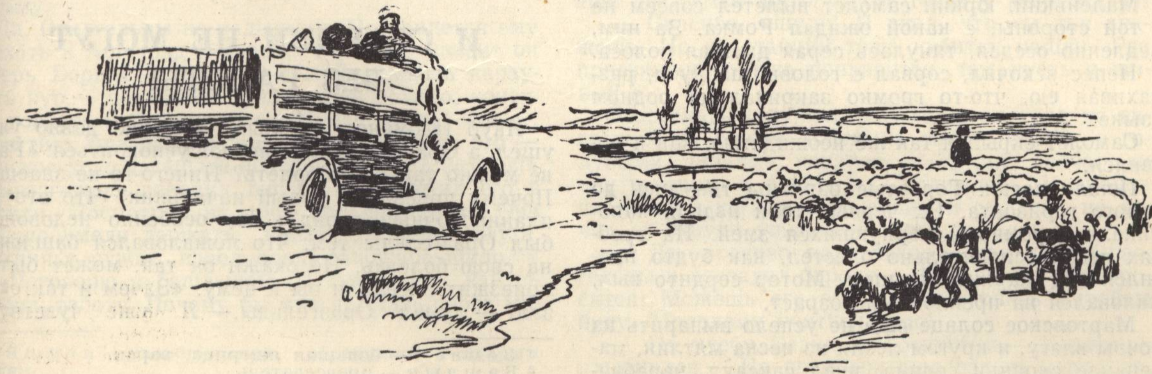
— Смотрите, как ловко придумано! — громко крикнул Ромка

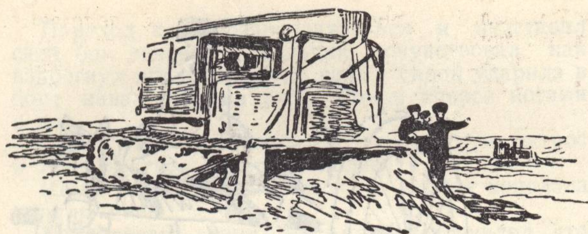
Он по достоинству оценил теперь конструкцию арбы. Даже шляпки гвоздей, оказывается, были нужны: они помогали колесам выбираться из арыков, не скользить, как цепи на колесах машин.

Когда машина переезжала по мосту через арык или встречалась в облаке пыли с отарой овец, шофер круто сбавлял скорость. Так же резко затормозил он около поля, где работал бульдозер. Шофер высунулся из кабинки и сказал, что это начинают делать новое поле.

— Вот такую работу я люблю! Простор! — оживился отец.— Варя, ты только посмотри на этого работягу, сколько он здесь земли один переворочал!

Тот, кого отец ласкательно назвал «работягой», был самый обыкновенный тяжелый трактор. Но в то же время это была уже не та машина, которую отлично знал Ромка, а совсем другая. Она не тащила сзади сцеп плугов, а двигала перед собой

большой нож, отполированный землей до зеркального блеска.

Бульдозер развернулся и стал набирать скорость. Опущенный нож машины с ходу ударил в высокий берег старого арыка и, пересыпая землю, двинул ее перед собой.

— Хорошее будет поле! — сказал Непес. Он достал из кармана маленькую тыквенную бутылочку, насыпал на ладонь зеленого, мелко натертого табаку и отправил его в рот.— К приходу воды надо успеть. А работы много.

— С канала воду ждете? — спросил Василий Семенович.

Непес кивнул головой, посасывая табак.

Поле осталось позади. Опять начались барханы. Вдруг в невысокой траве Ромка увидел черных птиц. Пощипывая траву, они медленно передвигались. Вот стая перевалила через гребень бархана и большим черным пятном растеклась во все стороны.

И вдруг Ромка узнал птиц.

— Скворцы! Наши скворцы! Смотрите! — закричал он.— К нам летят!

Чувство огромной радости и волнения охватило его. Как сейчас шумно там, дома, в родной школе! Как хлопотливо! Ребята после уроков строят скворечники. Только он уже в этом году не сделает своего домика и не повесит его на дерево!.. Как весело бывало в «праздник птиц»! Спорили за самое высокое дерево, за обладание лестницей... А как интересно было потом наблюдать за птицами! Закадычный Ромкин друг, Федя Сухов, достал у брата настоящий полевой бинокль!..

— Наши скворцы! — сказал, любуясь птицами, отец. Его широкоскулое лицо потеплело от радости.— Летят, а дорога дальняя-дальняя! Где снег прихватит, а где и буран. За такую дорогу всего ожидать можно. Много погибнет птиц... Но летят, торопятся, весну несут!

Неожиданно раздался стрекочущий гул низко летящего самолета. Птицы поднялись в воздух и темным облачком скрылись за барханами.

Маленький, юркий самолет вылетел совсем не с той стороны, с какой ожидал Ромка. За ним, медленно оседая, тянулась серая дымная полоса.

Непес вскочил, сорвал с головы шапку и, размахивая ею, что-то громко закричал на родном языке.

Самолет скрылся так же неожиданно, как и появился.

Пошли пески. Горбатые барханы тянулись до самого горизонта. Их черные тени издали напоминали огромных свернувшихся змей. На гребнях песок ослепительно блестел, как будто плавился под жарким солнцем. Мотор сердито выл, жаловался на преклонный возраст.

Мартовское солнце еще не успело выпарить из почвы влагу, и кругом лезли из песка мятлик, маленькие снопики селина, цвел саксаул, карабкалась на барханы пустынная осока, иляк. Над белыми чашечками цветов кандыма озабоченно гудели неповоротливые шмели.

Машина прошла около кустарника, и крепкие ветви зацарапали по борту.

— Что это? — спросил Ромка.

— Саксаул.

Ромка внимательно посмотрел на куст со скрюченным коротким стволом и подумал об Айнабад. Жаль, что нет ее сейчас рядом. Кто знает, увидит ли она когда-нибудь саксаул?

То, что удивляло Ромку и его родных, не трогало Непеса. Он молчал и, если Ромка очень уж к нему приставал, отделывался односложными ответами. Непес был охотником и хорошо знал эти места. А молчал он, чтобы поменьше открывать рот и не сушить его. Кто-кто, а Непес знал, как бороться с жаждой! Иногда он ронял несколько фраз.

— Пески хотят исправить. Саксаул сеют,— сказал он про самолет.— Здесь барханы шагают, как слепые верблюды: то хлопковое поле засыплют, то железную дорогу, а то и весь аул. А корни саксаула, как веревки, связывают барханы, не дают им двигаться...

Ромка с уважением смотрел на тракториста. Все, о чем тот рассказывал, было для Ромки целым открытием. Жаль, что Непес, зная так много интересного, все время молчит!

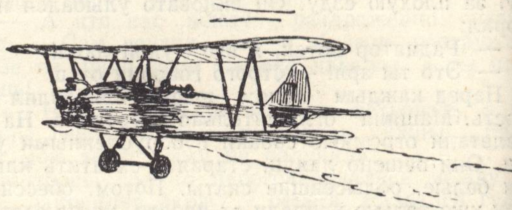
До боли в глазах всматривался Ромка в песок. Он мечтал увидеть зем-зема[1], отыскать спрятавшуюся в песке змею или степную черепаху. Но сколько он ни смотрел, кроме ослепительно белого песка, ничего не видел.

— А семена саксаула наши ребята собирают,— помолчав, сказал Непес.

— Пионеры?

— Пионеры. Вот познакомишься с моим братом Джурой.— Непес улыбнулся: он купил для Джуры на пристани в подарок автоматическую ручку, и ему приятно было думать, как поразится Джура.

А Ромка радостно вглядывался в простор нового, удивительного края и думал о том, сколько здесь будет для него замечательных дел.

И СТАРИКИ НЕ МОГУТ БЕЗ РАБОТЫ

Якуб Иломанов, башлык[2] колхоза, давно уже ушел, а Оразгельды все не мог успокоиться: «Разве можно так долго болеть? Ничего-то не знаешь! Почему приезжает новый начальник? Что это за планировочный отряд?» Но особенно недоволен был Оразгельды тем, что пожаловался башлыку на свою болезнь. Не скажи он так, может быть, приезжих поселили бы к нему. «Зачем я так сказал? — думал Оразгельды.— Я уже чувствую

[1] Зем-зем — большая ящерица, варан.
[2] Башлык — председатель.

себя совсем хорошо. Надо пойти и сказать башлыку. Он, Оразгельды, отказал гостю! Вах!»

Оразгельды поскреб ногтями давно не щипанный, колкий подбородок и торопливо слез с кровати. Пружины матраца, освободившись от тяжести тела, протяжно загудели. Оразгельды обернулся и погрозил матрацу пальцем: своим скрипом он мог выдать его жене.

Старик благополучно достиг сундука, обитого белыми перекрещивающимися полосками жести, и достал папаху. Но тут как раз вошла Нурча.

— Вскочил? — ворчливо сказала она и со злостью швырнула на пол охапку саксаула.— Все равно никуда не пущу!

Оразгельды надвинул папаху. Завитки меха скрыли его густые, кустистые брови. Пусть жена кричит сколько ей угодно, а он все равно пойдет к башлыку. Он надел на мягкие сапоги калоши с приклепанными к пяткам медными пластинками и вышел.

Во дворе яркое солнце ударило Оразгельды в глаза. Он зажмурился и жадно вдохнул воздух. С полей тянуло запахом прогретой земли и солярки. Этот запах сопровождал весну, как шумливая вода в арыках, как клейкие почки на деревьях.

На полях белели рубахи мужчин и краснели платья и платки женщин. Как соскучился Оразгельды по людям, по работе! Год назад правление перевело его на пенсию, но он все еще не мог примириться со своим бездельем.

По дороге в правление старик зашел на почту. Почтальона не было, вместо него сидел его сын Ташли. Мальчик учился в шестом классе, но часто развозил за отца на своем велосипеде по аулу письма и газеты. Все его звали «Почтальон Ташли». Ташли потянулся к сумке.

— Тебе письмо, яшули [1]!

Оразгельды без труда узнал на конверте почерк старшей дочери, Нурбиби. Он торопливо вскрыл конверт и протянул исписанный листок Ташли.

Прежде чем читать, мальчик внимательно оглядел конверт, изучил штамп.

— Карамат-Нияз! Раньше другой адрес был! — Он набрал в легкие побольше воздуха и принялся читать: — «Дорогой отец! Целую тебя и маму. Я переехала работать в бульдозерный отряд. Мы идем самые первые...» Я говорил, что из другого места письмо!

— А ты читай. Без тебя знаю!

— «Из Ашхабада выехали ко мне Борис с Айнабад. Но они уже не застанут меня в городе. Интересно, как им понравится пустыня? Устроюсь и потом опишу все подробно. Целую маму. Привет всем родственникам. Ваша Нурбиби».

Ташли заметил, что старик не особенно рад письму.

Да, Оразгельды не радовался. Не придется ему поехать в Ашхабад к дочери, не скоро увидит он теперь Бориса и внучку. «Опять остаюсь караулить кур,— обиженно думал он.— Можно, конечно, поехать к Сапару или к Ниязу. Или, может, навестить еще раз младшую дочь? Но нет, это — женское дело навещать дочерей, нянчить внуков!»

Оразгельды свернул письмо и положил его в карман. Посмотрел на свои большие руки. Они хорошо умели держать кетмень, ручку плуга, охотничье ружье, повод коня, сапожное шило.

«Поговорю с башлыком. Пускай дает какую-нибудь работу. Почему бы мне не стать снова мирабом колхоза? Бекчи работает хорошо, дело знает. Но когда я был мирабом, люди говорят, хлопка собирали больше. Ну, что из того, что мне семьдесят пять лет? Да и верно ли, что семьдесят пять?..»

Оразгельды не особенно верил старикам, когда они называли свои года. При царском правительстве у туркменов не было паспортов, и никто не регистрировал их рождение. Разве можно полагаться на одну память?

За кибитками около виноградников Оразгельды встретил незнакомую русскую девушку. Он еще ни разу не видел ее в ауле. Она стояла у странного сооружения из трех палок с трубкой. Смотрела в трубку одним глазом и что-то записывала.

«Может быть, здесь пройдет железная дорога?» — подумал старик.

Девушка, увлеченная работой, не обращала на него внимания.

— Салям алейкум! — поздоровался Оразгельды.— Скажите, что вы ищете?

— Для колхоза планировку делаем! — Девушка обернулась.— Вода к вам идет, надо новые поля разбивать!

Оразгельды сказал, что воды действительно мало: на маленьком роднике сидят три колхоза. И захотел узнать, откуда же придет вода.

— Да с канала! — Девушка удивленно посмотрела на Оразгельды, не понимая, как можно спрашивать о таких простых вещах.

Оразгельды едва удержался, чтобы не похвастаться: ведь на этом канале его дочь Нурбиби главным инженером! Разве она сможет забыть родной колхоз? Она обязательно даст воду!

И он снова почувствовал себя нужным и значительным человеком в ауле.

Старик незаметно дошел до правления.

Новый, построенный за время его болезни дом ему понравился. Напомнил те дома, которые он видел в Ашхабаде. Старик прошелся по открытой веранде, наслаждаясь прохладой, снял у порога свои новые калоши и, мягко ступая, направился в большую комнату.

За столом сидел башлык колхоза Якуб Иломанов, крепкий пожилой мужчина, с коротко остриженными волосами, с большими черными усами. Он недавно вернулся с поля, и на воротнике его белой рубахи плотным слоем лежала пыль.

— Салям, яшули! — удивленно произнес башлык, приподнимаясь. Он не мог понять, зачем к нему пожаловал больной старик, у которого он был только сегодня утром.

— Башлык, я здоров. Я сам пришел тебе об этом сказать,— неторопливо начал Оразгельды.— Ты знаешь мою кибитку. Она большая. Там могут еще две семьи жить! Пусть гости у меня живут!

— Спасибо, яшули! Я знал, что ты так скажешь. Но на станции тоже кибитку нашли. Где приезжему больше понравится, там пусть и живет!

Оразгельды, слушая, рассеянно смотрел на висевшую за спиной башлыка карту, белую, с голубыми линиями каналов, и думал, сейчас ли ему говорить о работе или подождать. Иломанов перехватил взгляд Оразгельды и спросил, не хочет ли яшули узнать, что это за план.

— Да, красиво нарисовано,— заметил Оразгельды и погладил бороду.— Бекчи на учебу просится. Можешь его отпускать, я опять мирабом буду. Молодому учиться надо!

— На учебу Бекчи мы отпустим.— Иломанов улыбнулся.— Но посмотри еще раз на картинку,

[1] Яшули — уважительное обращение к старым людям.

яшули. На ней нарисован план новой системы орошения. Широкий канал — это магистральный, а от него идут временные каналы по полям. Уберем урожай — временные каналы засыплем. На другой год в новом месте их нарежем. Теперь нам не надо будет ежегодно очищать каналы, тратить деньги. Бекчи правильно делает, что хочет учиться: не будет у нас больше мираба!

Оразгельды опешил:

— Как так не будет?

— У нас будет гидротехник. Слышал, в Каракумах канал строят? У нас будет много воды!

— Про канал я знаю,— обиделся Оразгельды. Он опустил руку в карман халата и нащупал твердый угол конверта. Нет, не будет он пока ничего говорить о Нурбиби!.. Но что должен делать гидротехник? Старик подумал о своих сыновьях, дочерях, внуках, которым, как он думал, приятно будет услышать, что старый Оразгельды станет гидротехником, и решил идти в машинно-экскаваторную станцию, чтобы все разузнать.

Он шел не спеша. Прошел уже полдороги, а ветер все доносил от аула запах жженой соломы, теста и свежих лепешек. Оразгельды живо представил себе, как женщины топят круглые тамдыры, раскатывают тесто. Эта знакомая с детства картина теперь доставляла ему удивительную радость: встав после болезни, он словно родился вновь. Свежий весенний ветер, клейкие маленькие листочки на тутовых деревьях — все было бесконечно дорого ему.

Старик остановился перед арыком. Воды, как всегда весной, было много. Она шла вровень с берегами, чуть звеня. Он присел, опустил руку в холодную струю.

Вода катилась, а он, как зачарованный, смотрел на нее. Почему-то вспомнилось тяжелое прошлое эмирата. Как будто снова горячо обожгла его плетка бая, когда он посмел пустить немного воды на свое поле. Он тогда легко отделался: за самовольный пуск воды, случалось, убивали. Как быстро все забывается! А ведь это было меньше сорока лет назад!

Взгляд старика остановился на плывущем по воде прошлогоднем листе карагача. На листе сидела стрекоза, помахивая прозрачными, слюдяными крылышками. Листок доплыл до поворота, закружился. Не бойся, стрекоза! Тебе недолго придется плыть! Наш маленький арык, как и большие реки Мургаб и Теджен, не имеет истока. Всю воду разбирают на поля. Вот если бы ты плыла по Аму! Ты могла бы попасть тогда в Аральское море. А здесь вода вынесет тебя скоро на берег, и ты обсушишься!

Он снова дотронулся рукой до угла конверта. Неужели сюда придет настоящая, большая вода? Старик оглянулся. За рыжей стеной прошлогоднего камыша начинались поля. Они уходили к высоким песчаным барханам. Он вспомнил русскую девушку с прибором на трех ножках. «Она, наверное, лучше меня видит, сколько здесь земли пустует,— подумал он.— Жалко, что я не спросил ее о Нурбиби. Она должна ее знать! Да, Нурбиби сделает то, о чем мечтало не одно поколение людей, о чем мечтал его отец и он сам. Вода наполнит этот пересыхающий арык — Мургаб...»

Оразгельды не спеша вымыл руки. Он собирался уже идти дальше, когда увидел быстро двигавшуюся в облаке пыли машину.

Машина поравнялась со стариком, резко затормозила, повизгивая зажатыми тормозами.

— Яшули, здравствуй! Подвезти тебя? — приветливо спросил шофер. Ему очень хотелось показать старику приезжих.— Знакомься, нового начальника привез... Василий Семенович! Это Оразгельды, наш самый лучший охотник и караванбаши. К любому колодцу проведет.

Оразгельды приосанился, расправил бороду. Так вот они, приезжие, которых он собирался пустить жить к себе в кибитку!

— Здравствуйте, товарищ Оразгельды! — приветливо поздоровался Василий Семенович.— Решил на вашей земле поработать. Земля у вас хорошая!

— Хорошая! Каждому человеку дорога земля, где он родился,— задумчиво сказал Оразгельды.— Может быть, и вы полюбите наши пески. Им только воду дай. У нас говорят: «Воткни палку — дерево будет!»

— Уже строят канал! — торопливо сказал Ромка, которому не терпелось познакомиться с знаменитым охотником.

— Маленький баранчук много знает! — улыбнулся Оразгельды.— В школу ходишь?

— В шестой класс.

— А где жить будете?

— Решили на станции,— сообщил шофер.

— Зачем на станции? У меня кибитка большая.

— Спасибо,— сказал Василий Семенович.— Но на станции ближе к мастерской.

«Худой, подвижной,— подумал Оразгельды, глядя на Василия Семеновича.— Жадный до работы!» И особенно ему понравились руки механика, сильные, темные от постоянного соприкосновения с металлом, маслом, машинами.

(Продолжение в следующем номере)

МОРЕ

Ю. КОРИНЕЦ

Рисунок Н. Цейтлина.

Как дитя на грифельной доске,
Море пишет слово на песке.

Пишет и стирает строчки влажные,
Вспоминая что-то очень важное.

Ледники когда-то с гор сползали,
Много сказок морю рассказали.

Много рассказали облака.
Чтобы вспомнить все, нужны века.

Звезды морю издали мигают —
Тоже что-то вспомнить помогают.

Мы сидим, как старые друзья,—
Море, звезды, облака и я.

П Р А З Д Н И К

22 апреля мы будем отмечать девяностолетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Ваш совет дружины уже решил, как вы проведете праздничный день? Наверно, было много споров, предложений, наверно, задумали сделать такое, что запомнится. Хорошо бы провести этот день так, чтобы все были увлечены и взволнованы.

Почитайте, как проводят этот праздник в дружине 9-й сталинградской школы. Может, вы что-нибудь позаимствуете у сталинградцев.

Авиапочта в Мытищи

Это письмо совет дружины отправил авиапочтой. Очень срочное. Очень важное. Пионерам города Мытищи, что под Москвой.

Сталинградцы просили прислать им к празднику несколько сосенок из леса, где отдыхал и охотился Владимир Ильич.

Мытищинцы ответили на письмо. Они пошли к леснику, выбрали вместе с ним восемь маленьких сосенок, упаковали их в ящик. Но как отправить такой груз? Неужели просто по почте, вместе с обычными посылками?

Решили сделать вот что: поехали на Павелецкий вокзал, к сталинградскому поезду. Пошли по вагонам. Должен же в поезде быть хоть один пионер?! Нашли мальчишку, который ехал с мамой в Сталинград.

— Ты пионер?

— Пионер.

— Слушай пионерское поручение: довези этот ящик в сохранности. В Сталинграде тебя встретят. Понял?

Поезд тронулся. Опережая его, в сталинградскую школу № 9 полетела телеграмма: «Встречайте 22-го поезд 71 вагон 7 пионера Валерия Московкина».

Председатели получают пакеты

Перед праздником совет дружины школы № 9 заседал почти беспрерывно.

Правда, это было непохоже на заседание. Просто в пионерскую комнату то и дело вызывали пионеров и давали им поручения да каждую минуту прибегали ребята и докладывали о выполненных заданиях.

Вечером 21 апреля в совет дружины вызвали всех председателей советов отрядов и вручили им запечатанные пакеты. На каждом пакете было обозначено, где завтра собраться отряду.

— А членам совета дружины,— сказал председатель совета Борис Липоватый, держа в руках телеграмму,— прибыть в шесть ноль-ноль на вокзал для встречи посылки из Мытищ. Всем быть в пионерской форме!

Ленинский субботник

Отряды собрались в девять утра.

Распечатали пакеты. В них задания. «Сегодня,— говорилось в письме,— вся дружина выходит на коммунистический субботник в честь дня рождения В. И. Ленина. Лучшие отряды получат право посадить ленинские сосенки».

Разные задания были у отрядов. Кто помогал убирать двор соседнего завода, кто собирал металлолом, кто пилил и колол дрова в подшефном детском саду. Несколько отрядов сажали деревья на Мамаевом кургане.

По традиции в этот день пионеры высаживают столько деревьев, сколько лет исполняется Владимиру Ильичу. Это называется «Пионерский салют Ленину». В прошлом

Гостьи из ленинского леса будут жить на сталинградской земле.

Фото Р. Кричивера.

В ДРУЖИНЕ

году был салют из восьмидесяти девяти «залпов» — восемьдесят девять деревьев посадили ребята 22 апреля. В этом году посадят девяносто.

Работа продолжалась два часа. А ровно в одиннадцать...

Ровно в одиннадцать

Отряды собрались у памятника Ленину. Выстроились шеренгами, так, что образовался прямоугольник. Посередине восемь ленинских сосенок, которые доставили сюда члены совета дружины. Тут же приготовлены лопаты, намечены места для посадок.

Сосенок восемь, ребят много, и каждому хочется посадить деревце, и каждый имеет на это право. Все хорошо трудились. Поэтому ямки копали по очереди.

Один за другим выходили из строя ребята, из рук в руки передавали лопаты, и вот зеленые сосенки уже окружили памятник. Маленькие гостьи из ленинского леса будут жить на сталинградской земле.

«Кто принимал участие? Встаньте!»

Строем, под горн и барабан, под пионерскую песню идут отряды к зданию Дворца труда, где состоится торжественный сбор дружины.

Впрочем, во дворце собрались не только пионеры. Сюда пришли все комсомольцы школы, комсомольцы с завода-шефа, октябрята. Пришли и гости — старые большевики. Некоторые из них сами видели и слышали Ленина.

Начинается рапорт пионеров заводским комсомольцам.

— Наша дружина сажала деревья. Всем, кто участвовал в этой работе, встать!

Почти весь зал встал, только гром прошел от захлопнувшихся сидений кресел.

— Мы работали на стройке. Всем, кто строил, встать!

Опять встают ребята, зал хлопает им... Так были перечислены все дела дружины. Не забыли главного.

— Всем, кто учится на «четыре» и «пять», встать!

Ого, не так уж их мало — почти ползала поднялось! После ответного рапорта заводских комсомольцев наступили самые торжественные минуты сбора. За неделю до праздника в школе состоялось комсомольское собрание, на котором приняли в Ленинский комсомол пионеров восьмого класса. И вот здесь, прямо на сборе в день рождения Ленина, секретарь райкома комсомола вручил ребятам комсомольские билеты. И тут же вышла на сцену группа октябрят.

— Торжественно обещаю: горячо любить свою Советскую Родину, жить, учиться и бороться так, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия...

Ребята, которые только что стали комсомольцами, сняли с себя красные галстуки и повязали их маленьким пионерам. Новому отряду передают номер и флажок отряда восьмого класса.

Спутник запущен!

А потом была еще одна церемония: «запуск» отряда — спутника семилетки.

Лучший отряд дружины, шестой «А», завоевавший это право упорными занятиями, большой работой, выстроился на сцене. Ему вручили вымпел отряда-спутника. В этот момент в зале внезапно погас свет, и над головами ребят взлетела настоящая ракета.

Оказывается, через всю сцену снизу вверх была заранее натянута невидимая тонкая проволока. По ней-то в свете прожекторов, вспышек магния и поднялась «ракета».

Кончился сбор демонстрацией отрывков из фильма «В те дни». Почему только отрывков? Потому что время от времени экран гас, в зале зажигался свет, и перед ребятами выступали участники тех самых событий октября семнадцатого года, о которых рассказывается в фильме.

* * *

Так проходит 22 апреля в дружине 9-й сталинградской школы. В день рождения Ленина ребята хорошо трудятся, подводят итоги работы дружины, отмечают лучших. У вас в дружине праздник может пройти вот так же интересно, где бы вы ни жили — пусть в небольшом городке, селе.

Если заранее взяться за дело, если не бояться замахнуться на большое, вы проведете 22 апреля необычно, празднично, торжественно.

В. Матвеев

Сегодня в нашем клубе собрались те, кто любит животных, кто заботится о красоте и богатстве земли. Мы хотим, чтобы в реках было много рыбы, чтобы в лесах бродили могучие лоси и прыгали зайцы, заметали следы рыжие лисицы и пели свои зоревые песни тяжелые глухари.

Мы хотим, чтобы человек был добр! Чтобы к природе он относился умно, по-хозяйски.

Первое слово — **Сергею Владимировичу ОБРАЗЦОВУ.**

НАСТОЯЩИЙ ГРЕХ

Я не помню сейчас, сколько мне было тогда лет. Помню только, что был я маленький и была у меня няня Ариша. Я ее очень любил и слушался. У няни была икона, перед которой горела розовая лампадка. Каждый вечер няня Ариша становилась перед иконой, а я, если еще не спал, всегда подглядывал из-под одеяла, как няня крестится.

Мои папа с мамой в бога не верили и в церковь не ходили. Когда я шалил, они говорили мне: «Нельзя так делать, это нехорошо!»,— а няня Ариша говорила: «Это грех. Боженька накажет». Я верил маме с папой, что бога нет, но няниного боженьку немного боялся, потому что лицо у него на иконе было черное.

Кто-то подарил мне красивую палку, длинную, тоненькую и блестящую. На ее рыжем боку было выжжено слово «Ялта». Сверху у палки была рогулька, а снизу острый железный наконечник. Мне сказали, что это для того, чтобы удобно было ходить по горам.

В Сокольниках, где мы жили, гор не было. Улицы были замощены круглыми булыжниками, а переулки — совсем немощеные. Просто земля. Если разбежаться и кинуть палку, как дротик, то она далеко летела, втыкалась в землю и долго дрожала, потому что была сделана из крепкого и гибкого дерева — черешни.

В Москве тогда не было автомобилей. Может быть, штук десять на всю Москву. Только-только пошли первые трамваи, и мы, дети, называли трамвай «электрическая конка», потому что до трамвая вагоны по рельсам возили лошади. «Лошадь» — слово татарское, а русское слово — «конь». Поэтому вагон, который возили лошади, назывался «конка».

Вот и ездили москвичи на трамваях, на конках да на извозчиках. Извозчиков было много: легковых — для людей и ломовых — для разного груза.

Значит, на московских улицах всегда было много лошадей, и поэтому на мостовой повсюду лежали кучки конского навоза. Двор-

ники убирали их совками, но разве все сразу соберешь? На конский навоз слетались воробьи. Весело чирикали, весело дрались и разыскивали зерна овса.

Прохожих воробьи не боялись. Боялись только тех, кто шел с палкой или махал руками. Воробьи знали, что если человек махнет рукой, то из руки может вылететь палка или камень.

Я бегал по немощеному переулку около дома, в котором мы жили, кидал свою красивую палку, и она втыкалась в землю, распугивая воробьев. Я совсем не хотел никого убивать. Мне только интересно было, как взлетали воробьи и, шурша крыльями, садились на забор. Тогда забор становился живым и веселым, потому что на каждом колышке забора сидело по воробью.

И вот как-то я бросил свою красивую палку в стайку воробьев, прыгавших на самой середине переулка. Воробьи разлетелись, а палка осталась торчать. Я подбежал и вдруг увидел, что на конце моей палки машет крылышками воробей. Я выдернул палку из земли, но воробей остался на палке, потому что железный наконечник проткнул его насквозь. Я заплакал, закричал: «Мама!» Но мама меня не услышала. Тогда я стал звать няню, но и няня не пришла. Окна в доме были закрыты. Я снял воробья с палки. Он был живой, и на нем не было видно крови, но я знал, что он умрет. Он крепко ухватил лапкой мой палец, клюв у него был раскрыт, и по краям клюва была желтая полоска. Я понял, что это совсем маленький воробей, птенчик. Наверное, только что научился летать. И вот теперь он умрет. Я заплакал еще громче и не знал, что мне делать. Тогда я просунул воробья в подворотню чужого дома, потому что в этом дворе был сад и трава. Воробей пополз, а я лег на живот и стал смотреть в подворотню. Там была крапива и грязный кирпич. У кирпича лежал воробей. Долго лежал, не шевелясь, потом попробовал встать, но сейчас же упал на бок и стал быстро-быстро махать крылышками, как бабочка на оконном стекле. Я зажмурил глаза, чтобы не видеть, а когда

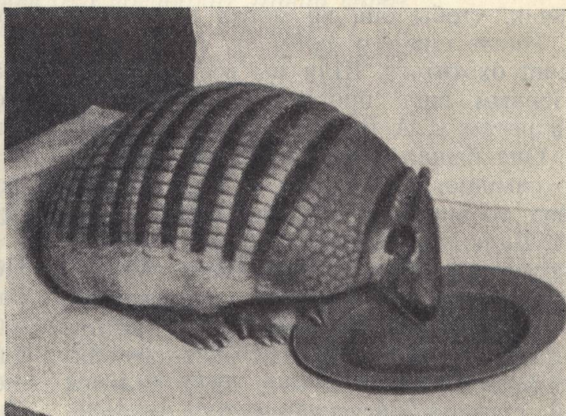
Фото-витрина клуба «Пионер»

Неизвестно, какая трагедия произошла в лесу, но лосенок остался без матери. Его нашли ребята из поселка Мисцево. Они привели его домой, выходили.

Лосенок полюбился и взрослым. Но самые большие его друзья — братья и сестры Меркуловы. На снимке: Володя Меркулов с лесным гостем.

Это редкий зверек — броненосец. Его подарил советским морякам уругвайский пастух; он очень обрадовался, когда узнал, что зверька отвезут в Москву. Теперь броненосец Флорида живет в Московском зоопарке.

раскрыл, воробей лежал тихо. Больше я не мог смотреть и побежал домой.

Когда я прибежал к няне, лицо у меня было грязное, как у трубочиста, потому что я размазал по нему слезы грязными руками. Я рассказал все няне, и она сказала: «Ты убил создание божье. Это грех. Боженька тебя накажет». А мама сказала: «Не говорите глупости, Ариша. Боженька его не накажет. Наказать его могу только я, да не стану. Он уже наказан. Смотрите, как плачет».

И хоть мама так сказала, я продолжал плакать. Мне даже хотелось, чтобы она меня наказала. Даже пусть побьет, хоть она меня никогда не била. Пусть побьет.

А вечером, когда няня стояла перед своим богом, я тоже потихоньку крестился и просил черного бога, чтобы он не посылал меня в ад и чтобы выздоровел воробей.

Прошло много лет. Из маленького мальчика я превратился в семнадцатилетнего студента и вместе с отцом отправился в разведывательную железнодорожную экспедицию. В те годы новая, Советская власть во все стороны посылала разные экспедиции, чтобы узнать, где нужно строить заводы, электростанции, железные дороги.

Мы шли по бесконечным болотам тайги, в которой живут медведи, росомахи, белки, много всяких птиц и совсем нет людей.

За плечами мы несли мешки с сухарями, крупой, сахаром, луком и солью. Днем на ходу грызли сухари, макая их в прозрачную, желтую, как чай, вкусную болотную воду, а вечером рубили сухое дерево, раскладывали костер и варили кашу.

У нашего проводника было ружье берданка и желтая собака лайка, которую звали Вилюйка. На шее у Вилюйки болтался колокольчик, чтобы она не могла подстеречь зайца. Иначе она его поймает, наестся и не станет охотиться. Шли мы всегда цепочкой. Первым шел проводник, потом мой отец, а потом я. А Вилюйки вовсе не было видно. Она бежала далеко впереди, и было только слышно, как петляет ее колокольчик то влево, то вправо. Потом раздавался лай. Значит, Вилюйка подняла тетерева. Мы подходили и видели на самом верхнем суку сосны или лиственницы большую черную птицу. Тетерев, вытянув вниз шею, рассматривал собаку, не обращая на нас никакого внимания. Хотя проводник наш был человек старый, с седой, расчесанной надвое бородой, но глаза у него были молодые, промахов он не делал, и вечером мы варили вкусный тетеревиный суп.

Наш проводник хотел научить меня охотиться и часто давал мне стрелять в тетерева, рябчика или утку. В реках и таежных озерах были не только утки, но и гуси и даже лебеди. Я ни разу ни в кого не попал, и мне было стыдно за то, что я такой неметкий.

В тайге много белок — и обыкновенных, таких, как под Москвой, и летяг, у которых между передними и задними лапами вдоль тела кожа лежит складками и натягивается, как две перепонки. Перепонки эти покрыты такой же мягкой серой шерстью, как и вся летяга, но если лапы широко расставлены, то получается вроде пушистого коврика или квадратного парашюта с длинным хвостом. Когда летяга прыгает, этот парашют ее немного поддерживает в воздухе и прыжок получается длинный, как полет голубя, когда он, садясь на крышу, не машет крыльями, а, распластав их, скользит по воздуху. Вот почему и называется эта белка летягой.

Я всегда останавливался, когда видел летягу, чтобы посмотреть, как она с вершины сосны летит на нижнюю ветку далеко стоящего дерева. А потом усядется поудобнее, загнет хвост на спину и начнет нас рассматривать своими черными, как смородина, глазами. Поворачивает голову с боку на бок, чтобы лучше разглядеть, что за звери такие торчком на двух ногах ходят.

Один раз проводник дал мне ружье и сказал:

«Ну, уж тут ты должен попасть. Смотри, как близко! Метров десять, не больше. Подымай дуло снизу!».

Я навел мушку на прицел ниже летяги. Потом медленно поднял дуло и, когда над мушкой появился серый комочек, нажал курок. Раздался выстрел, и я увидел, как белка падала, ударяясь о большие еловые ветки.

«Молодец!» — сказал проводник. Я подбежал и схватил белку. Она была теплая и зашевелилась в руке. Потом вытянула передние лапки и замерла.

И тогда мне стало очень неприятно. И я вспомнил того воробья, которого я убил острой палкой. Я знал теперь, что бога нет и я не попаду в ад за то, что убил белку. Не было рядом и мамы, которая могла бы наказать меня. Я не плакал и не размазывал слезы по щекам. И все-таки мне было очень стыдно. Только что на свете жила замечательная белка. Веселая и счастливая. Я ведь видел ее, видел, какая она была счастливая, видел, как удивительно она летела над кривой карликовой березкой. И вот теперь этой белки нет. Что я буду с ней де-

лать? Просто выброшу... Есть ее мясо нельзя. Его не едят. Да, кроме того, у нас уже варится суп из тетерева. Снять шкурку, чтобы сделать воротничок? Тоже ни к чему. Сейчас не зима, а осень. Мех еще не перелинял. Значит, я убил белку только для собственного удовольствия, без всякой нужды, без всякой пользы.

Если бы была жива няня Ариша, она сказала бы: «Грех!..» И это была бы правда. Только грех не перед богом, которого нет, а настоящий грех — перед жизнью, перед самим собой, перед собственной совестью.

Разве можно любить жизнь, если не любишь все живое?

Разве можно любить реку, поле, лес, если в реке нету рыб, а в поле и в лесу — цветов, зверей, птиц? Ведь тогда и река, и поле, и лес станут мертвыми.

Разве можно жить среди мертвого?

И разве можно ради удовольствия, ради забавы ломать деревья, убивать зверей и птиц или калечить их? Оставлять без матери бельчат в дупле или птенцов в гнезде, зная, что они будут сперва долго кричать и звать мать, а потом умрут с голода?

С тех пор прошло много лет. Я очень люблю природу и животных, люблю лес и поле, люблю зверей и птиц, но после случая с белкой я ни разу никого не убивал ради забавы, не мучил и не калечил.

И написал я об этом для того, чтобы те, кто прочтет, тоже не делали так, как когда-то сделал я, иначе им будет так же стыдно и так же тяжело на душе, как было мне.

СЕРЕЖА МАЛАХОВ. А ведь есть такие люди, которые делают так!

Вот я живу в Москве, на улице Горького. А в нашем доме живет один нехороший человек. Он собирает бездомных собак и кошек. Этих животных он убивает, а шкурки сдает. Сам он за кошками не бегает, конечно. За него «работают» ребята. Только ловят они не бездомных кошек (где ты их найдешь, бездомных?), а самых что ни на есть домашних.

Недавно у первоклассницы Верочки, что живет на первом этаже, кошку из рук выхватили. Подбежал парень, схватил Мурку и сунул в мешок. Мурка как закричит, а парень мешком о стену, да еще раз, да еще!

Я все видел, но защитить Мурку побоялся. Уж больно сильный был тот парень! Посоветуйте, что нам делать. Сами мы с этим человеком не справимся.

ЛЕНЯ КУЩ. Я бы тебе посоветовал смелее быть. А против того человека должны все взрослые выступить. Вот я, например, когда вижу, что кто-нибудь обижает щенка или кошку, всегда отнимаю животное и домой несу. Мама, конечно, сердится. Я одного щенка в сарае держал, чтобы она не знала. А она узнала и разрешила домой привести.

ВОЛОДЯ САРЫЧЕВ. Выходит, всех собак и кошек домой тащить?

ЛЕНЯ КУЩ. А по-твоему, лучше, чтобы они погибали? Давай спросим Игоря Петровича. Он директор Московского зоопарка. Он знает.

И. П. СОСНОВСКИЙ. Да, ребята, помогать животным надо. И знаете, они стоят того. Мне хочется рассказать вам одну историю. Назвать ее можно по имени героини — Ризы. Итак...

РИЗА

В 1944 году, преследуя противника, мы задержались на территории большого помещичьего имения. При отступлении гитлеровцы подожгли дом и окружающие постройки. Среди треска валящихся бревен, звона лопающихся стекол и лязга танков я расслышал жалобный собачий вой. К горящему сараю была привязана крупная овчарка.

Прикрыв лицо рукавом шинели, я подбежал к собаке и отстегнул от цепи ошейник. Овчарка лизнула мне руку и тут же исчезла за оградой усадьбы.

Я поехал догонять колонну танков. Но вот на перекрестке, выйдя из машины, я услышал позади громкое, частое дыхание. На

дороге стояла овчарка. Она тут же бросилась ко мне, радостно повизгивая... С тех пор мы с Ризой — так я назвал моего нового друга — не расставались до конца войны. И случилось так, что я остался жив благодаря Ризе.

Но об этом после. Сначала я расскажу, как Риза спасла других людей.

Однажды, совершая ночной марш, мы сделали короткий привал. Вдруг Риза стала нюхать воздух, спрыгнула с машины и бросилась в овраг. Я позвал ее. Из темноты послышался отрывистый, но не злобный лай, это означало: «Идите сюда...» Мы обнаружили в овраге среди кустов нашего раненого бойца.

Был и такой случай. На пути мы заехали в небольшое венгерское село и зашли в один дом выяснить возможность переправы через реку. Пока мы объяснялись с хозяином дома, Риза подошла к окну, обнюхала подоконник и вдруг залаяла, обернувшись ко мне. На подоконнике стояло несколько жестяных банок... В чем дело? Мы взяли одну банку. В этой банке с дырочками оказались обыкновенные полевые мыши. Хозяин объяснил нам, что их оставили жившие здесь фашистские офицеры. Уходя, они велели ему выпустить мышей на волю, но он не сделал этого, предчувствуя недоброе. Находка заинтересовала нас, и мы захватили банки с собой. Лабораторные исследования показали, что мыши были заражены заразной болезнью туляремией.

Не раз еще во время войны Риза оказывала важные услуги мне и товарищам. Но вот окончилась война, мы вернулись на Родину... Наша часть располагалась на окраине большого города. Я жил в здании штаба... Еще в конце войны врачи нашли у меня аппендицит, но лечиться тогда было некогда... Однажды поздно вечером, окончив служебные дела, я вернулся домой, поужинал и лег спать. Риза, как всегда, расположилась рядом, на полу. Ночью я проснулся от сильной боли в боку. Боль была так сильна, что я не мог дотянуться рукой до телефона, чтобы позвать на помощь. Не мог и закричать: спазмы сдавили горло. Пытаясь встать, кое-как сполз с кровати на пол и потерял сознание. Тут-то меня и выручила Риза. Она бросилась к двери, ударом лап сорвала крючок и помчалась к дежурному по части. Как вихрь, ворвалась она к нему, стала скулить, лаять и хватать его за полу шинели, таща за собой.

Через час я лежал в госпитале. Операция прошла удачно, и на второй день друзья приехали навестить меня. Какова же была моя радость, когда вместе с ними в палату вбежала Риза! Она бросилась ко мне, стала лизать лицо и руки, но наше свидание быстро оборвалось: прибежал возмущенный дежурный врач и велел вывести Ризу.

Скоро однополчане уехали, а я после их визита заснул. Проснулся я от прикосновения к руке теплого и шершавого языка: Риза сидела рядом со мной. Вот каким преданным и благодарным другом была моя Риза!

МОЛЧАЛИВЫЙ МАЛЬЧИК. Это все правильно. Собак и кошек нужно защищать. А вот диких зверей?.. Скажем, продираешься ты сквозь заросли лиан — и вдруг носорог! Да разве настоящий охотник допустит, чтобы дичь ушла из-под носа? Я думаю так: охотник — это человек без нервов, он не должен знать жалости.

Л. А. ЛАСКИНА. А так ли это? Извините, что я вмешалась в разговор, но мне кажется, что мальчик не прав. Я переводчица и на заседание,

клуба попала случайно. Сегодня я принесла в редакцию рассказ немец-кого охотника и путешественника Рихарда КРУМГОЛЬЦА. *Вот послушайте, что он пишет.*

Встреча в джунглях

Во время нашей поездки по реке Рио-Мануеро мы остановились на краю прилегаюцей к джунглям степи.

Я пошел вдоль края степи и минут через двадцать оказался у леса-«ветерана», поалившегося совсем недавно. Перепрыгнув ерез ствол дерева, я неожиданно очутился еред... большим муравьедом.

Обычно муравьед довольно охотно уходит пути человека, однако в определенных услоиях он может превратиться в опасного проивника, с которым следует считаться. Этот покойный кочующий обитатель джунглей моет, ловко обхватив врага, глубоко запустить его тело острые серповидные когти (с их поощью он разрушает твердые, как камень, ооружения термитов), может одним рывком оторвать от костей мускулы вмете с сухожилиями.

Вспомнив об этом, я быстро взял зверя на прицел, но скоро удивлением опустил ружье, аметив, что с длинноволосым битателем джунглей что-то неадно. Он не обращал на меня нимания, он неподвижно сидел а задних лапах, как собака.

Я поборол страх и стал осторожно подходить к муравьеду. Он медленно поднял голову и осмотрел на меня своими черыми глазками-вишнями так, ак смотрит существо, предчувствующее свой близкий конец, — беспомощно и жалобно.

Полный неудержимого любопытства, я подошел к зверю, асколько мне позволил лежаций ствол дерева. Удивление ое еще больше возросло, когда увидел маленького муравьеда, оторый, видимо, сосал мать.

Уж не суждено ли мне стать видетелем звериной трагедии? Слышал ли кто-нибудь, чтобы мать не пыталась защитить своего детеныша от возможой опасности!

Может быть, муравьедиха больна или ранена? Мне, старому другу зверей, предстояло установить: что же все-таки с ней произошло и не могу ли я тут оказать помощь?

Я наклонился над муравьедихой и осторожно вытащил из-под ее косматого тела детеныша, который действительно сосал мать: с его крошечной узенькой мордочки каплями стекало молоко. Маленький муравьед — ему было, должно быть, всего лишь несколько дней от роду — был очень слаб. Вероятно, молоко текло скудно. Я положил детеныша перед матерью. Обнюхав его, она убедилась, что с ним ничего не произошло.

Воспользовавшись этим удобным случаем, я продолжал исследовать это загадочное явление и вскоре понял трагедию, которая про-

изошла, по-видимому, несколько дней назад. Ствол подгнившего дерева упал на густой длинный хвост муравьедихи — и она оказа-

лась прикованной к месту. Матери и детенышу грозила неминуемая смерть от голода или от зубов ягуара.

Быть может, еще не поздно спасти их?

Но как откатить ствол весом в несколько центнеров, острые, обломанные ветви которого при падении глубоко вонзились в землю?

Вдруг мне в голову пришла спасительная мысль. Нужно острым охотничьим ножом перерезать волосы на хвосте муравьедихи.

Впрочем, я тут же убедился в том, что это не так уж легко осуществить. Когда, слегка прислонившись к телу зверя, я начал с большим трудом перерезать толстые, как проволока, волосы, муравьедихе показались подозрительными мои движения.

Она попыталась ухватить меня своими опаснейшими серповидными когтями, но не достала. Чем дольше продолжалась процедура освобождения, тем энергичнее защищалась муравьедиха от воображаемой опасности, издавая при этом хрипящие свисты.

Наконец мне удалось с большим трудом обрезать часть волос, но волосы в середине хвоста были еще зажаты стволом. Тут она все же зацепила меня лапой за голень. К счастью, прочные кожаные краги спасли меня: нога не была распорота.

Что делать? Я перепрыгнул через ствол и начал ножом разрывать землю под хвостом муравьедихи.

Чудо свершилось! Еще пылало над горизонтом багровое тропическое солнце, а муравьедиха была уже свободна!

Она мгновенно воспользовалась свободой и стала подзывать к себе детеныша тихими своеобразными звуками, которые только он один и понимал, да так хорошо, что сразу же вскарабкался на спину матери. Убедившись, что детеныш прочно, словно репей, сидит на спине, муравьедиха медленно двинулась в путь.

Над джунглями сгустились сумерки, на ночную охоту вылетели совы, но к этому времени муравьедиха со своим детенышем уже давно исчезла в высокой траве.

Я вернулся в лагерь, когда окончательно стемнело. Вернулся с отрадным чувством человека, избавившего от беды свободных обитателей джунглей.

ЛЕНА КОРЯГИНА. А я вот недавно читала про то, как человеку может помочь даже маленькая птичка. Это было напечатано в газете, в которой писали про Камо. Камо сидел в тюрьме, в одиночке, и ждал смертного приговора. И вдруг в камеру влетел воробей. Камо кормил его, а потом выпустил на волю. Но воробей опять прилетел и сел на плечо Камо.

«Что хочешь? Кушать хочешь? Пить хочешь?» — спросил Камо, а воробей клюнул его в щеку и полез к нему под пиджак. В камере холодно было. Про этого воробья Камо говорил, что он ему жить помогал.

ПИСАТЕЛЬ Л. ГУТМАНИС. А мне хочется рассказать о наших латвийских пионерах, которые проявляют трогательную заботу о животных.

Прошлым летом у нас несколько дней бушевал сильный шторм. И вот ребята из Второй рижской школы отправились в соседний колхоз «Большевик» посмотреть, как перенесли бурю живущие там аисты.

Около одной старой липы они увидели на земле пустое аистиное гнездо. Птенцов ребята нашли далеко в траве. У одного аистенка было переломано крыло, у другого — ножка.

В колхозном ветпункте птенцам оказали первую помощь, и ребята посадили их в гнездо. Вскоре туда прилетели аисты-родители. До осени они ухаживали за своими птенцами.

Но когда наступило время перелета, оказалось, что птенцы не в силах подняться в воздух. Тогда ребята взяли их к себе на чердак и всю зиму ухаживали за ними. Ветеринарный врач сделал им операцию, и теперь аисты тоже смогут летать.

Ребята, в особенности Таня Белова и Майя Скульте, с волнением ждут весны: как-то встретятся дети со своими родителями?

Наш «Клуб» объявляет войну каждому, кто взял в руки рогатку, кто пинком отбросил с дороги кошку, кто думает, что собаку незачем кормить, кто ради забавы стреляет по певчим птицам и ставит на таежных тропах смертоносные самострелы.

У каждого из нас хватит силы раздавить лягушонка. Но сделать такое может человек жестокий и грубый, не уважающий своего человеческого достоинства.

Все, кто с нами, делом докажите, что вы настоящие хозяева своей земли.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ—ДРУГ

Мы-товарищи

Нелегко быть отрядной вожатой. Даже очень нелегко! Семиклассники сегодня в кино пошли, а Люда Хахамова сидит над тетрадью успеваемости 4-го «Б» и ничего не может придумать.

За окном ходит-бродит ветер, сметает с дороги сухие листья, забивает ими пересохшие арыки. В Сталинабаде зима теплая, бесснежная.

Люда спохватилась. Снова мысли ее не там, где им надо быть. Итак, двоечники. С двумя из них все ясно. К ним прикреплены сильные ребята. Они ходят к подопечным на дом, проверяют, как выполняются уроки. А вот что с Ваней Гайдуковым делать? Отец у него в больнице, мать тоже прихварывает. А в семье, кроме Вани, еще двое малышей. Ему, конечно, трудно. Но почему он такой нелюдимый? Где спрятаны ключи к его неласковому сердцу?

А НУ ВАС!

На уроке русского языка Коля Василенко показал Ване Гайдукову стихи собственного сочинения:

Мы кино любили.
Мы в кино ходили.
Спасибо нашему вожатому
Хахамовой Людмиле.

— Это в стенгазету,— сказал он.— Хорошо?

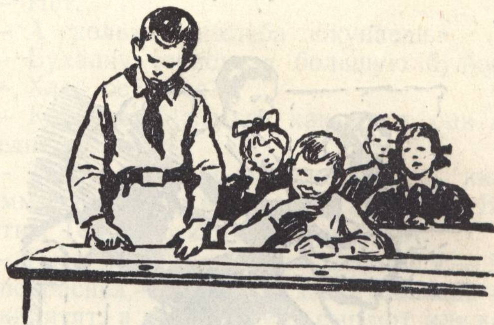
Ваня презрительно дернул плечом и ничего не ответил. Коля расстроился.

— Ну, ты скажи все-таки: хорошо или не очень хорошо? Ты вот совсем раздружился с отрядом. А у нас, знаешь, какая работа сейчас? Наша Люда, знаешь, какая? В кино ходим коллективно — раз! На стройку ходим коллективно—два! Праздники справляем коллективно — три! И вас, двоечников, скоро всех исправим.

— А ну вас! — сказал Ваня.

— Гайдуков, вместо того, чтобы болтать, слушал бы лучше! — сказала учительница.— Прочитай на доске предложение и найди подлежащее.

Ваня прочитал:

— «Ночь медленно спускалась на землю».

— Ну, где здесь подлежащее?

— «Медленно»,— шепнул Василенко.

— «Медленно»,— повторил Ваня.

— Плохо,— сказала учительница.— Попугаем ты стал у нас, Ваня. Стыдись! Отец у тебя болен, а ты его двойками радуешь. Но еще больше огорчил меня Коля Василенко. Не думала я, что он способен на такие отвратительные шутки.

После уроков в класс пришла Люда. Ребята окружили ее тесным кольцом.

— Люда! Людочка! Мы сегодня пойдем в театр?

Люда хлопнула в ладоши.

— По местам! У нас будет серьезный разговор. Вера Васильевна мне сказала, что Ваня снова получил двойку.

Турсаной подняла руку.

— Ваня не виноват. Это Василенко ему неправильно подсказал.

Коля буркнул:

— Пусть не слушает!

— Тихо,—сказала Люда.— Я думаю, Ваню придется устроить в группу продленного дня. Уроки он будет учить в школе. А о подсказке Василенко придется вести особый разговор на сборе отряда. А теперь марш в столовую обедать — и по домам. Вечером идем в театр на «Димку-Невидимку».

— Ура! — закричали ребята.

Люда подошла к Ване.

— А ты пойдешь с нами в театр?

— А ну вас!

КАК СТАНОВЯТСЯ ВЗРОСЛЫМИ

— Ваня! Ваня пришел!

Маленькая Мукадас бросилась к брату на шею. Он, как обычно, донес сестренку до дивана, подбросил вверх, усадил.

— А у нас папка умер,— сказала Мукадас, барабаня ножками по дивану.

— Что? Что ты сказала?

Ваня схватил сестренку за плечи, встряхнул.

Мукадас от удовольствия засмеялась.

— А у нас папка умер,— повторила она.

Пятилетний братишка Хусей, молчавший до сих пор, сказал из своего угла:

— Ты не тряси ее. Это мамка сказала. Она в больницу ушла.

Ваня оттолкнул сестренку и бросился на улицу. Он бежал долго, изо всех сил, бежал, не понимая, куда он бежит. Вдруг он вспомнил, что малыши остались совсем одни, беспомощные и голодные. И тогда он побежал назад. Он задыхался, ноги у него подламывались от усталости. Но он бежал все быстрей, быстрей. И теперь он знал, почему он так спешит.

ТРУДНАЯ КАША

Ваня тысячу раз ел манную кашу, но ему ни разу не пришло в голову спросить, как ее варят. Воду ли сначала нужно кипятить, а потом сыпать крупу или крупу сыпать в холодную воду? И сколько нужно крупы и сколько воды?

Ваня повертел в руках мешочек с манкой и положил обратно на полку. Ах, как трудно без мамы! И когда она только выздоровеет?

Лучше, пожалуй, сварить щи. Тут наверняка и картошку и капусту кладут в холодную воду.

Ваня долго разжигал печь. Уголь никак не хотел гореть. Тогда Ваня завернул несколько угольков в бумагу и облил керосином. Белое пламя с ревом рванулось в трубу. Ваня захлопнул дверцу подтопка и с опаской прислушивался к бунтующему огню. Теперь щи сварятся быстро.

Ваня заглянул в корзинку, где хранилась картошка. Картошки не было. Нужно идти на базар. А значит, и огонь придется потушить: как бы малыши беды не наделали!

Ваня пересчитал оставшиеся деньги. Набралось 52 рубля 45 копеек. На эти деньги нужно было прожить целых шесть дней. Если бы он вчера не купил для малышей заводного гимнаста, то денег у них было бы много. Но ведь отец тоже покупал игрушки! У Вани перехватило дыхание. Почему, почему умирают люди? Отец был таким добрым и большим... Но не надо об этом.

Ваня разбудил малышей.

— Эй вы, суслики! Я иду на базар. Без меня не драться, на улицу носа не высовывать и вообще не хулиганить.

— А разве мы хулиганим? — удивилась Мукадас.

— А чего? Мы ничего,— сказал Хусей.

ЧТО НУЖНО ПОКУПАТЬ

Ишаку захотелось покричать. И он кричал, перекрывая дурашливым воплем все другие базарные шумы.

Ваню привлек аромат горячего манту. Ваня полез в карман и пошуршал деньгами. Манту продавал мальчишка в расшитой тюбетейке. Он ловко выхватывал из таза дымящиеся, похожие на наши пельмени манту и раскладывал их на тарелках.

— Сколько тебе порций? — спросил он Ваню.

Ваня проглотил слюну и решительно сказал:

— Мне не порцию. Мне одну штуку.

— Восемьдесят копеек! — отрезал мальчишка.

— Пожалуйста!

Манту было сочное и вкусное. И тут Ваня вспомнил о малышах: «Сам ем, а ребята голодные!»

— Эй ты, продавец! — позвал Ваня.— Дай мне еще две штуки. Только ты их в бумагу заверни.

Ваня расплатился, без приключений купил два килограмма картошки и долго выбирал мясо. Он облюбовал гуся. Правда, если бы он его купил, денег осталось бы совсем немного, но гусь был хорош. Ваня стал высчитывать, на сколько дней его хватит. Сначала можно сварить крылышки, потом одну ножку, потом другую. Нет, пожалуй, придется сварить сразу две ножки, а потом все туловище. И туловище можно есть целых два дня.

Ваня полез в карман за деньгами, но вдруг заметил, что манту совсем остыло. Какое же это манту, если оно холодное? Ваня съел его и решил, что для малышей он купит урюку. Сначала он попросил свешать двести граммов, потом передумал и взял полкило. Рядом с урюком лежали орехи.

Продавец сказал:

— Покупай! Дешево отдам.

Ваня подумал-подумал и решил, что немного дешевых орехов купить можно.

— Свешайте триста граммов! — сказал он продавцу.

— Подождите! Не надо орехов,— сказали вдруг за спиной.

Ваня обернулся. Сзади стояла вожатая Люда. Она взяла Ваню за руку и отвела от прилавка.

— Сколько у тебя денег осталось? — спросила она.

Ваня прикинул.

— Сорок четыре рубля.

— Зачем же ты орехи покупаешь? Ты мясо купил?

— Нет. Я гуся хотел купить...

— Зачем гуся? Гусь дорогой. Пойдем купим баранины и немного костей.

— А зачем костей? — удивился Ваня.

— Чудак! Ты их можешь положить в щи. И щи получатся жирные и вкусные...

— И мозги можно высасывать! — догадался Ваня.

— Правильно! А из мяса ты котлет настряпаешь. Ты умеешь делать котлеты?

— Да, я видел, как мама делает...— замялся Ваня.

— Ну, я тебе сегодня покажу.

Люда подвела Ваню к прилавку, где торговали мясом, и сделала покупки. Рядом с прилавком краснощекая торговка бойко зазывала покупателей:

— Семечки! Семечки! Жареные, ароматные, очень приятные! Кому семечки?

— Нам семечки! — сказал Ваня.

— Зачем тебе семечки? — Лицо у Люды стало строгим.— Ты, Ваня, большой. Ты хозяин. И тратить деньги на глупости не имеешь права. Ты хлеба купил?

— Нет.

— А сколько ты хлеба покупаешь?

— Буханку черного и большую булку.

— Хлеб остается?

— Конечно! Малыши, как мухи, они мало едят.

— Тогда покупай не буханку, а килограмм... Килограмм черного и булку. Вам хватит. Теперь так. Рис у вас есть?

— Риса нет. Манка есть. Только я,— Ваня покраснел,— я вот не знаю: сначала воду кипятят, а потом крупу сыплют, или крупу сыплют в холодную воду?

— Конечно, в кипящую. Только манную кашу на молоке варят. А сейчас давай подсчитаем, сколько денег потребуется до конца недели на хлеб, крупу, мясо...

А КТО ВЫ?

Хусей и Мукадас времени даром не теряли.

— Мукадас,— сказал Хусей,— ты уже большая и я большой. Давай вести хозяйство.

— Давай,— согласилась Мукадас.— А что мы будем делать?

— Мы вымоем пол.

Мукадас радостно хлопнула в ладоши.

— Мы вымоем пол!

Хусей притащил к раковине табурет, по-

ставил под кран ведро и пустил воду. Когда вода запузырилась у самых краев, он завинтил кран и попробовал поднять ведро. Сил не хватило. Тогда Хусей дернул его на себя, и вся колоннада: ведро, Хусей и табурет — очутилась на полу.

— Больно? — спросила Мукадас, шлепая ногами по воде.

Хусей долго ждал, когда ему станет больно. Но так и не дождался.

Через минуту они уже шлепали босиком по полу и терли его тряпками. Через две они все еще терли тряпками пол, но уже ползая на коленях.

— Посмотрите, что тут творится! — ахнула Турсаной, останавливаясь в дверях.

— Ничего не творится,— сказал Хусей.— Мы пол моем.

— Конечно, они моют пол,— подтвердил Коля Василенко.

— Мы моем пол! — обрадовалась Мукадас и, глядя влюбленными глазами на Турсаной, пропела: — А кто вы?

— Мы товарищи,— сказала Турсаной.— Мы вместе с вами хотим мыть пол. Вы завтракали?

— Нет еще,— вздохнула Мукадас.— Ваня на базар ушел.

— Тогда ешьте кишмиш и вот эти гранаты.— Турсаной выложила на стол фрукты.— Коля, разводи огонь и грей воду. Учти, воды надо много! Будем стирать. А пока, девочки, давайте наведем порядок.

«А» и «О»

— Вера Васильевна, я вас очень прошу,— сказала Люда Хахамова учительнице из 4-го «Б».— Не спрашивайте на этой неделе Ваню Гайдукова. Он пока отстающий, но мы поможем ему.

Вера Васильевна покачала головой.

— За неделю Гайдуков не догонит класс.

— Он не догонит... Но за неделю можно сделать очень много.

А в субботу к учительнице подошла Турсаной во главе совета отряда.

— Вера Васильевна, простите нас. Но мы очень просим: не спрашивайте Ваню еще одну неделю. Он старается. Вера Васильевна, ну, пожалуйста, не спрашивайте Ваню!

И вот шел контрольный диктант. Диктант был трудный. Турсаной ерзала на парте, изредка оборачиваясь назад. Ваня сидел сосредоточенный, с взмокшим от напряжения чубом. Он видел, как ребята волнуются за него, и ему очень хотелось не подвести их. Вчера его спросили по арифметике. И как все радовались, когда он сам, может, в первый раз в жизни решил у доски задачу и получил свою трудовую четверку!

По русскому отметки у Вани были не очень-то приятные: двойка, тройка и еще двойка. Четвертая оценка зависела от диктанта. Ребята заверили учительницу, что ни разу не подскажут Ване и что он сам напишет диктант хорошо.

Коля Василенко нет-нет да и заглядывал в тетрадь к другу. Все шло как будто нормально, и вдруг... Колю обдало жаром. В слове «кольнуло» Ваня первое «о» переправил на «а». Коля не удержался и толкнул дружка.

— Ты что? — спросил Ваня.

— Так. Нечаянно...

К ним подошла учительница. Посмотрела в тетрадь к Ване, сказала:

— Думай лучше!

Видно, она тоже волнуется за Ваню.

Ваня долго думает и наконец жирно зачеркивает «а» и пишет «о».

СЧАСТЛИВАЯ ТРОЙКА

— Тройка! У Вани будет тройка! — кричит Турсаной, вбегая в класс.

— Ура! Ура! — вопит Василенко.

— Ну, коль так, сегодня все вместе идем в кино! — говорит Люда.— Ваня, ты пойдешь с нами?

— Мы пойдем! — Ваня от радости пунцовый и беспомощный.— Мы пойдем!— повторяет он.— Мои малыши давно не были в кино.

Владислав Бахревский

Вероятно, каждый из вас знает этих троих людей, которых с такой дружеской сердечностью приветствует Никита Сергеевич Хрущев. Может быть, вы их никогда не видели в лицо, но уж имена-то вам должны быть знакомы, как они знакомы миллионам в нашей стране и за ее пределами.

Ярослав Чиж, Татьяна Перешивко, Турсуной Ахунова. Да, это они и есть! Пять лучей золотой звездочки светятся у каждого из них над сердцем. Великую награду — звание Героя Социалистического Труда—страна дает своим сыновьям и дочерям лишь за великий трудовой подвиг.

Молодая сибирячка Татьяна Перешивко, свинарка совхоза «Победитель», откормила больше двух тысяч свиней и сдала государству почти две тысячи центнеров мяса за прошлый год. А Ярослав Чиж, свинарь колхоза имени Шевченко в Прикарпатье, применив новые способы выращивания свиней, получил свинину в шесть раз более дешевую, чем у других колхозов! Большое мастерство, новаторство и любовь к делу привели к таким замечательным результатам. Недаром Никита Сергеевич Хрущев сказал: «Товарищ Чиж хорошо понимает свое дело и умеет отстаивать свою точку зрения».

А вот Турсуной Ахунова, маленькая, хрупкая узбекская женщина, объявившая войну ручному труду на хлопковых полях. Она не только сама овладела хлопкоуборочным комбайном, она и других обучила. Повелительница сильной и сложной машины «ХВС-1,2», она собрала 210 тонн хлопка. Собирая по 6—8 тонн в день, Турсуной одна заменяет на хлопковых полях сто человек.

В замечательных делах этих трех героев отразились те черты развития сельского хозяйства, которые наметила наша Коммунистическая партия. Партия хочет, чтобы всего было много, чтобы все было дешево и чтобы труд человека облегчали, ускоряли, улучшали машины.

Мечта о коммунизме дает силу миллионам советских людей выполнять и перевыполнять великие планы, намеченные партией.

Белое море. Весна взломала лед в заливе.

Карелия. Над освобожденной ото льда рекой летят к северу караваны гусей.

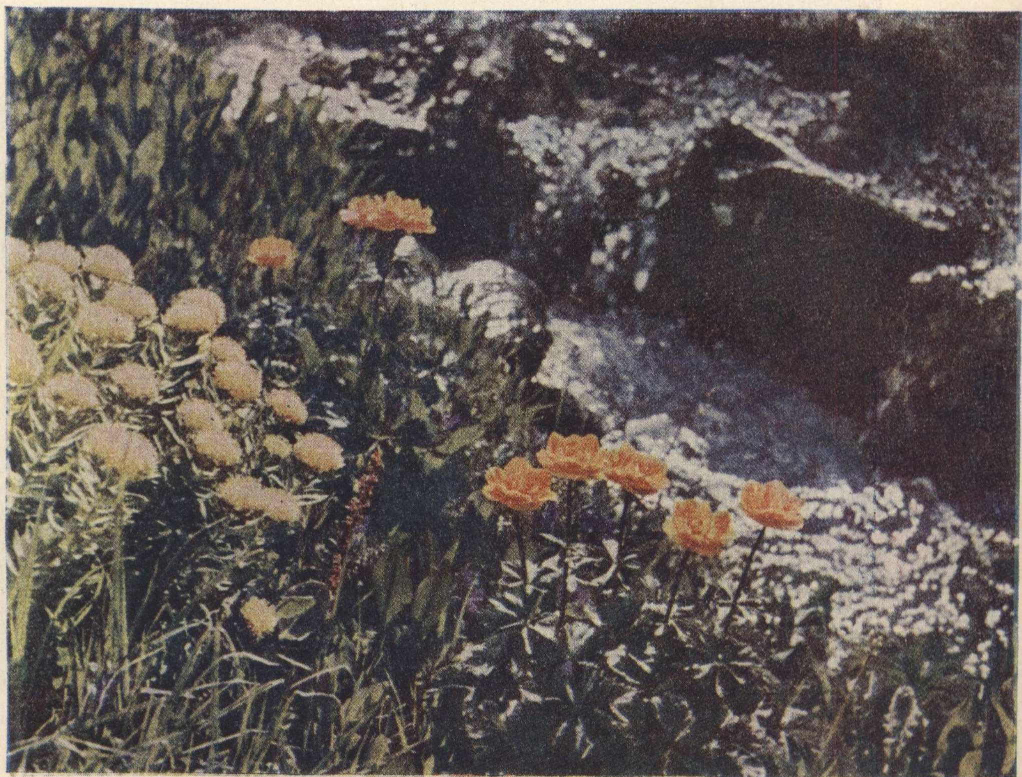
↑ Озеро Ильмень. Широк и могуч его весенний разлив!

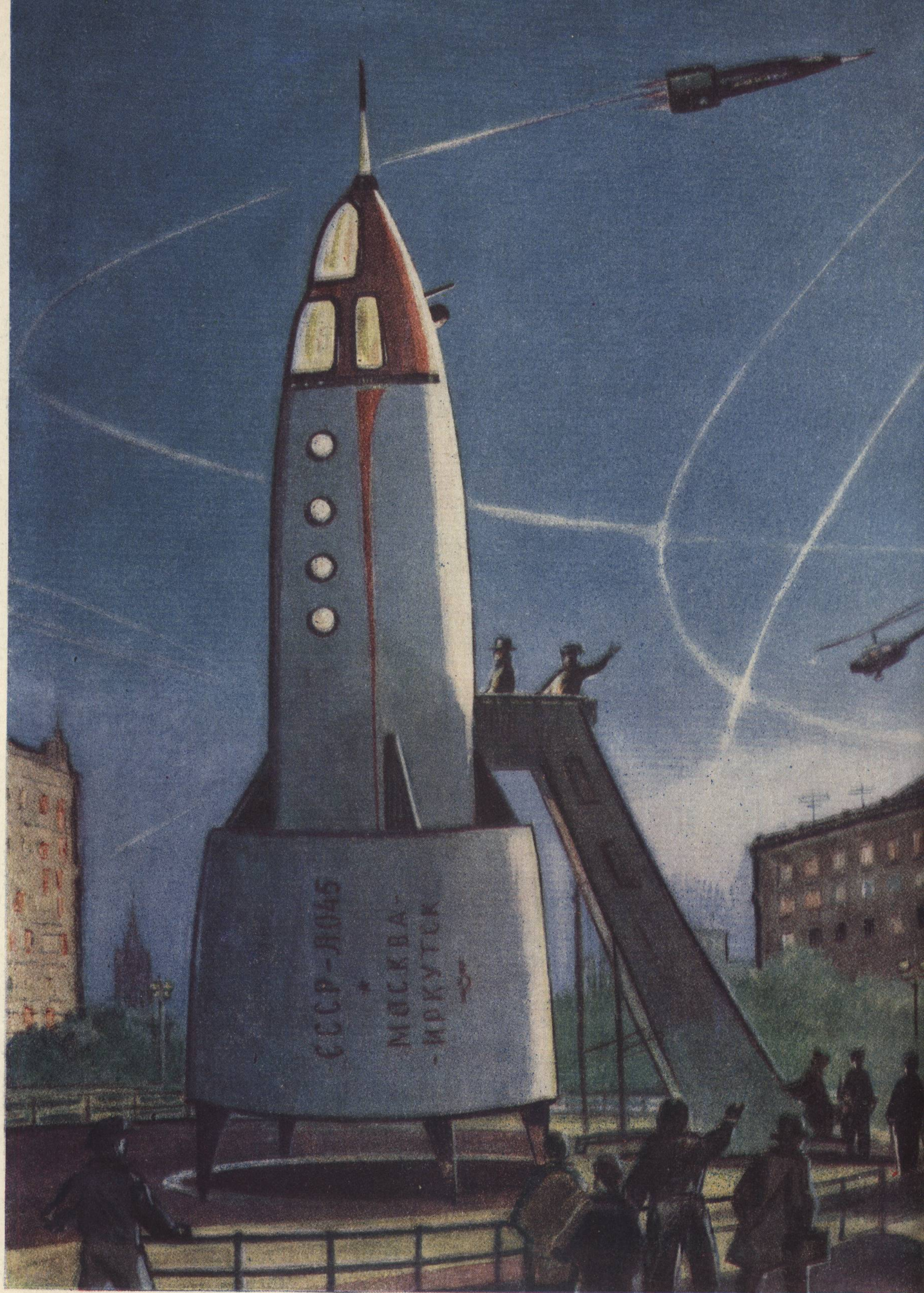
Саяны. У пенистого ручья расцвели жарки, водосборы, очитки... →

ВЕСНА ИДЕТ

...И всюду, куда бы она ни пришла, звонкой песней приветствуют ее освобожденные воды. Вода, живительная, несущая жизнь и цветение,— дар весны и спутник весны. Нежные северные зори отражаются в сбросивших лед беломорских заводях. Гремят и пенятся быстрые речки Карелии, Алтая, Урала. Смотрятся белые березы в зеркальную гладь разливов. А в горах у отступающих снежников раскрывают венчики яркие цветы.

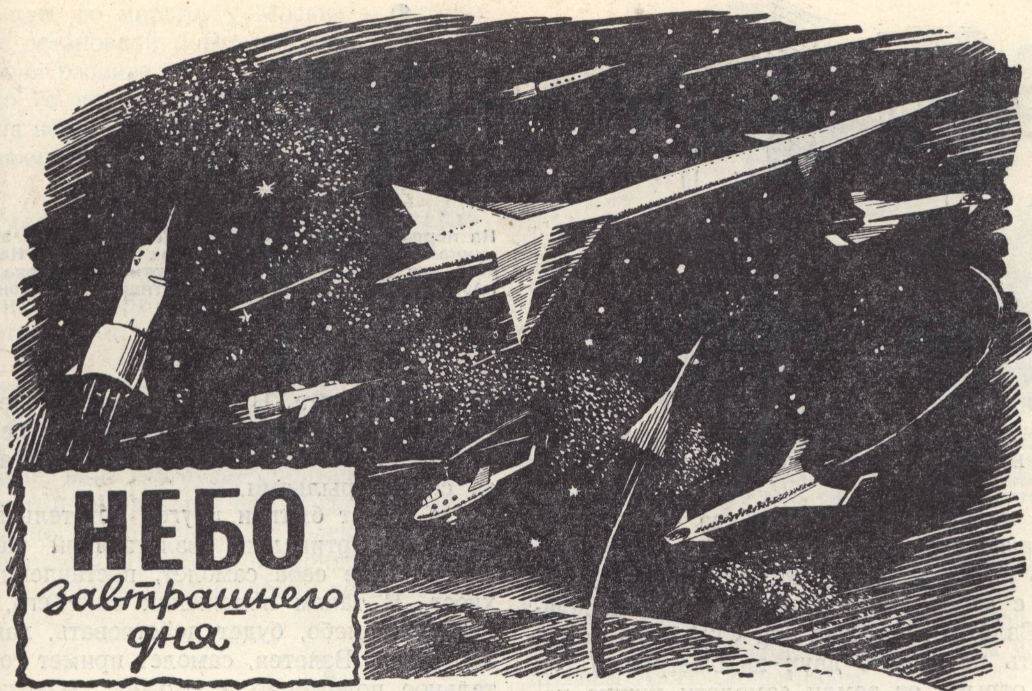
Фото В. Гиппенрейтера.

Последние пассажиры поднимаются в колеоптер. Через несколько минут он уйдет в дальний рейс.

Вот так в недалеком будущем вы сможете отправиться в воздушное путешествие не с аэродрома, а прямо с городской площади.

Р. ФЕДОРОВ, инженер

Рисунки В. Константинова.

В ВОЗДУШНОМ ОКЕАНЕ

В большом морском порту можно увидеть и маленькие рыбачьи парусники, и скромные прибрежные суда, и большие теплоходы для дальних морских плаваний, и огромные океанские суда.

Типов воздушных кораблей у нас не меньше, чем морских. Самолеты «ТУ-104» и «ТУ-114», «ИЛ-18» и «Украина» можно сравнить с морскими судами дальнего плавания. Ведь «ТУ-114» перевозит столько пассажиров, сколько их может разместиться в нескольких железнодорожных вагонах.

Но размеры самолетов растут. И уже сегодня конструкторы думают о создании еще более крупных, «океанских», самолетов.

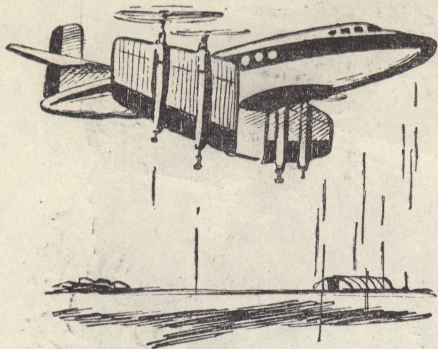
Какими же будут эти самолеты завтрашнего дня?

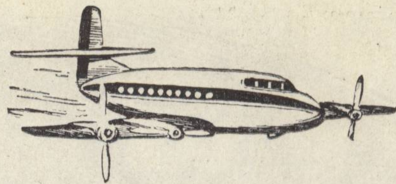
Многие конструкторы представляют себе тяжелый самолет будущего гидросамолетом. Дело в том, что при взлете и особенно при посадке на шасси такого самолета ложится огромная нагрузка, поэтому их приходится делать тяжелыми, прочными и очень сложными. А для посадки на воду шасси не нужны. Их заменяет фюзеляж в форме лодки.

Но гидросамолет не подходит для огромных сухопутных просторов нашей страны. Вполне возможно, что тяжелые самолеты будущего вообще не будут садиться на землю. И это очень удобно для самолета с атомным двигателем. Где-нибудь в удаленном от населенных пунктов месте самолет заправят атомным «горючим», и он поднимется в воздух. Управлять гигантским самолетом можно по радио, с земли. Маршрут его будет проходить над определенными городами. В городах легкие самолеты-«вагоны», с обычным двигателем и с небольшим запасом горючего, только для взлета и посадки, поднимутся с пассажирами и прицепятся к атомному самолету-«паровозу». В месте назначения самолет-«вагон» отцепится от воздушного «паровоза» и спустится на землю. Это очень удобно, потому что слой воздуха между атомным «паровозом» и «вагоном» будет дополнительной защитой от радиоактивного излучения атомного «горючего»; поэтому можно будет облегчить свинцовую защиту атомного двигателя и сделать ведущий самолет более легким.

АЭРОДРОМ НА ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ

От Тбилиси до Москвы — около двух тысяч километров. От Внуковского аэродрома до московской площади Свердлова — около пятидесяти километров. Самолет «ТУ-104»

На первый взгляд может показаться, что на этих рисунках изображены два разных самолета. На самом деле это один и тот же конвертиплан. Слева он показан на взлете, справа — летящий горизонтально.

летит из Тбилиси в Москву два часа. Автобус, который доставляет пассажира с аэродрома в город, находится в пути целых сорок пять минут.

Это не очень удобно: за два часа пролететь такое огромное расстояние, а потом потерять почти половину этого времени, добираясь с аэродрома в город. Но что поделаешь? Взлетная дорожка для «ТУ-104» должна быть не короче двух километров. Да и после отрыва от земли самолету нужна полоса, свободная от высоких домов, деревьев, мачт электропередачи. Понятно, что в городе такой аэродром не построишь...

К тому же бетонированная взлетная дорожка — очень дорогое сооружение. Оно стоит много миллионов рублей. В небольшом городе такой аэродром строить невыгодно.

Правда, от аэродрома до города можно добраться не на автобусе, а на вертолете. Но вертолет предназначен для вертикального взлета и «висения». В горизонтальном полете он тихоходен — скорость его всего 150—200 километров в час — и неэкономичен. Подъемную силу самолета создают крылья. Винт тянет самолет вперед. А у вертолета большая часть тяги винта расходуется на то, чтобы поддерживать его в воздухе, а не на движение вперед.

Но жители небольших городов ведь тоже хотят и должны летать на самолетах со звуковой и сверхзвуковой скоростью. Поэтому авиационные конструкторы в ряде стран работают над созданием летающих аппаратов, которым не нужен аэродром. Такой аппарат должен взлетать и садиться на землю отвесно, как вертолет, и в горизонтальном полете набирать довольно большую скорость.

Конструкторы придумали такой летательный аппарат. Он так и называется — вертолето-самолетом, или конвертипланом. На взлете или при посадке крылья конвертиплана, одно из которых перевернуто носком назад, образуют винт с вертикальной осью, как у вертолета. В горизонтальном же полете эта лопасть переворачивается в первоначальное положение, и обе лопасти становятся снова крыльями.

Но может быть и другой летательный аппарат — вертикально взлетающий самолет. Представьте себе самолет, поставленный на хвост. В таком положении винт его, нацеленный в небо, будет действовать, как винт вертолета. Взлетев, самолет примет горизонтальное положение и сможет развить скорость до 700—800 километров в час. Посадку же он совершит опять-таки, как вертолет.

Самолетом вертикального взлета и посадки является и колеоптер — летательный аппарат с кольцевым крылом. Скорость колеоптера может достигать 2 000 километров в час.

А можно сделать и по-другому: не ставить сам летательный аппарат то в вертикальное, то в горизонтальное положение, можно воспользоваться поворачивающимися двигателями. В момент взлета сила тяги их будет направлена вертикально вверх, а в полете — горизонтально. Такой самолет, пожалуй, более удобен для пассажиров: не придется делать поворачивающиеся кресла.

Для вертикально взлетающих самолетов не нужны аэродромы. Утром возьмете в руки телефонную трубку, наберете номер аэродиспетчера и скажете:

— Я хочу вылететь в Новосибирск сегодня в середине дня.

— Ваш адрес?

— Москва, Большая Бронная, дом 8.

— Значит, вам удобнее вылетать с площади Пушкина. В тринадцать часов пятнадцать минут оттуда отправляется колеоптер Москва — Новосибирск. Это вам подойдет?

— Да, спасибо!

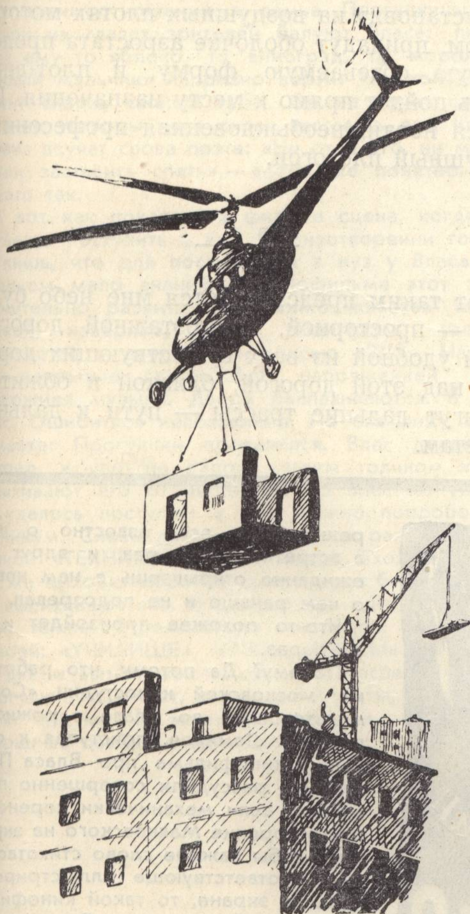
— Пожалуйста. Не опаздывайте. Иначе вам придется лететь с Арбатской площади. Оттуда в четырнадцать часов отправится реактивный самолет с поворотными двигателя-

ми. Он идет по маршруту Москва — Владивосток с остановкой в Новосибирске.

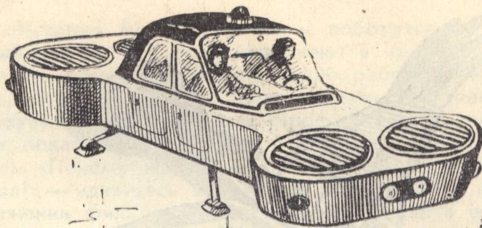
Авиация развивается очень быстро. И уже недалеко то время, когда мы с вами будем летать на колеоптерах или на самолетах с поворачивающимися двигателями.

ГДЕ ЖЕ ПОДЪЕМНЫЕ КРАНЫ?

В предыдущей главе мы не очень лестно отозвались о вертолете. Мы отказались от вертолета как от вида транспорта. Но это не значит, что он совсем не нужен. В будущем его ждет новая работа: он вполне может заменить подъемные краны на стройках. Чтобы сделать вертолет более удобным для работы на стройке, винт его будет спрятан в кольцевой канал, и двигатель у него будет не поршневой и не реактивный, а... электрический. Ведь вертолету-строителю не придется летать далеко, и электрический кабель не помешает ему поднимать и переносить на небольшое расстояние грузы.

Вертолет-строитель. Он будет значительно удобнее громоздкого и малоподвижного подъемного крана.

Это тоже вертолет. Только винты его спрятаны в четыре кольцевых тоннеля спереди и сзади кабины. Такой «летающий автомобиль» будет очень удобен для геологов-разведчиков: ведь он сможет пролетать даже в узком ущелье.

Идея электрического вертолета была предложена еще в прошлом веке русским изобретателем А. Н. Лодыгиным.

Вертолету придется выполнять и многие другие работы, которые он делает и сегодня: например, помогать геологам или вести разведку косяков рыб.

ЛЕТАЮЩИЙ МОТОЦИКЛ И ЛЕТАЮЩИЙ ВЕЛОСИПЕД

Наверно, многие из вас, ребята, любят путешествовать на велосипеде. Правда, здорово было бы, если бы велосипед мог летать?

Мечта о полете зародилась у человека, когда он с восторгом и завистью следил за полетом птиц. Сегодня человек может летать гораздо быстрее и выше, чем птицы. Но он до сих пор не умеет летать, как птица, — с помощью машущих крыльев. И это досадно: машущий полет очень экономичен. Подъемная сила машущего крыла в пять раз больше, чем у неподвижного крыла самолета. Сегодняшний самолет «ЯК-12» поднимает четырех человек, а птицелет с мотором такой же мощности сможет поднять в воздух пятнадцать человек.

Создание такого аппарата — дело близкого будущего. Для четырех- или пятиместного птицелета, который в будущем заменит «Победу» или «Волгу», понадобится совсем небольшой моторчик, мощностью в 10—15 лошадиных сил. А для одноместного достаточно и велосипедного мотора, а может быть, и просто мускульной силы. Это будет вроде летающего велосипеда.

У этой машины тоже не видно винта. Он не спрятан, его просто нет. Машину держат в воздухе машущие крылья, как у птицы. Поэтому и называться такие летательные аппараты будут птицелетами.

Туристская группа в походе будет похожа на птичью стаю. И, наверно, перед тем, как отправиться в путь, туристы будут обсуждать не только маршрут перелета, но и то, какой строй в полете лучше — журавлиный клин или гусиная цепочка.

ПО ВОЗДУШНЫМ РЕКАМ

Сегодня, в век реактивной авиации и космических ракет, дирижабли и аэростаты, аппараты легче воздуха, отошли в прошлое. Для полетов на дальние расстояния дирижабль слишком тихоходен, а для ближних рейсов он слишком громоздок.

Но нельзя ли найти ему другое применение?

Можно. Можно отправить дирижабли на лесозаготовки в районы, расположенные далеко от железных дорог и от рек. Пускай сплавляют лес по воздушным рекам — по ветру! Ведь для каждой местности есть своя постоянная «роза ветров» — график направления ветров.

Вполне возможно, что завтрашние лесорубы, отправляясь в глухую тайгу, захватят с собой не только электрические пилы и топоры, но и аппарат для добывания водорода и оболочки воздушных шаров. Эти шары поднимут в воздух плоты бревен. Воздушные течения понесут их к железным дорогам или к берегам полноводных рек, откуда начнется обычный сплав.

А может быть, лесорубы сделают еще проще: установят на воздушных плотах мотор с винтом, придадут оболочке аэростата продолговатую, обтекаемую форму, и плот-дирижабль пойдет прямо к месту назначения. Появится новая, необыкновенная профессия — воздушный плотогон.

Вот таким представляется мне небо будущего — просторной, многоэтажной дорогой, самой удобной из всех существующих дорог.

А над этой дорогой, близкой и обжитой, пролягут дальние трассы — пути к дальним планетам.

Влас Прогулкин —
милый мальчик,
спать ложился,
взяв журнальчик.

Помните, откуда эти строки? Ну, конечно же, именно так начинается стихотворение В. Маяковского «История Власа — лентяя и лоботряса». История «милого мальчика», который рос, рос да и вырос бесполезным, никому не нужным человеком, бездельником и пьяницей.

Очень скоро вы снова встретитесь с известным вам Власом Прогулкиным, но на этот раз уже не на книжных страницах, а на экране кинотеатра.

Есть все основания предполагать, что это будет интересная встреча. Бывает иногда так: кажется, очень хорошо знаешь человека,— все, ну решительно все известно о нем, а встретился еще раз, и вдруг неожиданно открываешь в нем новое, о чем раньше и не подозревал.

Что-то похожее произойдет и на этот раз.

Почему? Да потому, что работники московской киностудии «Союзмультфильм» во главе с режиссером Гр. Ломидзе, приступая к созданию кинофильма про Власа Прогулкина, рассудили совершенно правильно: если механически перенести стихотворение Маяковского на экран, так, чтобы каждое слово стихотворения соответствующе иллюстрировалось на экране, то такой кинофильм никому не будет нужен. Он ничем не обогатит зрителей, и без того знающих — часто даже наизусть! — «Историю Власа — лентяя и лоботряса».

Значит, нужно как-то развить, рас-

крыть полнее то, о чем повествуется в стихотворении. Но как это сделать? Да прежде всего исходя из самого стихотворения. Можно по-разному истолковать начало стихотворения, а следовательно, и начало фильма. Самым подходящим истолкованием представляется такое: родители бессильны что-либо сделать потому, что они уже раньше избаловали своего «милого мальчика». Вот Влас и не слушается их... Но верно ли такое предположение? Не противоречит ли оно дальнейшему повествованию? Нет, не противоречит! Вспомним, что когда Власу понадобилось письмо к «мучителю-учителю», чтобы прикрыть свой прогул, он без особого труда получил от родителей это письмо. Пришлось только немного притвориться, будто «очень голова болит». Теперь понятно, почему Влас растет бездельником: зачем ему трудиться, если все и так можно получить, стоит лишь немного покапризничать! Дальше все уже совершенно ясно: избалованный Прогулкин делает только то, что хочется ему. Хочет — читает, когда надо спать. Хочет — играет «в монету», когда надо сидеть в классе. Хочет — прогуливает, когда надо трудиться на заводе.

Выходит, следует особо подчеркнуть, что «милый мальчик» предельно избалован. С этого, собственно, и начинается фильм. Еще не зазвучали с экрана стихи Маяковского, а зрители уже в курсе всех взаимоотношений в семье Прогулкиных. Родители на глазах зрителей балуют Власа: предлагают ему то яблоко, то виноград, то мороженое. «Милый мальчик» капризно вертит головой и лишь мычит сквозь сжатые губы. Он не хочет спать, и никакие уговоры не в силах заставить его. Когда с экрана звучат слова поэта: «Ни отец его, ни мать не могли заставить спать»,— всем уже понятно, почему это так.

А вот как показана в фильме сцена, когда Влас пытается поступить в вуз. В стихотворении говорится лишь, что для поступления в вуз у Власа было слишком мало знаний. В кинофильме этот эпизод значительно развит. Влас, бойко помахав кому-то ручкой, наверное, своим родителям, уверенно скрывается в дверях с надписью «ВУЗ». На экране — закрытые двери. Все напряженней звучит тревожная музыка. Двери распахиваются. В них — Влас. Ошибиться невозможно. По его лицу вы понимаете: Прогулкин провалился. Влас делает шаг вперед, и упругие двери мягким толчком как бы отпихивают его от института. Но Влас не унывает: не удалось поступить в вуз, можно попробовать в техникум. Снова двери, но на этот раз уже с табличкой «ТЕХНИКУМ». Влас бодро входит в них и тут же выходит обратно: двери куда более энергично выпихивают его. И дальше все идет в нарастающем темпе. Стремительно меняются таблички у дверей: «УЧИЛИЩЕ», «ФЗО», «КУРСЫ»... И отовсюду двери выталкивают неуча. Из последних дверей Прогулкин вылетает, как из катапульты, а вслед ему летят листки с экзаменационными отметками — сплошные двойки и единицы.

«История Власа — лентяя и лоботряса» — кукольный фильм. Все роли исполняют в нем куклы. Они великолепно сделаны и хорошо работают. Их много, хотя от начала до конца фильма на экране действует один только Влас Прогулкин (родители Власа показаны силуэтными тенями на стенах комнаты). «Почему же тогда понадобилось много кукол?» — удивитесь вы. А вот почему. Влас на протяжении фильма меняется. Каждый этап в его превращении — особая кукла.

В большинстве сцен Власа играют «быстрые», тростевые куклы, управляемые кукловодами. Кукла быстро движется, ее и снимают так же, как обычно снимают в кино людей. Когда хотят показать, что кукла зевнула или получила синяк под глазом, ей меняют голову. В некоторых эпизодах меняют только глаза. Когда Влас входит в двери учебных заведений, у него веселые нагловатые глаза, когда выходит — ужасно испуганные. В сцене, когда Влас требует от родителей письмо к «мучителю-учителю», на экране видны только ноги Власа. Но уже по тому, как ведут себя эти ноги, как топают на родителей, вполне можно представить всю картину.

Интересны в фильме кадры, снятые при помощи впервые примененной в истории советского кукольного кино множительной линзы. И в стихотворении Маяковского и в кинофильме лентяю Власу противостоит коллектив хороших ребят. Как их показать? Сделать для этого десятки кукол? Нет, это очень дорого. И тогда придумали другое. Из обыкновенной фанеры выпилили лобзиком несколько фигурок. Фигурки раскрасили и сняли специальной линзой. Линза размножила каждую фигурку во много раз, и теперь на экране сотни ребят дружно чистят зубы, делают зарядку, ритмично помахивая портфелями, идут в школу.

Кроме кукол, в фильме использованы рисованные кадры. Сцены на заводе нарисованы художниками на прозрачном целлулоиде. Каждый кадр — новый рисунок. А так как рисунки эти сделаны на прозрачном материале, то сквозь них отлично виден расположившийся где-то вдалеке бездельничающий, лениво покуривающий папиросу Влас. Здесь была применена так называемая «покадровая» съемка. Снимет оператор один кадр, переменит рисунок, повернет кукловод куклу несколько иначе — и еще один кадр снят. Потом новый рисунок, новый поворот куклы — и новый кадр. А на экране даже намека нет на неподвижные кадры: льется из ковша расплавленная сталь, летят в стороны фонтаны искр, все живет, все движется — и огромный, кропотливый, чрезвычайно напряженный труд создателей фильма совсем незаметен. Впрочем, в настоящем искусстве всегда так: чем больше затрачено упорного труда, тем меньше он виден.

Непременно посмотрите «Историю Власа — лентяя и лоботряса» и напишите, понравилась ли вам эта картина.

Автор сценария фильма **Н. ХАЛАТОВ**

Много хороших людей и один завистник

В. КАВЕРИН

Рисунки В. Алфеевского.

(Окончание)

12. ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ ГОВОРИТ СО СВОИМ НАЧАЛЬНИКОМ ПО ТЕЛЕФОНУ, А СТАРАЯ ЛОШАДЬ СТУЧИТСЯ В АПТЕКУ «ГОЛУБЫЕ ШАРЫ»

Лекарь-Аптекарь сразу же понял, что Таня не принесла ему пояс.

— Не смей говорить, что ты не нашла его! — закричал он, схватившись за сердце.— Все погибло, если ты его не нашла. Он догадается, что это была ты, а если он догадается...

Сороки не плачут, как это доказывает профессор Пеночкин, или плачут крайне редко, как это утверждает профессор Мамлюгин. Но Таня еще совсем недавно была девочкой, и нет ничего удивительного в том, что она разревелась.

— Не сметь! — визгливо закричал Лекарь-Аптекарь.— Ты промочишь пиджак (Таня сидела на его плече), я простужусь, а мне теперь некогда болеть. Что это за мальчишка?

Мальчишка, стоявший у двери с виноватым видом, был Петька, и Лекарь-Аптекарь не хватался бы так часто за сердце, если бы он знал, что на Петьке был ремешок, старенький, потертый ремешок из обыкновенной кожи. Но он этого не знал.

— Мало с тобой хлопот! Здравствуйте, теперь еще придется возиться с этим трусишкой. Оставьте меня в покое! У меня больное сердце. Дайте мне спокойно умереть!

Но, по-видимому, ему все еще не хотелось умирать, потому что он выпил рюмочку коньяку, а потом, немножко подумав, вторую.

— Яд,— сказал он с наслаждением.— Давай сюда рецепт, глупая девчонка. Он догадается, что это была ты, и меня, конечно, уволят, если я приготовлю лекарство для твоего отца. А мне, понимаешь, до пенсии осталось полгода. Боже мой, боже мой! Всю-то жизнь я старался не делать ничего хорошего людям, и никогда у меня ничего не получалось, никогда! И вот, пожалуйста, опять! Ну ладно, куда ни шло! В последний раз. Умереть мне на этом месте, если я еще когда-нибудь сделаю хорошее людям! Зверям — другое дело. Птицам — пожалуйста! Но людям!.. Почему ты так похудел, мальчик? Ты голоден? Возьми бутерброд. Ешь! Я тебе говорю, ешь, подлец! Ох, беда мне с вами!

Он ворчал, и вздыхал, и сморкался в огромный застиранный зеленый платок, хотя, как известно, все аптекари в мире стараются не сморкаться, приготовляя лекарство. А если и сморкаются, так не в зеленые, застиранные, а в новенькие, белые, как снег, платки. Но он сморкался, и моргал, и почесывался, и даже раза два одобрительно хрюкнул, когда стало ясно, что для Таниного отца он приготовил не лекарство, а настоящее чудо. Плохо было только, что вместо одного пузырька он нечаянно приготовил два, а за два ему могло попасть ровно вдвое.

— Возьми, Таня!

Сорока осторожно взяла пузырек, на котором было написано: «Живая вода».

— Так. А второй мы спрячем. Не дай бог, пригодится. Счастливого пути. Живо! — закричал он и затопал ногами.— А то я еще передумаю! Ох, как вы мне все надоели!

И Таня улетела — вовремя, потому что позвонил телефон и еще потому, что когда Лекарь-Аптекарь спросил дребезжащим голосом: «Я-а-слюш» (это значило: «Я вас слушаю»),— в ответ раздался голос, который действительно мог заставить его передумать.

— Как дела, старина? — спросил Великий Завистник. К сожалению, это был он.— Я хочу поблагодарить тебя за микстуру. Спал, как ребенок. Здорово это у тебя получилось!

— Пожалуйста, очень рад.

— Погромче!

— Очень рад! — заорал Лекарь-Аптекарь.

— То-то же! Ты вообще имей в виду, что я к тебе отношусь хорошо. Вот сейчас, например, с удовольствием потрепал бы тебя по плечу, честное слово. Ты ведь, кажется, любишь птиц?

— Что?

— Птиц, говорю я! Воробьев, там, канареек, сорок?

— Птиц? Нет. То есть, смотря каких. Полезных — да. Которые поют. А воробьев нет: они не поют.

— Понятно. Кстати, тут на днях к тебе не залетала Сорока?

— Нет. А что?

— Да тут, понимаешь... просыпаюсь, а на полу со-

рочье перо. Уронила. Ну, ты меня знаешь! Захотелось вернуть. Ищет, думаю, огорчается птица. Значит, не залетала?

— Нет.

— Хм... тем лучше. А может быть, все-таки прислать тебе это перо?

— Зачем?

— Ну, нет так нет. До свидания! Ах, да! Надеюсь, ты еще не забыл, что чудесами распоряжаюсь лично я впредь до распоряжения?

— Что вы!

— Ну то-то. Прощай!

Они одновременно положили трубки и зашагали из угла в угол: Великий Завистник, зловеще бодаясь маленькой черной головкой, а Лекарь-Аптекарь, в отчаянии хватаясь за свой длинный, сразу похудевший нос. Они шагали, думая друг о друге. Мысли Великого Завистника летели в аптеку, а мысли Лекаря-Аптекаря — прямехонько на Козихинскую, три, и нет ничего удивительного в том, что они столкнулись по дороге. Раздался треск, не очень сильный, но все же испугавший Лошадь, тащившую бочку с водой вдоль Медвежьей горы. Это была та самая Старая Лошадь, которую когда-то звали Ниночкой, а теперь Аппетит. Ей давно хотелось узнать, заказала ли Таня лекарство, и заодно, если удастся, купить у Лекаря-Аптекаря розовые очки. Купить, правда, было не на что.

«Но, может быть,— думала она,— я сумею оказать ему какую-нибудь услугу? Например, для микстур и настоев нужна вода. А у меня она как раз очень вкусная и сколько угодно».

«...Да, без очков трудно жить,— думала она грустно.— Особенно, когда даже подруги норовят стащить твое сено из-под самого носа. Впрочем, какие они мне подруги? Разве они носили когда-нибудь ленточки в косах? Разве их награждали когда-нибудь почетной грамотой, как меня, когда я перешла в третий класс? Кто танцевал в школе лучше, чем я? Кто пел, как соловей: «И-го-го, и-го-го»?»

Ей показалось, что она встала на цыпочки и запела, а на самом деле она подняла хвост и заржала. Лекарь-Аптекарь, все еще шагавший из угла в угол, прислушался с беспокойством.

Трах!.. Аптечная посуда зазвенела в ответ, а фарфоровые белочки привстали, насторожив уши.

Трах!.. Это, конечно, была Старая Лошадь. Ей казалось, что она стучит деликатно, чуть слышно.

13. ЖИВАЯ ВОДА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В СИРЕНЕВЫЙ КУСТ, А ТАНЯ ЗНАКОМИТСЯ С ЛИХОБОРСКОЙ СОРОКОЙ

Живая вода плескалась в пузырьке. Таня крепко сжимала его в своем черном изогнутом клюве. Еще несколько взмахов — и дома! Вот и знакомая крыша показалась вдали или, вернее сказать, незнакомая, потому что Таня впервые видела ее не снизу, а сверху. На трубах сидели ворсбьи, и вдруг все разом шумно вспорхнули, должно быть, испугались большой черно-белой птицы, которая несла что-то непонятное в клюве. А ну взорвется или еще что-нибудь? Мальчишки запускали воздушного змея на Медвежьей горе. Они тоже, конечно, заметили Таню, тем более, что подул ветер, и воздушный змей поплыл к ней навстречу. Он был страшный, рогатый, с высунувшимся красным языком. Любая сорока закричала бы: «Караул!» Но Таня не закричала: ведь она могла выронить пузырек! Зажмурив глаза, она приближалась к змею. Поздороваться с ним и обогнуть — это был бы лучший выход из положения. Но и для этого нужно было открыть клюв, а она сжимала его все крепче.

— Сорока-воровка!

— Гляди, ребята! Что-то стащила.

Один камень больно ударил Таню в плечо, другой оцарапал ногу, а третий... Третий разбил пузырек! Тонкая, засверкавшая на солнце нить протянулась между землей и небом. Это пролилась живая вода, и там, где она упала, вырос такой красивый сиреневый куст, что Ученый Садовод немедленно написал о нем книгу под названием «Чудо на Медвежьей горе».

Расстроенная, измученная, с подбитым крылом, Таня полетела обратно в аптеку. Она помнила, что Лекарь-Аптекарь нечаянно приготовил два пузырька живой воды. Какая удача!

Но на куске картона, висевшем между голубыми шарами, было написано: «Хотите верьте, хотите нет — аптека закрыта». Почерк был Петькин, и никто другой не нарисовал бы в уголке чертика с хвостом, изогнутым, как вопросительный знак.

Да, аптека была закрыта, и Таня, взлетев на антенну, с которой были видны все двенадцать улиц Медвежьей горы, принялась ждать — что еще могла она сделать?

Прошел час, другой, третий. Начался дождь, Таня промокла до последнего перышка — и это было прекрасно, потому что она боялась уснуть, а под дождем не уснешь, тем более без зонтика, правда? Но дождь перестал, Медвежья гора скрылась в темноте, и она все-таки уснула. Солнце поднялось, когда она открыла глаза, подъезды сверкали после дождя, точно нарисованные мелом на белой глянцевитой бумаге, а кусок картона с надписью по-прежнему висел между голубыми шарами. Лекарь-Аптекарь не вернулся. Неужели его уволили за полгода до пенсии? Какая несправедливость! Но куда же в таком случае делся Петька? Таня полетела на Бега к Старой Лошади, но в ее стойле спал, расставив ноги, грубый Битюг с рыжим хвостом.

— Простите, вы не знаете?.. Прежде в этом стойле часто останавливалась одна девочка... Я хотела сказать, одна лошадь. Знаете, та самая, которая советовала мне не очень гордиться своим раздвоенным длинным хвостом. Ее звали, кажется, Аппетит.

— Кобыла Аппетит снята с рациона,— проржал, просыпаясь, Битюг, который прежде возил заведующего продовольственной базой и привык выражаться так же кратко, как он.

— Снята? Почему?

— Как сбежавшая в неизвестном направлении, утащив казенную упряжь, тележку и бочку с водой.

Ничего больше не оставалось, как вежливо извиниться и улететь. Но куда?

— Может быть, вы разрешите мне остаться на несколько дней,— робко начала Сорока.— Дело в том, что я...

— Не могу. Не положено.

— Почему?

— Потому что стойло для парнокопытных.

...В отвратительном настроении Таня спряталась в самой густой листве Березового сада. Все казалось ей в черном свете, даже солнце, на которое, как все сороки, она могла смотреть, не мигая. Голубое небо казалось ей серым, зеленые листья — рыжевато-грязными, а птица, сидевшая на соседнем дереве,— самой обыкновенной скучной вороной.

— Шакикракишакерак,— вдруг сказала птица.

Очень странно. На чистейшем сорочьем языке это значило: «Добрый вечер».

— Каршишкарирашкераш,— быстро ответила Таня. Это значило: «Какая приятная неожиданность! Представьте себе, я приняла вас за ворону».

— Нет, я сорока. Ворона, если вы имеете в виду Белую Ворону, приходится мне тетей. Вы живете в городе?

— Да. А вы?

— Я предпочитаю деревню. Здесь слишком шумно. Вы знаете, совершенно невозможно сосредоточиться. Какое хорошенькое это у вас перо с хохолком!

— Ну что вы, ничего особенного. Вот сегодня ночью я потеряла перо! До сих пор не могу прийти в себя. Знаете, такое белое-белое, с черной отделкой.

— Что вы говорите! И не нашли?

— Нет, конечно. Ужасно жалко. Что это у вас на ноге? Неужели колечко?

— Да.

— Какая прелесть. Бирюза?

— Да. И у меня еще есть бирюзовые сережки, тоже очень миленькие. А вот брошку никак не подберу. Вы не поверите, на днях обшарила все магазины на улице Битые Черепки. Нет и нет! Хоть плачь.

— А это колечко вы тоже купили в комиссионном?

— Купила? Зачем? Стащила.

Они потрещали еще немного, а потом Сорока пригласила Таню к себе в Лихоборы.

— Я живу у тети,— объяснила она.— Она будет очень рада. Лететь недалеко, всего сто километров.

«Осторожно, Таня. Помни, что девочки быстро привыкают к тому, что они сороки, тем более, что они вообще любят трещать. Ты девочка, ты не сорока». Можно было подумать, что Старая Добрая Лошадь была тут как тут, так ясно услышала Таня ее грустный предостерегающий голос. Но она устала и была голодна. В конце концов что за беда, если она проведет денек с этой веселой сорокой?

— К сожалению, мне необходимо найти Лекаря-Аптекаря,— сказала она.— Он ушел и не вернулся. Я прождала его целую ночь.

— Ну и что же! Тетя скажет вам, куда он ушел. Вы знаете, какие они умные, эти вороны! Просто беда!

Таня задумалась.

— Кракешак,— сказала она наконец.

На чистейшем сорочьем языке это означало: «Я согласна».

Пришлось сделать порядочный крюк, но, улетая из города, не могла же она не заглянуть домой, хоть на минутку!

Окно папиной комнаты было распахнуто настежь, он рисовал, лежа в постели, а мама сидела подле с книгой в руках. У нее было грустное лицо. Она, без сомнения, волновалась за Таню. Но почему-то ей стало легче, когда Сорока, приветливо кивая, пролетела мимо окна.

14. ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ ПРОЩАЕТСЯ СО СВОЕЙ АПТЕКОЙ, А СТАРАЯ ДОБРАЯ ЛОШАДЬ НАДЕВАЕТ ОЧКИ

Что же значила странная надпись на картоне, висевшем между голубыми шарами: «Хотите верьте, хотите нет — аптека закрыта»? Не стоит ломать себе голову над этой загадкой, тем более, что нет ничего проще, как разгадать ее. Лекарь-Аптекарь испугался. А когда человек пугается, он бежит.

«Нужно сделать вид, что меня нет,— подумал он, поговорив с Великим Завистником по телефону.— А когда человека нет, его нельзя уволить, потому что нельзя уволить того, кого нет. Прекрасная мысль! Но ведь очень трудно сделать вид, что меня нет, когда я тут как тут, в своей ермолке, в зеленом пиджаке, со своими порошками и микстурами, в которых никто не может разобраться, кроме меня. Значит, нужно удрать. Куда?»

И он решил удрать к Ученому Садоводу, симпатичнейшему человеку, который, как об этом неоднократно сообщали газеты, прекрасно относился к цветам, вообще растениям и некоторым видам насекомых. Можно было рассчитывать, что столь же хорошо он относится к некоторым видам людей, таким, например, как Лекарь-Аптекарь. Итак, решено!

Он собрался было вызвать такси, но именно в эту минуту — трах! — постучалась Старая Лошадь.

— Вот кстати-то! — закричал он.— Здравствуй, Ниночка. Надеюсь, ты не очень занята и сможешь отвезти меня к Ученому Садоводу?

— Конечно, могу! — с восторгом проржала Лошадь.

Да, это был выезд, на который стоило посмотреть! Отправляясь в дорогу, Лекарь-Аптекарь надел пальто, тоже зеленое — у него была слабость к этому цвету. — и сменил ермолку на широкополую шляпу, из-под которой грустно торчал его озабоченный нос. Через плечо он надел дорожную сумку, в которой звенели банки и склянки. Он уселся на передке, чтобы за спиной уютно плескалась вода, и все поглядывал по сторонам, не летит ли Сорока. Петька вскарабкался на бочку. Какой же мальчишка откажется прокатиться, если не на роллере, так на бочке с водой?

Что касается Лошади... О, это был один из лучших дней ее жизни! Когда Лекарь-Аптекарь укладывался, она попросила его подарить ей очки. Конечно, если бы у него было время, он подобрал бы для нее очки по глазам. Но он очень торопился и нечаянно подарил ей волшебные, те, через которые весь мир кажется веселым, счастливым.

Теперь она была в этих очках, выглядевших очень мило на ее бархатном добром носу. Первые два — три километра она шла осторожно, на цыпочках — привыкала, но как только город с его сверкающими автомобильными фарами, презрительно косившимися на водовозную клячу, остался позади, она пустилась вскачь, приплясывая и напевая.

Как все искренние, простодушные люди, она пела обо всем, что встречалось по дороге. Но встречалось как раз не то, что она видела. Или, вернее сказать, видела она совсем не то, что встречалось. Каменщики в серых фартуках строили дом, а ей казалось, что они не в серых фартуках, а в голубых и что кирпичи сами летят им в руки; мальчишки плелись в школу, а ей казалось, что они бегут со всех ног, чтобы поспеть к началу занятий. Это было даже опасно, потому что на улице Битые Черепки рабочие чинили мост, а ей показалось, что они его уже починили, и водовозная бочка с пассажирами едва не угодила в канаву.

Ленивая Девчонка лежала на берегу этой канавы, подложив под голову учебник арифметики и выставив на солнце голые ноги.

— Скажите, пожалуйста, как проехать к Ученому Садоводу? — спросил ее Лекарь-Аптекарь.

— Не скажу.

— Почему?

— Лень.

— Но ведь ты уже сказала целых три слова? — с интересом спросил Лекарь-Аптекарь.

— Да. А адрес не скажу: он длинный.

— Редкий случай, — определил Лекарь-Аптекарь, любивший, как все врачи, редкие случаи и думавший, что, кроме него, никто с ними справиться не может. — Возьми, девочка.

Он протянул ей мешочек с порошками.

— Принимай перед школой, а если не поможет, еще раз, на большой перемене.

— Не возьму.

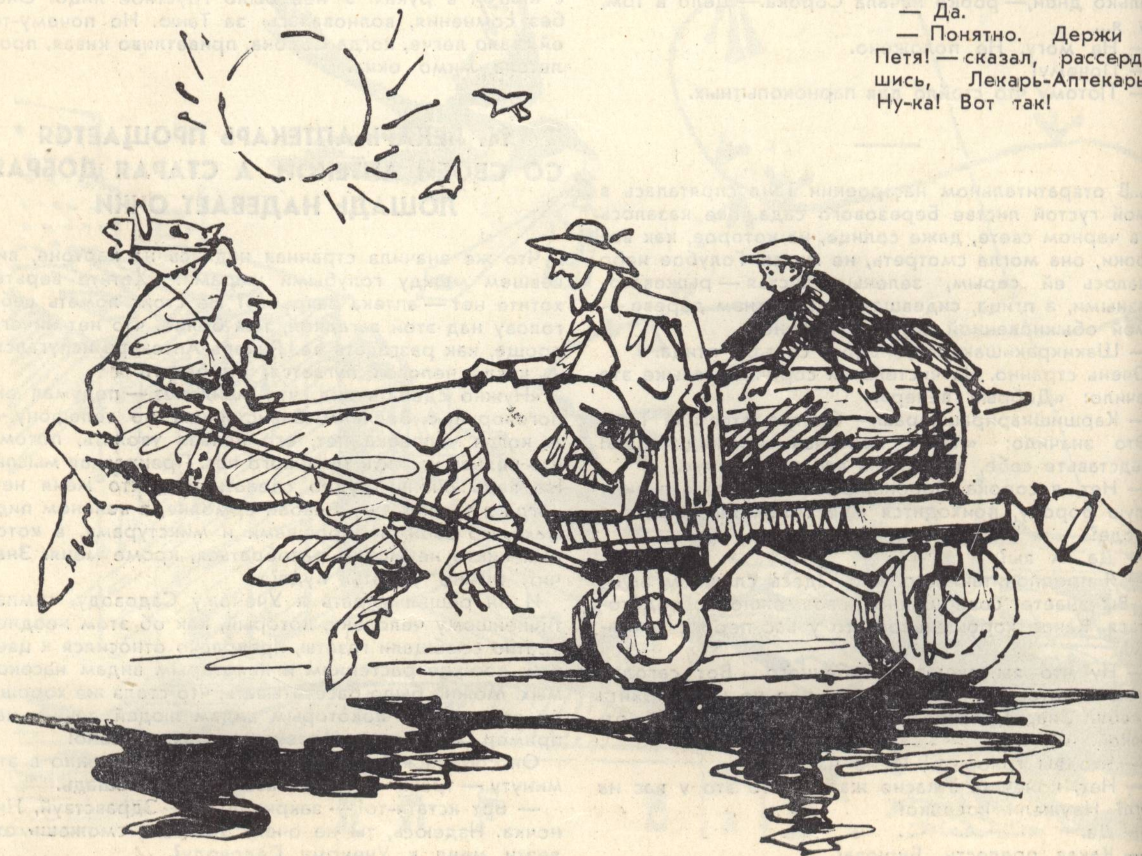
— Почему?

— Лень.

— Тебе лень принять лекарство от лени?

— Да.

— Понятно. Держи ее, Петя! — сказал, рассердившись, Лекарь-Аптекарь. — Ну-ка! Вот так!

И он всыпал в рот девочке три порошка сразу.

Да, это было сильное средство! Достаточно сказать, что с этого момента никто больше не называл Ленивую Девчонку ленивой. Ее называли как угодно: злой, невежливой, глупой, неблагодарной, капризной, но ленивой — нет, никогда! Как встрепанная, вскочила она на ноги и прежде всего отбарабанила адрес Ученого Садовода:

— Поселок Королей Свежего Воздуха, улица Заячья Капуста, дом семью девять — шестьдесят три, квартира восемью девять — семьдесят два.

Конечно, она хотела сказать, что дом три, а квартира два, но ей не терпелось поскорее выучить таблицу умножения.

— Спасибо,— сказал Лекарь-Аптекарь.— А как проехать в поселок Королей Свежего Воздуха?

— До поворота прямо, девятью девять — восемьдесят один,— ответила бывшая ленивая, а теперь прилежная Девчонка,— а потом налево, десятью десять — сто.

И все-таки, если бы не Застенчивый Кролик, они не добрались бы до Ученого Садовода. Дело в том, что Старая Лошадь побежала к повороту не прямо, а криво (потому что в волшебных очках все кривое казалось ей прямым), а потом повернула не налево, а направо. Теперь понятно, почему они сбились с дороги?

Вот тогда-то из грядок капустного поля выглянул Кролик. Он выглянул и спрятался, а ушки остались торчать. Потом снова выглянул и спрятался, а ушки остались... Потом выглянул и спрятался в третий раз, а ушки... Но тут его окликнул Лекарь-Аптекарь.

Это был обыкновенный Кролик, отличавшийся от других, еще более обыкновенных, тем, что никак не мог сказать одной молоденькой, только что окончившей школу Крольчихе: «Будьте моей женой».

Иногда он говорил «Будьте...», иногда ему даже удавалось сказать «моей», но тут он умолкал, краснея, и девушке оставалось только огорченно шевелить ушами.

«Неизвестно,— думала она.— Может быть, он хочет сказать: «Будьте моей сестрой».

Опустив глазки, Кролик стоял перед Лекарем-Аптекарем и от смущения не мог выговорить ни слова.

— Ага, понятно,— добродушно сказал Лекарь-Аптекарь.— Ничего особенного. Сильнейшая застенчивость. Проходит с годами. Две капли на сахар два — три раза в день. Только не перебарщивать. У меня был случай, когда один застенчивый юноша, вроде вас, выпил сразу весь пузырек и превратился в нахала.

И он протянул Кролику пузырек и пипетку. Что же должен был ответить Кролик? Ну, конечно: «Благодарю вас, сахару у меня, к сожалению, нет. Нельзя ли принимать ваше лекарство с капустой?» А он только открыл и закрыл рот.

— Дядя Аптекарь! — закричал Петька.— Что вы, честное слово! Откуда у него сахар? Он же кролик.

— Пожалуй,— согласился Лекарь-Аптекарь.— Но это лекарство можно принимать и с водой. Сейчас мы это сделаем. Петя, нацеди стаканчик. Ну, братец-Кролик, смелее.

Кролик выпил лекарство.

— Спасибо,— сказал он чуть слышно.— Вы заблудились,— добавил он немного погромче.— К Ученому Садоводу не направо, а налево,— сказал он обыкновенным голосом, как самый обыкновенный, незастенчивый кролик.— Он живет в зеленом домике под черепичной крышей! — заорал он, по-видимому, совершенно забыв, что минуту назад от смущения не мог выговорить ни слова.— Извините, я тороплюсь.

И со всех ног он побежал искать Крольчиху, чтобы сказать ей: «Будьте моей женой».

И все-таки они с большим трудом нашли дом Ученого Садовода. Дело в том, что дом был очень маленький и зеленый, а сад — очень большой и тоже зеленый. А найти зеленое в зеленом трудно, особенно если первое зеленое маленькое, а второе — очень большое.

Но еще труднее оказалось найти в этом большом зеленом самого Ученого Садовода. Петька обегал все дорожки, пока не наткнулся на худенького старичка в широкополой шляпе, который сидел на корточках и с озабоченным лицом прислушивался к разговору между Тюльпаном и Розой.

— Невозможно, невозможно! — говорил Тюльпан.— Подумать только, за десять дней ни одного дождя! Ты побледнела.

— В конце концов эта жара погубит нас,— отвечала Роза.— Ты просто не представляешь себе, как мне хочется пить.

— Где же твоя роса?

— Ее выпили пчелы.

Да, стояла сильная жара. Анютины глазки вот-вот готовы были закрыться навсегда, левкои лежали в обмороке, и только канны гордо подставляли солнцу свои огненно-красные крылья. Вот почему Ученый Садовод так обрадовался, увидев за калиткой Старую Лошадь, которая, по-видимому,— он подпрыгнул от радости — привезла целую бочку чистой, прохладной воды. На передке сидел старичок в длинном зеленом пальто и широкополой шляпе.

«Ага, понимаю,— подумал Ученый Садовод.— Это новая водовозная форма».

— Добро пожаловать! — сказал он.— Вы приехали вовремя. Позвольте прежде всего поблагодарить вас от имени моего сада, который положительно умирает от жажды.

15. ГУСЬ-ОБМАНЩИК

«Нет, Лекарь-Аптекарь не решится приготовить лекарство,— думал Великий Завистник.— Как-никак, я все-таки часто называю его то старина, то собака. Бывают, конечно, подлецы! К ним относишься хорошо,

а они возьмут и устроят гадость. Ну, этот-то нет! Полгода до пенсии. Да и поговорил я с ним как-то ловко: и пригрозил и приласкал. А что, если все-таки приготовит? Что, если этот Мазилка поправится? Страшно подумать!

...Бог с ним, с поясом,— думал он уныло.— Пропал и пропал. Пора мне уже отвыкать от него. Жизнь научила меня завидовать, а по природе-то я же добряк! Я готов все отдать первому встречному. Вот сейчас, например: последнюю рубашку готов снять с себя, только бы Мазилка умер».

С тех пор, как пояс пропал, он не читал газет. Зачем? Могут напечатать что-нибудь хорошее, а ему вредно волноваться. Могут напечатать, что награжден кто-нибудь, чего доброго, или что дела вообще идут хорошо. Нет уж, бог с ними! Но радио он иногда все-таки слушал.

И вот однажды в последних известиях сообщили, что на днях в Большом Зале Мастеров и Маленьком — Подмастерьев открывается выставка. Это было бы еще полбеды. Но на этой выставке все картины принадлежали Таниному отцу. Вот это уже была настоящая подлость! Мало того, на выставке — Великий Завистник почувствовал, что ему нечем дышать — будет присутствовать сам художник, выздоровевший после тяжелой болезни. Так и было сказано: «Сам».

Возможно, что Великий Завистник тут же свалился бы в сильнейшем сердечном припадке, если бы не раздался звонок. Кто-то пришел к нему, и, наскоро проглотив двести граммов микстуры от зависти, Великий Завистник подошел к двери.

— Кто там?

— Га-га.

Это был Гусь, тот самый, о котором говорили: «Хорош Гусь». Он был обманщик, но глупый, и ему удавалось обмануть только тех, кто был еще глупее, чем он. Великий Завистник посылал его разузнать, куда убежал Лекарь-Аптекарь.

— Ах, это ты, старина? Как дела?

— Дела га-га.

— Выражайся яснее.

— Я нашел их,— торжественно сказал Гусь.— Они скрываются в поселке Королей Свежего Воздуха, в доме Ученого Садовода.

— Ах так! Отлично! — И Великий Завистник втянул свою маленькую черную голову в плечи.

— Отлично, да не совсем. Вы их там не найдете.

— Почему?

— Потому что вчера расцвели тополя.

— Ну и что же?

— А то, что он летает, га-га.

— Кто он?

— Не кто, а что,— сказал Гусь.— Пух от тополей.

— Не понимаю.

— Каждая пушинка немедленно сообщает Лекарю-Аптекарю о вашем приближении. Так приказал Ученый Садовод, а его даже столетние дубы не смеют ослушаться, не то что какой-то там пух. У меня ведь тоже есть пух, так что в свое время я интересовался этим вопросом. Но у меня другой, так называемый гусиный. Тут нужна интрига, га-га! Например, я надену платочек и подойду к ним; знаете, вроде баба принесла им грибы. А вы спрячетесь под грибы. Вам ведь ничего не стоит. Они станут покупать, а вы раз, и га-га!

— А нос?

— Ну и что же, у баб бывает такой нос. Или иначе: накинуть на домик сеть, чтобы они все попались, а потом вынимать по очереди: Лекаря-Аптекаря, Лошадь и Петьку.

Великий Завистник поморщился: он не любил дураков.

— Да, это мысль,— сказал он.— Но, понимаешь, старина, возня. Уж если плести сеть, она мне для других дел пригодится, почище. Кстати, ты не заметил случайно, не валяется ли там где-нибудь ремешок? Такой обыкновенный, потертый? Ну, просто такой старенький ремешок с пряжкой? Не видел?

— Видел. Он на Петьке.

— Что?!

— То, что вы слышите. А зачем вам ремешок? Я лично предпочитаю подтяжки.

— Конечно, конечно! — волнуясь, сказал Великий Завистник.— Я тоже. Значит, так. Прежде всего нужно выбрать ветреный день. Пух легко уносится ветром. Если ветер дует, скажем, северный, а ты явишься тоже с севера, они тебя не заметят. Во-вторых, надеть нужно не платочек, а бантик на шею: в бантике у тебя представительный вид. Стало быть, ты войдешь, вежливо поздороваешься и скажешь: «Не могу ли я видеть Лекаря-Аптекаря из аптеки «Голубые шары»?» Он спросит: «А что?» «К вам едет знаменитый астроном». «Зачем?» «А затем,— скажешь ты,— что жена попала ему не в бровь, а в глаз, и теперь он не может отличить Большую Медведицу от Малой. Не будете ли вы добры принять его?» А вместо астронома приеду я. Понятно?

— Понятно. Но, может быть,— глубокомысленно заметил Гусь,— лучше сказать так: «И теперь он смотрит в книгу, а видит фигу»?

— Эх, братец!

А нужно вам сказать, что Лора была в соседней комнате и слышала этот разговор. Она сидела на Петькином стуле и читала Петькину книгу, ту самую, которую он не успел дочитать. На полях она рисовала чертиков, и чертики получались совсем Петькины — с длинными хвостами, изогнутыми, как вопросительный знак. А чтение — нет, не получалось. Может быть, потому, что Петьке было интересно, что будет дальше, а ей все равно. Она обрадовалась, узнав, что Гусь знает, где Петька, хотя немного беспокоилась, как бы папа не превратил его в какую-нибудь неприятную тварь.

Вот почему, когда Гусь уходил, она догнала его на лестнице и попросила передать Пете записку. Записка была коротенькая: «Берегись».

Правда, она написала «биригись», но только потому, что очень волновалась: а вдруг Гусь не возьмет? Но Гусь взял. Может быть, если бы он умел читать, записка мигом оказалась бы в руках Великого Завистника. Он не умел. Кроме того, ему и в голову не пришло, какую неприятность может причинить ему эта записка.

И нужно же было, чтобы именно в этот день с Крайнего Севера прилетел Северный Ветер! Продрогший, со льдинками в усах, раздувая щеки, он принялся за работу — срывать крыши, ломать деревья, раскачивать дома, свистеть в дымоходах. Тополевый пух он в одно мгновение унес туда, где даже и не растут тополя. И Гусь, приодевшийся, в отглаженных брюках, в новеньких подтяжках, с черным бантиком на шее, никем не замеченный, пришел к Ученому Садоводу.

Все были дома. Лекарь-Аптекарь, Ученый Садовод и Петька пили чай на открытой веранде, а Лошадь в очках бродила вокруг, пощипывая траву, которая казалась ей розовой и сладкой, как сахар.

— Здравствуйте,— вежливо сказал Гусь.— Приятно чаю попить.

— Здравствуйте! Милости просим!

— Благодарю вас, некогда. Дела. Я, собственно, к вам, доктор.

И Гусь рассказал Лекарю-Аптекарю о знаменитом астрономе, которому жена попала не в бровь, а в глаз. Кое-что он напутал, назвав Большую Медведицу просто га-га. Но Лекарь-Аптекарь все-таки понял.

— Пусть приезжает,— сказал он.— Конечно, астроному нужны глаза. Почти так же, как аптекарю нос. Еще не было случая, чтобы он отказал больному.

— Благодарю вас,— сказал Гусь и откланялся, шаркнув лапками в отглаженных брюках.

Но тут он вспомнил о записке, которую Лора просила передать Петьке.

— Виноват, мне хотелось бы поговорить с мальчиком,— сказал он.— У меня к нему поручение. Так сказать, личное, га-га.

Петька соскочил с веранды, и они отошли в сторону.

— Выкладывай! — сказал он.

Гусь вытащил из-под крыла записку. Вот тут-то и произошла неприятность, о которой он бы непременно догадался, будь он хоть немного умнее. Петька прочел записку и, пробормотав: «Ага, понятно»,— схватил его за горло.

— Предательство! — закричал он Лекарю-Аптекарю.— Великий Завистник подослал к нам этого шпиона. Надо удирать. Значит, так: вы складываете вещи, а я запрягаю Лошадь.

16. ТАНЯ ИЩЕТ ЛЕКАРЯ-АПТЕКАРЯ, И БЫВШИЙ ЗАСТЕНЧИВЫЙ КРОЛИК СОВЕТУЕТ ЕЙ ЗАГЛЯНУТЬ К УЧЕНОМУ САДОВОДУ

К сожалению, Старая Лошадь была права: девочки быстро привыкают к мысли, что они сороки. Привыкла и Таня. По-сорочьи она говорила теперь лучше, чем по-русски. Вдруг она забывала, как по-русски «собака», «корова», «трава». Нельзя сказать, чтобы она так уж гордилась своим раздвоенным длинным хвостом, однако поглядывала на него не без удовольствия, распустив на солнце, чтобы каждое перышко отливало золотым блеском.

Она жила у Белой Вороны, симпатичной и еще совсем недавно — лет сорок тому назад — красивой женщины, к сожалению, сильно пополневшей под старость. Впрочем, она держалась мужественно.

— Надо бороться,— говорила она и, полетав над березовой рощей, спрашивала Таню: — Ну как, похудела?

Как известно, самое верное средство, чтобы похудеть,— стоять на одной ноге после обеда. И она стояла, долго, с терпеливой, страдающей улыбкой, завидуя цаплям, которые полжизни стоят на одной ноге, не думая о том, как это мучительно трудно.

Первое время все сороки казались Тане на одно лицо, и Белая Ворона посоветовала ей прежде всего научиться отличать себя от других.

— Ну, а отличив себя от других,— говорила она назидательно,— не так уж и трудно научиться отличать других от себя.

Действительно, оказалось, что это нетрудно. Одни ходили, покачивая хвостом, как дрозды, а другие, как трясогузки; одни любили душиться дубовым, а другие березовым соком; одни красили ресницы пыльцой от бабочек, а другие самой обыкновенной пылью, настоенной на воде.

Зато трещали они все без исключения.

— А вы знаете, что...

Так начинался любой разговор, а потом следовала какая-нибудь новость: без новостей сороки жить не могли.

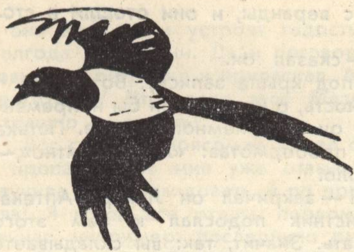
— А вы знаете, что в соседнем лесу уже никто вообще не носит узеньких перьев?

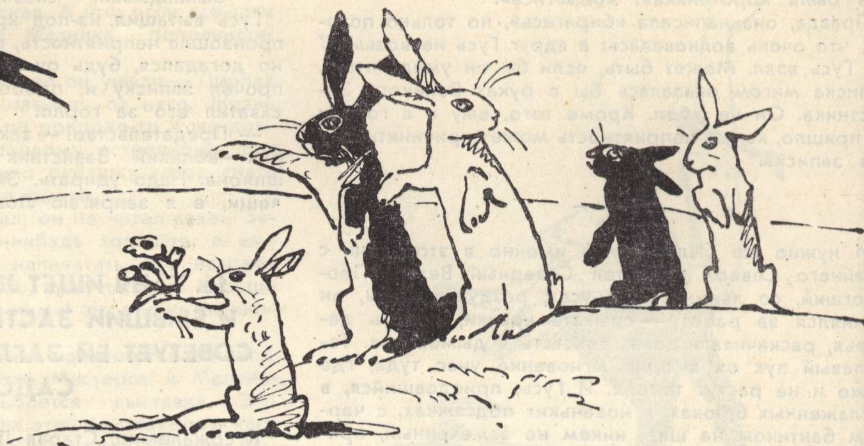
— Что вы говорите!

— То, что слышите.

Или:

— А вы слышали, что на Туманную поляну прилетела испанская голубая сорока? Оперение — чудо!

— Что вы говорите!

— То, что вы слышите. Хлопает крыльями, совершенно как мы, а слышится: не «хлоп», а «кликикиклюк». Заслушаешься! Ну, прелесть, прелесть!

Профессор Пеночкин утверждает, что сороки питаются свежим швейцарским сыром, а не только земляными червями, как это утверждает профессор Мамлюгин. Но тот же профессор Пеночкин предполагает (впрочем, весьма осторожно), что в качестве приправы к швейцарскому сыру сороки питаются слухами и новостями.

«Если это не так,— пишет он в своем труде «Сорока как сорока»,— они бы, по-видимому, вообще не трещали. Ведь трещать-то надо о чем-нибудь, правда?»

Это было убедительно, и Таня, проведя среди сорок несколько дней, должна была с ним согласиться. Та самая молодая сорока, с которой она познакомилась в Березовом саду, чуть не умерла от скуки только потому, что сидела на яйцах и, следовательно, не могла отлучиться от гнезда, чтобы узнать хоть какую-нибудь новость. Пришлось вызывать к ней «Скорую помощь», и она пришла в себя лишь тогда, когда санитарка шепнула ей по секрету, что ее соседка лежит в обмороке, убедившись в том, что она высидела кукушку.

Вот почему Белая Ворона пообещала Тане найти Лекаря-Аптекаря.

— О человеке, который ходит в зеленой ермолке,— сказала она,— без сомнения, ходит множество сплетен и слухов. А если он еще к тому же и холост...

— Он старенький. Полгода до пенсии.

— Ну и что же? Тем более.

И действительно, не прошло и двух — трех дней, как сороки принесли на своих хвостах интересную новость: обыкновенный Кролик, отличавшийся от других, еще более обыкновенных, тем, что он не мог сказать одной молодой Крольчихе: «Будьте моей женой»,— вдруг осмелел, сказал и женился. Кто же вылечил его от застенчивости? Маленький длинноносый человечек, но не в ермолке, а в шляпе.

— Ну и что же? — радостно сказала Таня.— В дороге он сменил ермолку на шляпу.

Она полетела к бывшему Застенчивому Кролику, и он вышел к ней с женой и детьми (их было у него уже трое).

— Застенчивость — это не что иное, как отсутствие воспитания,— сказал он.— Надеюсь, что мы с женой сумеем внушить это детям. Да, Лекарь-Аптекарь спрашивал меня, как проехать к Ученому Садоводу. И я показал дорогу, хотя тогда был еще очень застенчив. Теперь? О, теперь нет! Вы как, по воздуху или пешком? Лучше по воздуху: ближе и легче найти. Черепичная крыша.

— Спасибо! До свидания!

— Счастливого пути. Дети, что нужно сказать?

— Счастливого пути! — хором сказали крольчата.

17. ЛЕКАРЬ-АПТЕКАРЬ, ПЕТЬКА И СТАРАЯ ЛОШАДЬ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В МУХИН, А ЗА НИМИ, КАК ЭТО НИ СТРАННО, И САМА АПТЕКА «ГОЛУБЫЕ ШАРЫ»

Между тем выезд, на который стоило посмотреть, превратился в выезд, на который невозможно было досыта насмотреться. Прощаясь, Ученый Садовод украсил Старую Лошадь розами, и теперь она стала похожа на пряничного доброго льва, которого хотелось съесть: так она была мила и красива. В шляпе Лекаря-Аптекаря тоже торчала роза, но бледно-желтая, чайная, называющаяся так потому, что она была привезена из Китая. А китайский чай, как известно, так хорош, что его пьют без сахара, во всяком случае, сами китайцы. Петька, который, как все мальчишки, презирал цветы, все-таки обвил водовозную бочку цветущим голубым плющом и приколол к своей курточке несколько анютиных глазок. Словом, выезд утопал в цветах, и было бы очень хорошо, если бы пассажиры (или хотя бы Лошадь) знали, куда они едут. Гусь-предатель, которого они захватили с собой, даже спросил Петьку:

— Скажите, пожалуйста, куда вы изволите ехать?

Он стал очень вежлив после того, как этот мальчик чуть не свернул ему шею. Но, увы, хотя Петька и сказал отрывисто: «Куда надо»,— никто не мог ответить на этот вопрос.

— Прямо или направо? — спросила Лошадь, когда добрались они до перекрестка, на котором скучал, повесив голову, длинный белый столб-указатель. «Мухин — 600 метров» было написано на стрелке, показывавшей прямо. «Бабаягинск — тоже 600» было написано на другой, показывающей направо.

— Айда в Бабаягинск, интересно! — закричал Петька.

Лекарь-Аптекарь строго посмотрел на него и сказал Лошади:

— Прямо.

Не стоит рассказывать, как они заблудились: ничего особенного, просто вместо Мухина чуть не попали в Немухин. На ночлег пришлось остановиться в поле. Лекарь-Аптекарь завалился на боковую, а Петька стал рассматривать его банки и склянки. Одну, в которой что-то поблескивало, он откупорил, просто чтобы понюхать, и Солнечные Зайчики стали выскакивать из бутылки, веселые, разноцветные, с отогнутыми разноцветными ушками. Одни скользнули в темное ночное небо, другие побежали по дороге, а третьи, прыгая и кувыркаясь, спрятались в траве.

На бутылке было написано: «Солнечные Зайчики. От плохого или даже неважного настроения. Выпускать по одному».

Ну вот! По одному! А он, небось, выпустил сразу штук сорок. И Петька поскорее заткнул бутылочку: испугался, как бы ему не попало.

Наутро они приехали в городок Мухин и сняли комнату у Портного, веселого человека, который целыми днями сидел, поджав ноги, и шил пиджаки, жилеты и брюки. Вечерами, чтобы размять ноги, он катался — летом на роликах, а зимой на коньках. На роликах он катался лучше всех в Мухине, а на коньках едва ли не лучше всех в Советском Союзе. Если бы не музыка, он, может быть, стал бы даже чемпионом Советского Союза: так ловко он выписывал на льду имя девушки, на которой собирался жениться.

— Не можете ли вы вылечить меня от любви к музыке? — попросил он Лекаря-Аптекаря.— Дело в том, что на катке каждый вечер играет оркестр, а я так люблю музыку, что забываю о своих фигурах. Однажды, например, я заслушался и вместо трех с половиной сальто в воздухе сделал только три. Ну куда это годится!

С такой удивительной болезнью Лекарь-Аптекарь встретился впервые. Любовь к деньгам, или так называемую скупость, он лечил. Любовь к спиртным напиткам — тоже. А вот любовь к музыке... Он обещал подумать.

В общем, если бы не Гусь, который все время боялся, что его съедят, в Мухине жилось бы прекрасно. Гусь начинал ныть с утра:

— А вы меня не съедите?

— Не съедим,— отвечали ему.— Но только потому, что гусятина у тебя невкусная, старая. А то съели бы, потому что ты предатель.

— Ну и что же? Подумаешь! Ну и предатель! Тогда отпустите. Меня дома заждались.

— А домой нельзя.

— Почему?

— Потому что ты скажешь Великому Завистнику, что мы в Мухине. И он такое с нами устроит, только держись!

Гусь успокаивался, но наутро опять начиналось:

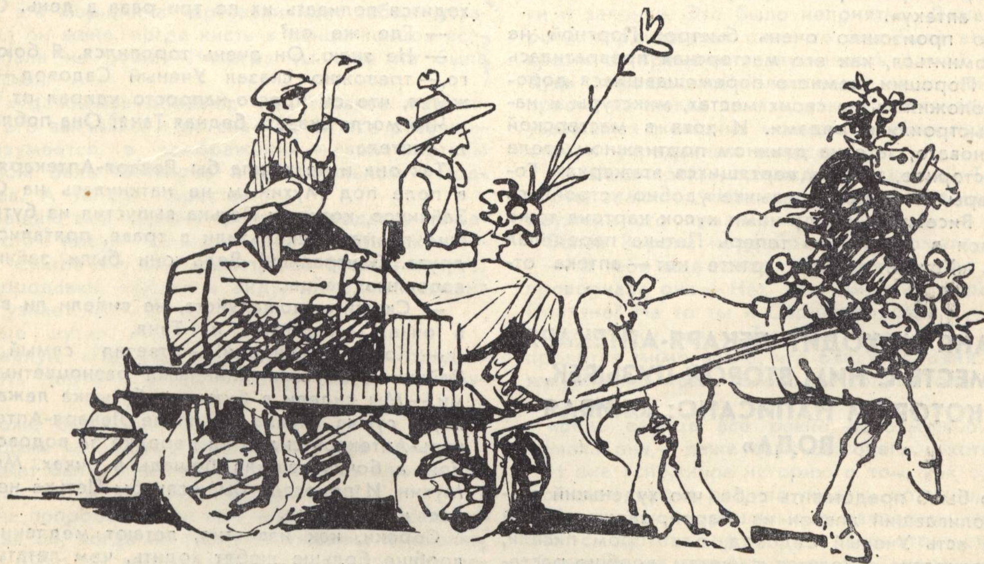
— А вы меня не съедите?

Да, в общем, все было бы хорошо, если бы аптека не соскучилась по своему Аптекарю.

Соскучились бутылки, большие, маленькие и самые маленькие, в которых едва могла поместиться слеза. Соскучились Голубые шары, годами слушавшие бормотание своего хозяина, который разговаривал с ними, как с живыми людьми. Порошки пересохли и пожелтели. На микстурах появилась плесень. И хотя многие врачи в настоящее время утверждают, что плесень — тоже лекарство, никто еще не пробовал лечиться ею от зависти или лени. Единственный человек, побывавший в аптеке, был мухинский Портной, да и то лишь на несколько минут: в Москве у него были свои портняжные дела, и он торопился. Лекарь-Аптекарь дал ему ключи, чтобы он поискал лекарство от любви к музыке, мешавшей ему стать чемпионом. Такого лекарства он, к сожалению, не нашел, но зато захватил с собой два — три флакона капель от всех забот.

Но больше всех, без сомнения, соскучились белочки. Беспокойно двигая своими пушистыми хвостами, они все прислушивались, не скрипнет ли дверь, не пришел ли хозяин.

Именно они-то и начали этот перелет — по-видимому, единственный в истории аптек и аптекарей всего мира. Присев на задние лапки, они прыгнули

в маленькую комнатку за аптекой, а оттуда в открытую форточку, ту самую, через которую вылетела Сорока.

Как они догадались, что Лекарь-Аптекарь скрывается в Мухине, осталось неизвестным, хотя можно предположить, что они узнали об этом от Портного. Так или иначе, белочки выпрыгнули и полетели: ведь они прекрасно умеют летать с дерева на дерево, пользуясь своим хвостом, как управляемым парашютом. За ними помчались к своему хозяину порошки, таблетки, микстуры, травы, пилюли, коробочки, пузырьки, и среди них, конечно, тот, на котором было написано: «Живая вода». И, наконец, последними неторопливо поднялись в воздух Голубые шары — левый, на котором было написано «Добро пожаловать», и правый, на котором было написано «В нашу аптеку».

Все это произошло очень быстро; Портной не успел опомниться, как его мастерская превратилась в аптеку. Порошки, немного перемешавшиеся дорогой, расположились на своих местах, микстуры и настойки выстроились рядами. И хотя в мастерской было тесновато, зато на длинном портняжном столе куда просторнее, чем на вертящихся этажерках. Голубые шары по старой привычке удобно устроились на окнах. Висевший между ними кусок картона тоже перебрался в Мухин, но теперь Петька переделал надпись: «Хотите верьте, хотите нет — аптека открыта».

18. ТАНЯ НАХОДИТ ЛЕКАРЯ-АПТЕКАРЯ И ВМЕСТЕ С НИМ ВТОРОЙ ПУЗЫРЕК, НА КОТОРОМ НАПИСАНО: «ЖИВАЯ ВОДА»

Трудно было представить себе, что худенький старичок, поливавший левкои из старой, заржавленной лейки, и есть Ученый Садовод, о котором писали, что он прекрасно относится к цветам, вообще растениям и некоторым видам полезных насекомых. Но к сорокам он относился, без сомнения, несколько хуже, потому что едва Таня показалась на дороге, как он нахлобучил на себя шляпу, поднял плечи и замер — изобразил пугало, очевидно, совершенно забыв о том, что как раз пугало-то и должно изображать человека.

— Простите,— робко начала Таня.— Я не трону ваши цветы, а червяк мне попался только один, да и то полудохлый. Я ищу Лекаря-Аптекаря. Мне сказали, что он остановился у вас.

— Ах, боже мой! Не напоминайте мне о нем!— сказал Ученый Садовод со вздохом.— Вы знаете это чувство? Человек уезжает, и вдруг оказывается, что жить без него положительно невозможно. Но я-то что! Мои цветы так соскучились по нем, что приходится поливать их по три раза в день. Сохнут!

— Где же он?

— Не знаю. Он очень торопился. Я боюсь за него,— тревожно сказал Ученый Садовод.— Мне кажется, что он просто-напросто удирал от кого-то.

Что могла сказать бедная Таня? Она поблагодарила и улетела.

Так она и не нашла бы Лекаря-Аптекаря, если бы в поле под Мухиным не наткнулась на Солнечных Зайчиков, которых Петька выпустил из бутылки. Они еще прыгали, скользили в траве, прятались друг от друга. Заигрались! Ведь они были зайчики, а не взрослые зайцы.

— Скажите, пожалуйста, не видели ли вы Лошадь в очках? — спросила их Таня.

— Конечно, видели! — ответил самый шустрый Зайчик с самыми длинными разноцветными ушками.— Мы сидели в бутылке, бутылка лежала в сумке, а сумка висела на плече Лекаря-Аптекаря. Лекарь-Аптекарь сидел на передке за водовозной бочкой, а бочку тащила Лошадь в очках. Мы ехали в Мухин. И приехали бы, если бы Петька не выпустил нас из бутылки.

Сороки, как известно, летают медленно и даже вообще больше любят ходить, чем летать. Но Таня

полетела в Мухин, как ласточка, а быстрее ласточек летают только стрижи. Вот и Мухин! Вот и аптека «Голубые шары»! Вот и Лекарь-Аптекарь! Она опустилась на его плечо и сказала:

— Здра...

На «вствуйте» у нее не хватило дыхания.

———

Танин папа не беспокоился о дочке. Он был уверен, что она отправилась с пионерским отрядом в далекий поход, так ему сказала Танина мама. Странно было только, что она не зашла проститься. Но мама сказала, что ей не хотелось будить отца, а это было уже вовсе не странно.

По-видимому, вскоре он должен был умереть — по крайней мере так утверждали врачи, разумеется, когда они думали, что он их не слышит. Но ему все казалось: а вдруг нет?

— В общем, там видно будет,— говорил он себе и работал.

Он писал мамин портрет, и его друзья в один голос утверждали, что этот портрет мог, если бы он заговорил, рассказать всю мамину жизнь. Каждая морщинка говорила свое, и хотя их было уже довольно много, художнику казалось, что двух — трех все-таки еще не хватает.

— Сюда бы еще одну, маленькую,— говорил он, смеясь.— И сюда. А без третьей я, так уж и быть, обойдусь.

И вот однажды, когда мама пришла, чтобы пожелать ему доброго утра, он заметил, что на ее лице появилась как раз та морщинка, которая ему была нужна, чтобы закончить портрет.

— Вот теперь все стало на место,— сказал он и поскорее принялся за работу.

Он не знал, что новая морщинка появилась потому, что мама беспокоилась за Таню, от которой не было ни слуху ни духу.

Чтобы закончить «Портрет жены художника» — так называлась картина,— нужно было только несколько дней. И оказалось, что именно эти несколько дней прожить совсем нелегко. Но он старался, а ведь когда очень стараешься, становится возможным даже и то, что положительно не под силу. Он работал, а ведь когда работаешь, некогда умирать, потому что, чтобы умереть, тоже нужно время.

— Да, эта морщинка чертовски идет тебе,— устало сказал он жене, когда кисть в конце концов все-таки выпала из руки.— Никогда ты еще не была так красива.

Союз художников объявил, что Первого мая откроется его выставка, и до сих пор он все развешивал — разумеется, в воображении — свои картины в Большом Зале Мастеров и в Маленьком — Подмастерьев. А теперь перестал.

— Завещаю вам пореже трогать бородавку на вашем толстом носу,— сказал он доктору Мячикову.— В конце концов это ей надоест, она сбежит от вас; а без бородавки, имейте в виду, ни один пациент вас не узнает.

Он еще шутил.

— Пожалуй, «Портрет жены художника» придется назвать портретом его вдовы,— сказал он друзьям.

Это тоже была еще шутка.

С каждым часом ему становилось все хуже.

— Может быть, мне станет полегче от клюквы? — спрашивал он жену.— Или от ежевики?

— А не попробовать ли нам черничного киселя? — спрашивал он, когда не помогли ежевика и клюква.

У него было так много учеников и друзей, что когда Смерть вошла в комнату, она должна была проталкиваться сквозь толпу, чтобы добраться до его постели.

— Извините,— говорила она вежливо,— я вас не толкнула? Не будете ли вы любезны посторониться? Благодарю вас.

Друзья расступались неохотно, и она опоздала — ненадолго, всего лишь на несколько минут. Но этого было достаточно: черно-белая птица с раздвоенным длинным хвостом мелькнула за окнами, и в открытую форточку влетел пузырек, на котором было написано: «Живая вода».

— А, наконец-то! — сказал доктор Мячиков.— Ну-ка, дайте мне столовую ложку.

Смерть еще проталкивалась, но уже не так решительно, как прежде.

— Виновата,— говорила она слабеющим голосом.— Посторонитесь, господа. Что же это в самом деле такое?

— Боюсь, что вы опоздали, сударыня,— сказал ей доктор Мячиков.— Если не ошибаюсь, вам здесь нечего делать.

Возможно, что это было именно так. Танин папа выпил ложку живой воды, и Смерть остановилась, хотя уже была в двух шагах от постели. Он выпил вторую, и она попятилась назад. Он выпил третью, и Смерть вышла из комнаты. Она спускалась по лестнице с достоинством, как и полагается почтенной особе, привыкшей к тому, что в конце концов она берет свое, хотя подчас и приходится подождать денек или годик.

19. СОРОКИ

Таня вернулась в Лихоборы. Что еще могла она сделать? С каждым днем она все больше привыкала к мысли, что она не девочка, а сорока. В общем, сороки понравились ей.

«Симпатичные, в сущности, люди, то есть птицы,— думала она.— Правда, не очень умны, зато доверчивы, а ведь и это немало».

Плохо было только одно: они воровали все, что попадалось под руку. Но не вообще все, а только то, что блестело. Почти в каждом гнезде лежали золотые и серебряные колечки, цветные стеклышки, которыми девочки играют в классы, брошки, серьги и запонки. Это было неприятно. Даже Белая Ворона, гордившаяся тем, что она была ворона, тоже время от времени возвращалась домой с какой-нибудь хорошенькой блестящей вещичкой. И Таня просто не могла понять, как такая почтенная, всеми уважаемая женщина может спокойно принимать гостей в украденных клипсах.

— Шакликрак,— однажды сказала ей Таня.

Это значило: «Извините, тетя, но я не понимаю: неужели это приятно, воровать?»

Белая Ворона неодобрительно пожала плечами.

— В тебе еще говорит бывшая честная девочка! — проворчала она.— Нет, моя милочка, воровать надо. Понятно? На то ты и Сорока-воровка.

Да, с этим нельзя было не согласиться. И все-таки, пролетая мимо всего, что блестело, Таня крепко зажмуривала глаза. Только на солнце она не боялась смотреть.

«Ведь солнце все равно невозможно украсть,— думала она,— даже если бы очень захотелось».

И она вспомнила историю о том, как одна пылкая молодая сорока решила украсть, конечно, не солнце, а маленькую хорошенькую звездочку, на которую она с детства не могла насмотреться. Родители убеждали ее отказаться от этой неразумной затеи.

— Известно, что черт пытался украсть луну,— поучительно говорили они,— и то у него ничего не вышло. Подумай только! Самый настоящий черт, с хвостом и рогами.

— У меня тоже есть хвост! — беззаботно отвечала сорока.

Но хвост не помог ей, когда она отправилась в путь. Она летела день и ночь, а до звездочки было все так же далеко. По-видимому, она решила вернуться, но по дороге ей встретился кречет, который, по-видимому, съел ее, потому что она не вернулась.

Да, это была грустная история, доказавшая, кстати сказать, что воровать опасно. Но, к сожалению, эта история ничему не научила сорок, хотя о девушке, которая решила похитить звезду, было написано прекрасное стихотворение.

И вдруг распространился слух, что бабаягинские сороки решили вернуть украденные вещи.

— Никогда не поверю,— сказала Белая Ворона.— Скорее пчелы перестанут жалить. Воровство и жеманство у сорок в крови. Другое дело, если бы это были попугаи или райские птицы.

Но слух повторился, и тогда Танина подруга, та самая, которая, высиживая птенцов, чуть не умерла от скуки, а теперь умирала от любопытства, решила слетать в Бабаягинск. Вернувшись, она рассказала... Это было поразительно, то, что она рассказала. Своими глазами она видела сороку, которая своими ушами слышала, как другая сорока рассказывала, что она своими глазами видела серебряное колечко, которое ее дальняя родственница вернула какой-то девочке Маше. Почему? Это был вопрос, перед которым в этот день в глубоком раздумье остановились все лихоборские сороки. Ответ был неожиданный: просто потому, что девочка плакала, и сорока ее пожалела.

Конечно, этот ответ придумала Таня. Более того, именно она шепнула первой попавшейся сплетнице, что бабаягинские сороки решили вернуть украденные вещи.

— Как, вы еще не вернули зубному врачу Кукольного Театра его золотые зубы? — спросила она.— Дорогая, вы отстали от моды.

«Мода» — вот словечко, которое мигом облетело все сорочьи гнезда. А кому же охота отставать от моды?

Сразу же появилось множество сплетен: сороки не могли жить без сплетен.

— Говорят, что сама Черная Лофорина вернула супруге бывшего тайного советника Дубоносова бриллиантовую брошь, которую она стащила в тысяча девятьсот девятом году.

— А вы слышали, что в заброшенном гнезде дикой сороки нашли изумруд из короны японской императрицы Хихадзухима?

Сережки, браслеты, цветные стеклышки, медные пуговицы от старинных солдатских мундиров, копейки, запонки, кукольные глазки вернулись на свои места или иногда на чужие. Это, впрочем, не имеет значения. Если без них столько лет обходились люди, без них могли — не правда ли? — обойтись и сороки.

Вот как произошло событие, о котором заговорил весь город. Вот откуда взялось золотое колечко, которое машинистка Треста Зеленых Насаждений потеряла — или думала, что потеряла,— двадцать лет тому назад, в день своей свадьбы. Вот каким образом Директор Магазина Купальных Халатов нашел на столе золотые очки, которые были украдены у него в те времена, когда он еще не был Директором Магазина Купальных Халатов.

20. ВЕЛИКИЙ ЗАВИСТНИК НАДЕВАЕТ САПОГИ-СКОРОХОДЫ И ВСЕ-ТАКИ СТАНОВИТСЯ ПОХОЖ НА ВОЗДУШНЫЙ ШАР, ИЗ КОТОРОГО ВЫПУСТИЛИ ВОЗДУХ

Итак, все было бы хорошо, если бы о том, что аптека открыта, не сообщили в последних известиях — ведь это была хорошая новость!

— В Мухине,— сказал диктор,— неожиданно открылась аптека.

— Что же здесь плохого,— скажете вы,— и почему, объясните, пожалуйста, так расстроился Лекарь-Аптекарь?

Он расстроился потому, что последние известия слушают решительно все, а диктор сказал, что аптека прекрасная, оборудованная всем необходимым и в том числе Голубыми шарами. А если шарами, стало быть, Великий Завистник догадается — или даже уже догадался,— где искать Лекаря-Аптекаря, Петьку и Старую Лошадь. А если он догадается...

Самолеты в Мухин не ходят, а нужно было спешить, и Великий Завистник вытащил из чулана сапоги-скороходы. Они валялись среди старого хлама много лет, но механизм еще действовал, если его основательно смазать. Хуже, что за ним увязалась Лора.

— Я знаю, я все знаю! — кричала она.— Ты думаешь, я не слышала, что тебе сказал Гусь?

— Он сказал: «Га-га»! — кричал в ответ Великий Завистник.— Клянусь тебе, больше ни слова!

— Нет, не «га-га»! Он сказал, что видел на Пете твой ремешок.

— Ну и что же? Подумаешь! Ну и видел!

— Нет, не подумаешь! А-а-а! Теперь ты съешь его. Я знаю, превратишь в какую-нибудь гадость и съешь!

— Ничего подобного, и не подумаю! Действительно, охота была! Успокойся, я тебя умоляю!

— Не успокоюсь!

И она действительно не успокаивалась, так что пришлось, к сожалению, взять ее с собой. Это было неразумно во всех отношениях, и прежде всего просто потому, что для Лоры нашлись только тапочки-скороходы, которые все время сваливались с ее косолапеньких ножек.

В первый раз они свалились на лестнице: левая — на седьмом этаже, правая — на третьем, так что Великому Завистнику пришлось дать своим сапогам задний ход — они-то как раз работали безотказно и успели уже донести его до Замоскворечья.

Потом слетела только правая тапочка. Это случилось, когда Лора шагала через Москву-реку, и левая нога была уже на том берегу, а правая еще на этом.

— Мы опоздаем, они опять убегут! — кричал в отчаянии Великий Завистник.— Я не съем его, даю честное благородное слово! Останься, я тебя умоляю!

— Ни за что!

— Хочешь, условимся? Я вежливо попрошу у него ремешок, и только, если он не отдаст...

— А-а-а!

Лора заплакала так горько, что пришлось вернуться за тапочкой и уже заодно подвязать ее старым шнурком от ботинок.

Между тем они могли не торопиться, потому что ни Лекарь-Аптекарь, ни Петька, ни тем более Старая Лошадь не собирались бежать. Правда, когда диктор сказал «оборудованная Голубыми шарами», Лекарь-Аптекарь, схватившись за голову, крикнул Петьке: «Запрягай!» — и принялся, не теряя времени, укла-

дывать банки и склянки. Но, выйдя во двор в своем длинном зеленом пальто, с сумкой на боку, в шляпе, из-под которой озабоченно торчал его длинный озабоченный нос, он увидел, что Петька, сняв с себя ремешок, подвязывает его к упряжи вместо лопнувшей уздечки.

— Откуда у тебя этот ремешок? — визгливо закричал Лекарь-Аптекарь.

— Тпру-у-у!.. А что?

— Я тебя спрашиваю, откуда...

— Видите ли, в чем дело, дядя Аптекарь,— смущенно начал Петька.— Я его взял... Ну там, знаете... на Козихинской, три.

Дрожащей рукой Лекарь-Аптекарь взял ремешок, надел очки и засмеялся.

— И ты молчал, глупый мальчишка? Ты носил этот ремешок и молчал?

— Видите ли, дяденька, он валялся... то есть он висел на спинке кровати. Ну, я и подумал...

— Молчи! Разве ты не знаешь, что если бы не этот ремешок, Великий Завистник давным-давно лопнул бы от зависти?

— Я немного поношу и отдам.

— Молчи! Теперь он в наших руках!

«Теперь они в моих руках!» — думал, вытягивая губы в страшную длинную трубочку, Великий Завистник.

До Мухина осталось всего полкилометра, и он снял сапоги, чтобы не перешагнуть маленький город.

Мрачный, втянув маленькую черную голову в плечи, он появился перед аптекой «Голубые шары» и, хотя был немного смешон — босой, с сапогами-скороходами, связанными за ушки и висящими за спиной,— но и страшен. Так что все одновременно и улыбнулись и задрожали.

Он появился неожиданно. Но Лекарь-Аптекарь все-таки успел придумать интересный план: закрыть все окна и молчать, а когда он подойдет поближе, выставить плакат «У нас все прекрасно». Когда подойдет еще поближе — второй плакат: «Мы превосходно спим»; еще поближе — третий: «У Заботкина — успех»; еще поближе — кричать по очереди, что у всех хорошо, а у него плохо.

В общем, план удался, но не сразу, потому что Великий Завистник сперва притворился добреньким, как всегда, когда ему угрожала опасность.

— Мало ли у меня аптекарей,— сказал он как будто самому себе, но достаточно громко, чтобы его услышали в доме.— Один убежал — и бог с ним! Пускай отдохнет, тем более, он прекрасно знает, что до первого июля чудеса в моем распоряжении.

Петька выставил в окно первый плакат.

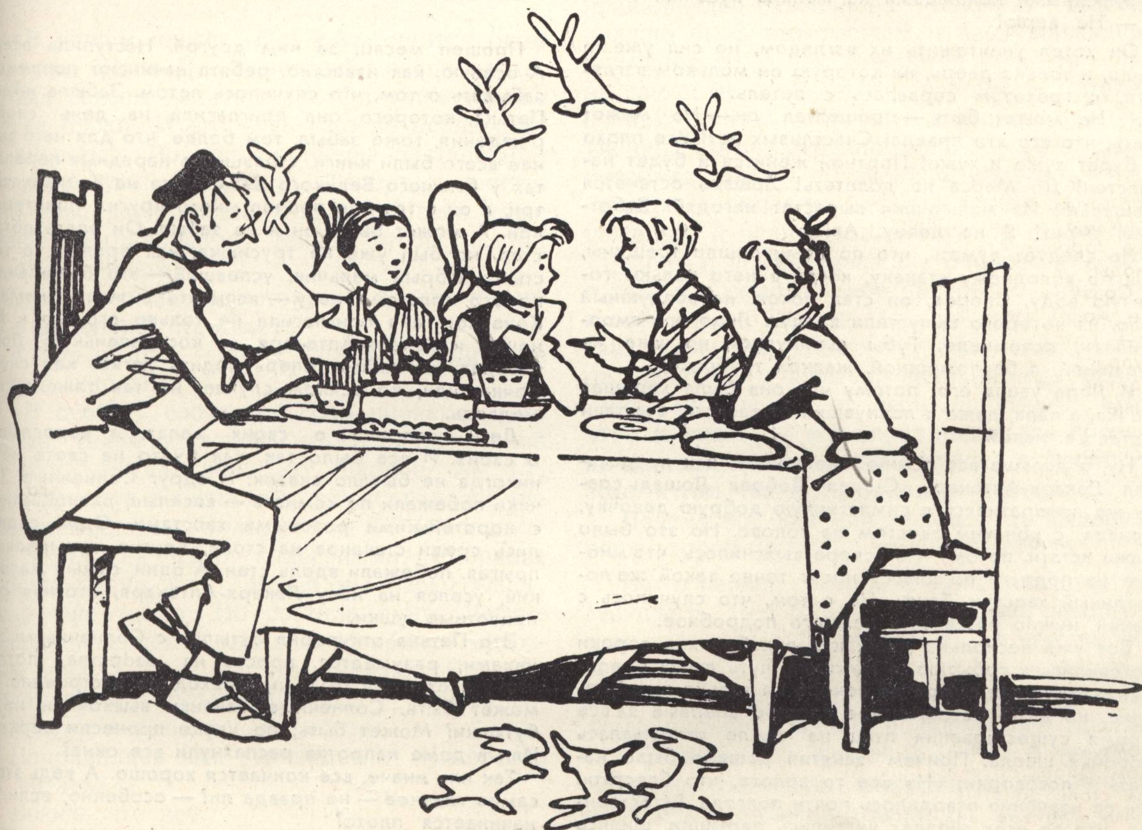
— Ну и что же? Очень рад,— сказал Великий Завистник.— И у меня все прекрасно.

Петька выставил второй плакат, и Великий Завистник слегка побледнел. Как известно, превосходно спят те, у кого чистая совесть, а уж чистой-то совести, во всяком случае, позавидовать стоит.

Он закрыл глаза, чтобы не прочитать третий плакат, но из любопытства все-таки приоткрыл их — и схватился за сердце.

— Ах, вот как? У Заботкина успех? — спросил он, весело улыбаясь.— А мне что за дело? Кстати, хотелось бы поговорить с тобой, Лекарь-Аптекарь. Как ты вообще? Как делишки?

— Да-с, успех! — собравшись с духом, закричал Лекарь-Аптекарь.— Надо читать газеты! За «Портрет жены» он получил Большую Золотую Медаль. Прой-

дет тысяча лет, а люди все еще будут смотреть на его картины... Кстати, он совсем и не думал умирать.

— Вот как?

— Да-с. Вчера купался. Ныряет, как рыба! Что, завидно?

Великий Завистник неловко усмехнулся.

— Ничуть.

— Счастливых много! — крикнул Портной.— Я, например, влюблен и на днях собираюсь жениться! Что, завидно?

И они наперебой стали кричать ему о том, что все хорошо и будет, без сомнения, лучше и лучше. А так как он был Великий Нежелатель Добра Никому и завидовал всем, кто был доволен своей судьбой, зависть, которой было полно его сердце, выплеснулась с такой силой, что он даже почувствовал ее горечь во рту.

— Папочка, пойдем домой! — испуганно взглянув на него, прошептала Лора.

Теперь кричали все, даже Гусь, который перекинулся к Лекарю-Аптекарю — просто на всякий случай.

— Твои чудеса не нужны! У нас есть почище!

— Все к лучшему!

— О спутниках слышал? На днях запускаем четвертый, на Марс! Что, завидно? Потолстел, негодяй!

— Подожди, еще не такое услышишь!

И он действительно потолстел. Пиджак уже трещал по всем швам, от жилета отлетели пуговицы. Посреди двора стоял толстяк на тонких ногах, с маленькой, втянутой в плечи головкой.

— Ох! — простонал он.— Пояс! Верните мне пояс!

— Обойдешься подтяжками! — крикнул Гусь.— Странно, дался ему этот пояс!

Лекарь-Аптекарь засмеялся.

— Я разрезал твой пояс,— сказал он,— большими портняжными ножницами на мелкие кусочки.

— Не верю!

Он хотел уничтожить их взглядом, но сил уже не было, и только дверь, на которую он мельком взглянул, с грохотом сорвалась с петель.

— Не может быть,— прошептал он.— Не может быть, что все это правда! Счастливых нет! Все плохо и будет хуже и хуже! Портной женится и будет несчастен! До Марса не долететь! Лошадь останется Лошадью! Из мальчишки вырастет негодяй! Заботкин умрет! Я не лопну. Ах!

Не следует думать, что по нему пошли трещины, как по холодному стакану, когда в него нальют горячую воду. Скорее, он стал похож на воздушный шар, из которого выпустили воздух. Лицо его сморщилось, потемнело. Губы вытянулись, но уже не страшной, а беспомощной, жалкой трубочкой.

И Лора увела его, потому что она была хорошая дочка, а папа, даже и лопнувший от зависти, все-таки остается папой.

Ну, а дальше все пошло именно так, как предсказал Лекарь-Аптекарь. Старая Добрая Лошадь сразу же превратилась в симпатичную добрую девочку, правда, с конским хвостом на голове. Но это было даже кстати, потому что вскоре выяснилось, что многие ее подруги по классу носят точно такой же лошадиный хвостик. Таня... Но о том, что случилось с Таней, нужно рассказать немного подробнее.

Вот уже несколько дней, как лихоборские сороки готовились к событию, о котором, чуть дыша от волнения, трещали с утра до вечера не только лихоборские, но даже бабаягинские сороки: впервые за все время существования птиц на земле открывалась сорочья школа. Причем занятия решено было начать с поговорки: «Не все то золото, что блестит». На ее изучение отводилось почти полгода. Естественно, что во всех гнездах чистились перышки, шились наряды. А ведь теперь, когда сороки перестали воровать, украсить себя было довольно трудно.

— Нет, нет, вы ошибаетесь. Спину и плечи теперь носят бледно-голубые, а головку — золотисто-черную.

— Милая моя, это вы ошибаетесь. Спинку — розовую, плечи — белые с голубыми чешуйками, а ножки — красненькие.

— Ну уж только не красненькие! На открытие школы нужно прийти в чем-нибудь строгом.

Да, это был большой день для всех лихоборских сорок. Но в особенности для Тани, потому что не кто иной, как именно она была назначена директором школы.

Серьезная, застенчивая, держась скромно, но с достоинством, она прилетела на поляну, и ребята, трещавшие наперебой, почтительно замолчали.

— Итак, дети...— начала Таня.

Но больше она ничего не успела сказать, потому что в эту минуту в далеком Мухине Великий Завистник лопнул от зависти, и все его чудеса потеряли силу. Перед детьми (и родителями, облепившими вокруг все кусты) появилась девочка Таня Заботкина, одетая и причесанная точно так же, как в ту ночь, когда отправилась в аптеку «Голубые шары».

Через час она уже садилась в поезд, а сороки провожали ее. Причем их было так много, что один местный Любитель Природы даже написал об этом в газету. Его особенно поразило, что, улетая, они покачивали крыльями, как самолеты,— он не знал, что они прощались с Таней.

— Шакерак! — высунувшись в окно, крикнула им Таня.

Это значило: «Будьте счастливы!»

— Шакерак маргольф! — отвечали сороки.

Это значило: «До свидания, мы тебя не забудем!»

Прошел месяц, за ним другой. Наступила осень. А осенью, как известно, ребята начинают понемногу забывать о том, что случилось летом. Забыла и Таня. Петька, которого она пригласила на день своего рождения, тоже забыл, тем более что для него важнее всего были книги, стоявшие в нарядных переплетах у бывшего Великого Завистника на Козихинской, три, а он с тех пор прочел много других, поинтересней. А может быть, он и не забыл. Он опять потолстел, но был уже не трусишка, как прежде, а толстый храбрый мальчик, успевший — это было видно по его толстому носу — испытать в жизни немало. Конечно, Таня пригласила не только его, но и Ниночку, и Лекаря-Аптекаря, и косолапенькую Лору, которая научилась теперь ходить легко, как снегурочка, или, во всяком случае, не так тяжело, как медведь.

Дети говорили о своих делах, а взрослые — о своих. И все было так, как будто на свете нет и никогда не бывало сказок. И вдруг Солнечные Зайчики побежали по комнате — веселые, разноцветные, с коротенькими розовыми хвостами. Одни спрятались среди стаканов на столе, другие, кувыркаясь и прыгая, побежали вдоль стен. А один, самый маленький, уселся на носу Лекаря-Аптекаря, отогнув разноцветные ушки.

Это Петька откупорил бутылку с Солнечными Зайчиками, разумеется, просто из озорства, потому что у всех и так было превосходное настроение. Но, может быть, Солнечные Зайчики выскочили не из бутылки? Может быть, по улице пронесли зеркало? Или в доме напротив распахнули все окна?

Так или иначе, все кончается хорошо. А ведь это — самое главное — не правда ли? — особенно, если все начинается плохо?

Занятие первое

ПРО ЧТО И КАК?

Ведет писатель Лев Кассиль

«В нашем классе, 5-м «А», учится один мальчик, Женя Д. Он вел себя очень плохо. И был совсем неактивным. Он учился тоже всегда плохо. И его чуть уже не исключили из пионеров. Но наши пионеры постановили его подтянуть и исправить. Теперь он учится уже довольно хорошо. Ведет он себя тоже лучше. Мы добиваемся теперь, чтобы он стал более активным».

Это одна заметка, которую я прочел недавно в школьной стенгазете.

А вот вторая — ее я нашел в стенгазете другой школы:

«В субботу состоялся сбор пионеров 6-го класса. Были подведены итоги соревнования по сбору металлолома со школой № 17. В результате выяснилось, что наш класс набрал металлолома больше, чем 6-й класс школы № 17, на 12,5 килограмма. Собрание прошло очень живо. Когда мы расходились, было уже темно. Но светила луна. Легкие облачка неслись в вышине. Искрился морозный воздух. Шел легкий снежок. Впереди была ночь для отдыха, а утром — снова учебный день и пионерская работа».

Понравились вам эти заметки? Интересно их читать?

Боюсь, что нет.

А почему? Ведь в обеих заметках говорится об очень важных делах, которые касаются каждого школьника-пионера. Вот помогли ребята выправиться отстающему товарищу. А другие пионеры вышли победителями в таком важном и полезном для страны деле, как сбор металлического лома. Почему же без особого интереса читают обычно ребята такие заметки в своих стенных газетах?

И вообще, почему не часто видишь, чтобы стенная школьная газета по-настоящему, широко и ярко отражала интересную жизнь класса, пионерского отряда, дружины, школы? Почему иной раз с таким холодком делается газета и, конечно, при этом с еще большим холодком читается школьниками?

Наш журнал «Пионер» решил вести на своих страницах курсы школьных журналистов — редакторов и корреспондентов стенных школьных газет.

Ну вот, давайте проведем первое занятие.

Попробуем разобраться, чем неудачны приведенные выше заметки. Мы уже установили с вами, что в обеих заметках говорится о делах интересных. Значит, заметка отвечает первому из двух обязательных условий, без выполнения которых ни одна строка в газете не может быть интересной. Каковы эти два правила, два важнейших условия? **Первое:** должно быть интересным и заслуживающим внимания то, о чем говорится в газете. Ну, на самом деле, будет ли, например, интересно кому-нибудь прочесть в стенгазете, что ученица Соня Петрушкина по дороге в школу потеряла галошу с левой ноги? А вот если бы кто-то принес эту галошу, можно было бы, пожалуй, и написать заметку под названием: «Разиня и внимательный». **Второе** условие: о том, что само по себе интересно или таит в себе что-то важное, должно быть написано так, чтобы при чтении все было ясно, чтобы не возникало у читателя никаких недоумений, чтобы мнение автора было понятным. **«Про что» и «как» — вот через какие две проверки должна пройти каждая строка в любой газете, в том числе и в школьной стенной.**

Почему же, как мне кажется, не выдерживают второй проверки те две заметки?

Вот в первой говорится об исправлении отстающего. Все в классе, конечно, знают, о ком идет речь. Должно быть, о нем не раз говорили на сборах. Почему же корреспонденты и редакция решили зашифровать имя этого пионера? Зачем понадобилось прятать его фамилию за буквой «Д»? А о ребятах, которые, выполняя благородное пионерское поручение, помогли товарищу, вообще ниче-

го не сказано. Было бы, вероятно, полезно всем узнать, как действовали эти школьники, оказавшиеся верными товарищами и хорошими пионерами. Сколько времени потребовалось для того, чтобы выправить, подтянуть отстававшего? Какие перемены к лучшему произошли в этом самом таинственном Жене Д.? Чего ему еще не хватает, чтобы окончательно чувствовать себя полноправным и полноценным членом ученического пионерского коллектива?

Ни на один из этих законных вопросов, интересующих каждого внимательного школьника-читателя, ответов в заметке нет. А было бы хорошо, если бы сами помогавшие Жене Д. пионеры поделились своим опытом. Ведь отстающие, нерадивые или равнодушно-вялые пионеры, к сожалению, встречаются иногда не только в 5-м «А» классе, о котором написана заметка в школьной стенгазете.

Конечно, иной раз и стоит не называть сразу имя школьника или школьницы. Ну, допустим, помещаются какие-то сатирические стихи, веселая басня, высмеивающая, скажем, ребят, которые считают, что лучше, веселее танцульки нет занятия на земле и что зеркало на туалетном столике служит единственной верной отметкой, по которой можно судить о совершенстве человека...

Тут на первых порах, чтобы заставить ребят одуматься, посерьезнее взглянуть на себя (не только в зеркало), можно обойтись шутливым намеком. Тем более, что те, о ком говорится в меткой басне, сами узнают себя. Да и товарищи их поймут, в чей огород брошен камешек.

Что касается второй заметки из тех двух, о которых я говорил выше, то, во-первых, она страдает тем же недостатком, что и предыдущая: в ней слишком бегло, вскользь, без тени внутренней заинтересованности сообщается о немаловажной победе школьников... И даже строки нет о том, как происходило собрание, хотя сказано, что оно прошло «очень живо».

А во-вторых, видимо, чувствуя, что заметка получилась скучной, серой, автор ее поспешил, как в таких случаях говорил Маяковский, присобачить бегемоту райский хвостик... После сухого, канцелярского сообщения корреспондент внезапно перешел на тон лирический и кинулся во всякие описания. Тут и луна, и морозный воздух, и снежок...

Что говорить, здесь все выглядит очень

Наверно, этот номер «Семиклассника» тоже выйдет хорошим. Толя Ищенко и Таня Коробейникова, пионеры пятой школы г. Славянска, любят делать газету.

Фото В. Липницкого.

живописно! Появилось будто бы даже запоздалое настроение — именно то, которого так недоставало при описании собрания пионеров, подводивших итог отличному делу — сбору металлического лома. Но заметка развалилась: в ее основной, главной части звучат только цифры да краткий, сухой рапорт. А воображение корреспондента разыгралось только после того, как он вышел на улицу. И кажется, будто конец заметки написан совсем другим человеком.

Заметка эта представляется мне неверно написанной и вот еще почему. Она как-то отделяет настроения и живые радости, испытываемые ребятами вне школы, дома, во время прогулки, от тех больших, завладевающих всем сердцем чувств, без которых не может идти ладно пионерская работа, без которых и учиться скучно. А вот стенгазета может как раз помочь ребятам ощутить хорошие, серьезные радости, получать искреннее удовольствие от удачи в школьных делах. Они же не оторваны от жизни, эти дела! Они большая и наиболее существенная область ребячьей жизни. Но в школьных стенных газетах говорится об этом порой скучно, наспех, языком казенного отчета. И даже бухгалтерские книги позеленели бы со скуки от такого языка!

Про **что** же писать?

Да про все, что вас самих интересует! Про все, о чем вы говорите, когда сходитесь не только на собраниях, не только на пионерских сборах, но и встречаясь в гостях друг у друга. Или возвращаясь домой после посещения спектакля. Или после просмотра кинофильма, заслуживающего разговора. Или желая поделиться своими мыслями с друзьями после важного сообщения по радио. Или прочтя интересную книгу, о которой хочется поспорить. Или вызывая своих сверстников на мечтательный разговор о будущем. Или обсуждая, как надо оценить взволновавший вас случай в классе...

Всего тут не перечислишь. Но важно, чтобы ребята писали в стенную газету о делах, явлениях, людях, фактах, книгах, встречах, затеях, соображениях, мечтах, которыми им самим хочется поделиться с окружающими.

Ну, а **как** писать?

Писать надо прежде всего искренне. Писать так, чтобы самому было интересно. И писать коротко. Газета не роман, ее читают всю сразу. Не надо щеголять чересчур красивыми фразами, где, по поговорке, из-за пышных слов, как из-за деревьев, леса не видно. Следует прежде всего заботиться о том, чтобы тебя поняли. Чтобы ты мог договориться с читателем, сделать его своим единомышленником, убедить в твоей правоте. Надо писать так, будто пишешь письмо своему другу, сообщая ему что-то интересное, нужное, что понять важно и ему и тебе самому.

Вот и это первое занятие «курсов школьных журналистов» я постарался написать так, будто писал письмо своим давним, хотя и очень еще юным друзьям. И если вам интересно то, про **что** тут сказано, и не показалось скучным, **как** это написано, значит, я не потратил времени даром.

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

ВСЕМ, КТО ХОЧЕТ ЗАНИМАТЬСЯ НА КУРСАХ ШКОЛЬНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

Напишите заметку о самом интересном событии в вашем отряде за последнее время, поместите ее в классной или дружинной стенгазете, потом перепишите заметку и пришлите ее в «Пионер».

Пришлите короткую информацию для «Пионерских известий».

Не забудьте сообщить свою фамилию, имя, школу и класс, где вы учитесь.

Первое задание принимается до 10 апреля.

ТОТ, КТО ХОРОШО ВЫПОЛНИТ ЗАДАНИЯ КУРСОВ, ПОЛУЧИТ УДОСТОВЕРЕНИЕ ПИОНЕРА—ИНСТРУКТОРА-ЮНКОРА

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 3 МАРТ 1960 г.

Украина 90 трудовых пионерских салютов Ильичу

90 пятикорпусных плугов и 90 сеялок сделают из лома, собранного киевскими и винницкими ребятами.

90 мощных тепловозов — подарок ко дню рождения Ленина от юных луганцев.

90 вагонов, 90 платформ, 90 автомобилей-микролитражек сделают из лома, собранного пионерами Днепропетровска и Запорожья.

90 садов дружбы посадят весной школьники Бахчисарая и Севастополя.

А КАК ТЫ ВСТРЕЧАЕШЬ ЛЕНИНСКИЕ ДНИ?

Коля Стрельцов, ученик восьмого класса 20-й школы г. Энгельса, собрал за неделю семь тонн лома черного и цветного металла.

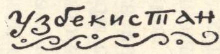
Из этого металла можно изготовить трактор «С-80» и автомашину «ГАЗ-51».

На снимке: Николай Стрельцов.

СЛОВО ТВЕРДОЕ

Наш отряд носит имя Вали Котика, и мы всегда стараемся быть достойными имени славного пионера. К 90-летию со дня рождения Ильича пионеры четвертого «В» обещают: учиться без троек, перейти на полное самообслуживание, собрать еще по две тонны металлолома и макулатуры.

Совет отряда имени Вали Котика, г. Егорьевск, школа № 13

ОТРЯДЫ равняются на ломоносовцев

В этой дружине собран металл, которого хватит для километра труб газопровода Самарканд — Ташкент, создается большая кролиководческая ферма, посажено две тысячи деревьев, будет выращено весной в своих парниках 100 тысяч корней рассады томатов и капусты для колхозов. Пионеры третьей ступени к 22 апреля построят спортзал.

А лучшим подарком школы имени Ломоносова будут новые отряды — спутники семилетки. Отряд 5-го класса «А» уже завоевал это звание. Вместе с ним на орбиту вышла подшефная октябрятская звездочка.

г. Денау, Сурхан-Дарьинская область.

Ученикам будапештской средней школы на улице Семере пришло письмо из Москвы.

«Дорогие мои дети, — говорилось в нем. — Мой сын погиб в вашей столице... Я обращаюсь к вам с просьбой, так как знаю,

В ПОДОЛЬСК НА СЛЕТ

Тридцать пять отрядов из городов и районов Подмосковья собрались на областной слет лыжников в честь девяностолетия со дня рождения В. И. Ленина. Пионеры Косинской школы Люберецкого района составили свой маршрут так: совхоз Лесные Поляны (созданный по предложению Владимира Ильича) — костинский музей Ленина — Кузьминки (здесь Ленин бывал).

З. Гольдин

БЕЗ ТРОЕК

Еще с прошлого года у нас действуют группы взаимопомощи, хорошие ученики подтягивают отстающих. А если кто-нибудь заленится и станет получать тройки, то пионерская почта извещает об этом родителей. Мы решили: а что, если в ленинский год попробовать совсем избавиться от троек?

В. Добромыслов

г. Севастополь, школа № 2, 7-й «Б» класс.

ЮнТАСС СООБЩАЕТ

ЛЕНИНГРАД. В музей-квартиры Владимира Ильича Ленина доставлены комнатные цветы. Их вырастил седьмой отряд школы № 7.

НОВО-БУРЯТСК. Пионеры школы № 1 сделали географическую площадку.

СТАЛИНГРАД. Пионер Нижне-чирской средней школы Коля Савин обещает вырастить к 22 апреля 200 кроликов.

что мой сын погиб за вас, детей. Помогите мне найти его могилу. Если найдете, положите на могилу красную розу, его любимый цветок. Моего сына звали Константин Николаевич Василиади...»

Пионеры горячо принялись за дело. Составили карту города, разбили на участки и распределили их между отрядами.

Целую неделю продолжались поиски и наконец увенчались успехом. Пионеры послали письмо матери советского воина. Они приглашают Екатерину Александровну посетить Будапешт. Дорожные расходы они берут на себя. Необходимые средства будут получены от сбора макулатуры.

Пионеры верны своему слову. На могиле советского солдата никогда не увядает красная роза.

А. Гордеева

НЕОБЫЧНЫЙ МАТЧ

Все члены семьи рабочего В. П. Кислова — страстные шахматисты. Недавно был проведен турнир между Кисловыми и сборной города.

Общий итог соревнования — 5:4 в пользу семьи шахматистов. Из пяти очков два завоевала двенадцатилетняя пионерка Шура Кислова. Она уже имеет второй разряд.

Спорт

КЛУБ «ОЛИМПИЯ»

«Олимпия» — это пионерский клуб. Членом его может быть не каждый. Первое требование — занимайся зарядкой. Обязательно сдай нормы БГТО. Как следует потрудись, сделай что-нибудь сам. По десяти видам спорта будут происходить соревнования в клубе: по настольному теннису, плаванию, хоккею, слалому... В клубе есть спортивная комната с фотографиями и коллекциями спортивных марок и значков. Тут находится клюшка, на которой расписались хоккеисты армейской команды Москвы.

Школа № 2, г. Пермь.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ

Это было просто болото. А недавно здесь вырос самый большой стадион в области. Его построили ученики десятой школы города Великие Луки. Школьники получили ценные подарки и премию 3 тысячи рублей.

ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ

Любознательный народ в пятом «Б»!

Сколько лет существует Земля, какая планета самая большая, кто изобрел ракету — все их интересует.

Поэтому пионеры решили проводить сборы «Спрашивай — отвечаем». На вопросы отвечают сами ребята и старшеклассники.

Школа № 9, г. Ишимбай.

Юные Техники - Родине

КУЗБАССКИЕ СТРОИТЕЛИ

Началось это несколько лет назад. Приближался учебный год, а ремонт школы задерживался. Тогда ребята вызвались помочь строителям и создали свою бригаду. Сейчас такие бригады появились по всему Кузбассу.

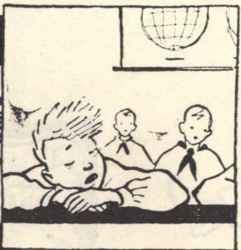
Школа № 18, г. Прокопьевск.

РАДИОТЕЛЕФОН

Ребята довольны: новый радиотелефон работает на славу. А сколько уже сделали до этого радиоприемников, громкоговорителей, сложных приборов для школы и своего родного села пионеры Essential Мончаловской школы-семилетки Ржевского района, Калининской области!

Смешинка

Днем он заигрался, ночью зачитался...

Первый Значок

Красивый значок, правда? Редакция журнала «Уральский следопыт» вручает его своим активистам. Первые значки получили следопыты 77-й школы «Уралмаша» Инна Мельникова, Дима Булатов и другие. Они разыскали новые документы о жизни Я. М. Свердлова на Урале, создали школьный музей.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Алеша Шестопал (редактор), Женя Берлянд, Валерий Иванов, Таня Копылова.

Секретно и несекретно

ПОЧТА ВОЖАТОГО СИМЫ СОЛОВЬЕВА

Мы его боимся

Сима!

Пишу вам мое письмо о поступках Зиновьева. В нашем классе есть Зиновьев, он у нас самый большой. Он бьет девочек и мальчиков, обижает малышей. Мы его очень боимся. Иногда заставит катать его на спине, а мы катаем его, потому что боимся. Наш класс соревнуется, а он тянет класс назад. Один раз идет маленький мальчик, а он на него напал и говорит: «Выгребай свои карманы, а то убью». Мальчик забоялся Зиновьева и вытащил деньги, которые мать дала на хлеб.

Дайте хороший совет, как проучить Зиновьева.

Сергей Журавихин,
ст. Возжаевка, Амурская область.

Видишь, Сергей, значит, вы не очень-то боитесь этого Зиновьева, раз ты так смело написал свое письмо. И правильно! Чего его бояться? Он один-одинешенек, его никто не любит, а вас много. У вас дружный отряд, раз вы соревнуетесь с другими. Соберитесь как-нибудь вместе и скажите: «Смотри, Зиновьев. Если ты еще хоть раз кого-нибудь тронешь, мы тебе так зададим, что не обрадуешься! У нас,— скажите ему,— не капиталистическая страна, чтобы сильный мог измываться над слабым».

Можно ли продолжать дружить?

Совершенно секретно.

Здравствуй, Сима!

Я прочла в журнале «Пионер» о заседании клуба «Если встать рядом с мальчиком», и вот о чем я хочу рассказать. Мне 14 лет, я тоже дружила с мальчиком. Мы ходили в походы, в кино, в театр, в парк. Я дружила с ним два месяца. И вот однажды вечером — это было в восемь часов — он провожал меня домой из кинотеатра. Мы зашли в подъезд, и он наклонился ко мне; я думала, что он что-то скажет, и вдруг он поцеловал меня. Я растерялась и на секунду закрыла глаза, а когда я посмотрела, его уже не было. После этого случая я стала избегать его.

Скажите, пожалуйста, нужно ли мне считать его поступок за позор и можно ли продолжать с ним дружбу?

Люда М.,
г. Красноярск.

Ты уже взрослая девочка, Люда, и я думаю, ты поймешь меня правильно. Да, Люда, ты права, что обиделась на своего друга: видно, он не уважает тебя. Иначе он не поступил бы так. Поцеловать можно человека, которого крепко любишь. А по-настоящему это чувство придет, когда ты будешь много старше, чем сейчас. Но и тогда надо очень серьезно проверять себя, прежде чем сказать: «Да, я люблю». А просто так целоваться — это унизительно и для тебя и для твоего друга. Ты ему скажи об этом прямо. Может, он поступил так по глупости? Тогда, если ты можешь простить его, ссориться не надо. Только, конечно, при одном условии: это больше не повторится.

Помощь из-под палки

Я учусь в 7-м классе «Б». Учусь я неплохо, на «четыре» и «пять», правда, есть и одна тройка — по французскому языку. У нас очень недружный класс. Хорошие ученики не хотят заниматься с отстающими. А если заставят помочь неуспевающим, то они говорят: «Ладно, поможем». А когда пройдет день, они забывают о своей должности помогать товарищам.

Зина Носик,
Карагандинская область, ст. Нельды, школа № 812.

Интересно, Зина, а ты сама помогаешь ребятам? Думаю, что помогаешь, раз тебя так возмущает поведение товарищей. А вообще-то, будь я на месте ребят, которым трудно учиться, я бы не стал выпрашивать помощь. Помощь хорошо принимать, когда ее оказывают охотно, от души, а если человека приходится заставлять помогать, так кому нужна такая помощь? Я бы отказался от нее и, как бы ни было трудно, подтянулся сам.

Что ж они думают, эти отличники, без них не обойдутся? Обойдутся, еще как!

Мама не велит

Сбор у нас был один, и тот прошел очень плохо. Председателем мы выбрали Прохорова Гену. Ему сказали: «Сдай рапорт». Он отвечает: «Я не буду». «Почему ты не будешь?» «Не буду, и все». Мальчишки все закричали, что другого надо.

Наконец выбрали Левашову Веру. Вера дала команду, чтобы звеньевые сдали рапорты. Я в первом звене. Звеньевой отвечает: «Не буду». «Почему?» «Мама не велит». Ладно. За него сдала рапорт я. Сдает рапорт звеньевая второго звена. А мальчики в ее звене дерутся, дергают всех девочек за косы. Долго она мучилась с ними. И они ее довели до слез. Разве можно удержаться и не ссориться с ними?

Нина Корсакова,
с. Вазьянка, Горьковской обл.

Конечно, Нина, трудно удержаться, я тебя понимаю. Одно неясно: почему совет дружины до сих пор «удерживается» и не помогает вам? Почему старшие ребята из совета не собрали перед линейкой звеньевых, не рассказали им, что надо делать, как сдавать рапорт? Или совету дружины тоже «мама не велит» работать?

Кто из нас прав?

Здравствуй, Сима!

Я и моя подруга Лора поспорили о том, как лучше выработать силу воли. Лора рассказала мне, что она однажды готовила уроки и ей захотелось съесть конфету. Тогда она развернула ее и положила на стол около книги. И пока не сделала уроки, не съела ее. Я сказала ей, что так силу воли нельзя выработать. И рассказала ей, как я однажды читала книгу и вдруг вспомнила, что надо сделать поля в тетрадках. Их было шесть штук. Мне очень хотелось дочитать хотя бы главу, но я взяла тетради и начала делать поля. Несколько раз в голову приходила мысль: «Лучше я завтра сделаю поля, а сегодня почитаю». Но я боролась с этим. Делала поля я долго, с шести часов до восьми. Даже не посмотрела детскую передачу (это со мной бывает редко). Поля я сделала, а потом пошла гулять. Лора засмеялась и сказала, что это чепуха.

Сима! Ответь мне, как лучше выработать силу воли.

Таня Чичина,
с. В. Бурлук.

Когда начинаешь вырабатывать волю, то «пустяков» и «мелочей» не бывает. Каждая победа над собой — будь то случай с конфетой или случай с тетрадями — имеет значение. Только не надо, Таня, думать, что если ты один раз отказалась от телевизора, значит, у тебя уже есть воля. Воля появится тогда, когда ты каждый день будешь тренировать ее, когда приучишь себя постоянно делать то, что нужно, а не то, что хочется.

С пионерским приветом
Сима Соловьев.

Сердце-донор

При каждом ударе сердца, при каждом сокращении мышц, желудка, при возбуждении нервов и даже отдельных клеток в них вырабатывается электричество, возникают биотоки.

Теперь биотоки несут службу разведки: они помогают врачам следить за работой сердца, желудка и мозга больных.

Советский ученый-физиолог Николай Саркисович Джавадян решил от разведки перейти в наступление: заставить биотоки не только сигнализировать о заболевании, но и лечить людей. Вместе с инженерами Б. Н. Ростовцевым и Л. И. Ковалевой он работает над созданием нового замечательного прибора — биостимулятора.

Чтобы увидеть этот прибор в действии, мы и отправились в Институт экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов, в лабораторию профессора Джавадяна.

Надев белые халаты, мы вошли в операционную. У стен этой комнаты, сверкающей белым кафелем, стояло множество электронных приборов. На операционном столе лежала подготовленная к операции собака.

Профессор Джавадян склонился над животным, а Б. Н. Ростовцев занялся биостиму-

лятором — белым пластмассовым ящиком с круглым экраном электронно-лучевой трубки и множеством рукояток управления. Возле прибора сидела девушка, на запястьях у нее были металлические браслеты.

— Вы, наверное, знаете, что биотоки — очень слабые токи, они в две тысячи раз слабее тока батарейки карманного фонарика,— сказал Б. Н. Ростовцев.— Их надо усилить, и, усиленные, они смогут «командовать» соответствующими органами другого организма. Видите эти браслеты? В них есть небольшие пластинки — электроды,— улавливающие биотоки. Отсюда биотоки по проводам идут в биостимулятор, усиливаются там, а потом по другой паре проводов передаются больному.

...Операция началась. Она была сложной и длилась долго. На экране биостимулятора были видны две ломаные линии: кривая биотоков сердца девушки и кривая биотоков сердца собаки. Сердце собаки билось все слабее и слабее. Вот оно совсем остановилось— на экране вторая линия стала ровной, прямой. В этот момент Б. Н. Ростовцев направил биотоки ритмически бьющегося сердца через биостимулятор к сердцу собаки. Через несколько мгновений прямая линия стала ломаной, все больше стала походить на кривую биотоков девушки. Вскоре кривые стали совсем одинаковыми: сердце собаки билось ровно, ритмично, точно повторяя биение здорового сердца.

Так здоровое сердце становится донором: оно поддерживает ослабевшее сердце, возвращает его к жизни.

Пока что ведутся опыты только над животными. Но они показывают, что биотоками можно будет лечить людей. Теперь уже можно представить себе врача, который помогает больному не только лекарствами, но и биотоками здорового организма.

После операции профессор пригласил нас в лабораторию. Он подошел к одному из приборов и снял с него чехол. Мы увидели два диска, коричневую змейку магнитной ленты — обыкновенный магнитофон.

Николай Саркисович рассказал нам, что биотоки можно записать на магнитную ленту. И когда понадобится поддерживать работу ослабевшего сердца несколько часов, а иногда и суток, незачем донору сидеть рядом с больным. Его может заменить магнитофон!

В недалеком будущем в чемоданчике врача «Скорой помощи» вместе с необходимыми инструментами и лекарствами будет лежать небольшой магнитофон.

На магнитных лентах будут записи биотоков здорового сердца, желудка, головного мозга и других органов. Приехав к больному, врач сразу же сможет помочь сердцу больного человека, заставит его биться ритмично, а биотоки здорового спящего человека усыпят страдающего бессонницей.

Недалеко уже то время, когда биостимулятор появится во всех операционных, во всех больницах.

И. НЕХАМКИН

БИТВА ДЕЛЬФИНОВ С АКУЛАМИ

Летом прошлого года колумбийское судно «Рио-Атаро» вышло из порта Картахены курсом на запад. В Карибском море, неподалеку от островов Сан-Андрес и Провиденс, во время шторма на «Рио-Атаро» произошел взрыв.

Вода хлынула в пробоину и затопила «Рио-Атаро». Судно так быстро стало погружаться, что команда даже не успела спустить спасательные шлюпки, и люди оказались в воде.

Вскоре нагрянула еще одна беда: людей окружили морские разбойники — акулы. Ужас охватил беззащитных людей.

Спасение пришло неожиданно. К месту катастрофы приплыли дельфины. Они вступили в бой с акулами и образовали защитную стенку, оградив обессиленных людей от акул. Одна из акул все же прорвалась сквозь защиту и ранила женщину.

Дельфины, словно по сигналу, перешли в наступление и заставили акул отступить.

Неожиданно к месту катастрофы подошло немецкое судно «Эссен». Моряки и пассажиры «Рио-Атаро» были спасены.

Как же можно объяснить поведение дельфинов?

Дельфины — очень интересные животные. Они издавна привлекают к себе внимание человека, им посвящено множество рассказов и легенд.

Дельфинам приписывали «человеческий разум» и любовь к музыке. Древняя легенда гласит, что дельфин был очарован игрой и пением поэта Ариона. Когда разбойники бросили поэта в воду, дельфин перенес его через море.

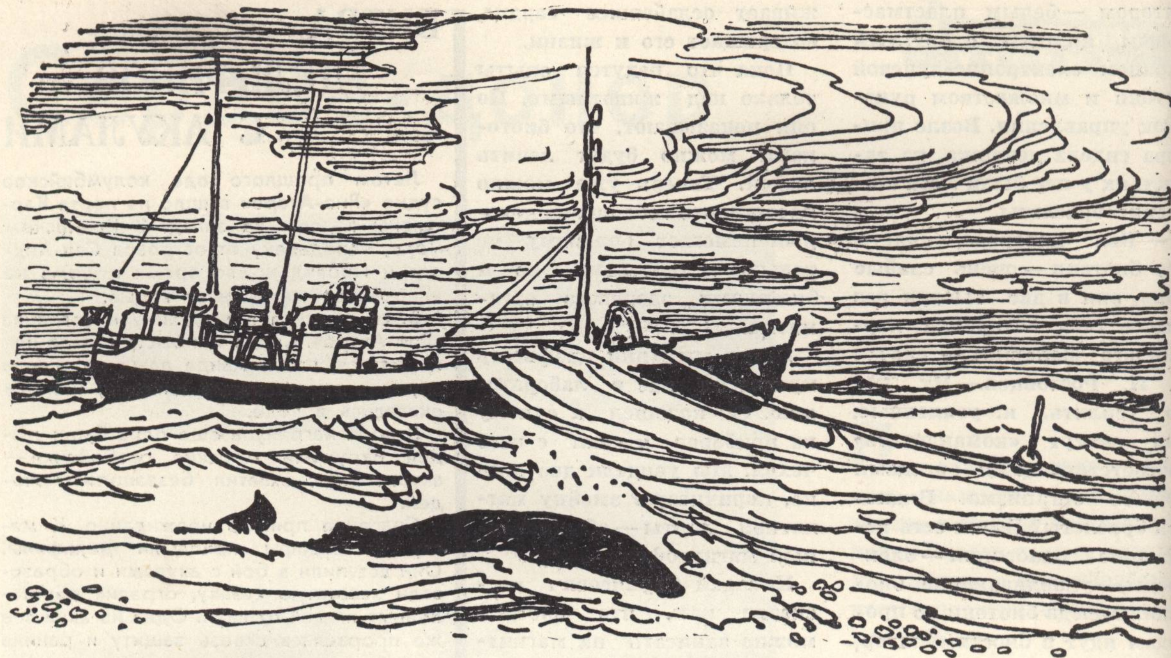
Аристотель рассказывает о мальчике, приручившем дельфина. Когда дельфин перестал бояться мальчика, мальчик часто катался по морскому заливу верхом на дельфине.

До последнего времени не отмечено ни одного случая нападения или враждебного отношения дельфинов к человеку.

Дельфины — стадные животные. Если в стаде дельфинов окажется раненое или больное животное, которое не в силах подняться к поверхности воды, чтобы подышать, к нему с двух сторон подплывают два здоровых дельфина, зажимают его между собой и, словно по команде, приподнимают над поверхностью воды, чтобы он мог подышать.

Всей стаей обороняются дельфины и от врагов. Людей, попавших в беду, они, по-видимому, приняли за каких-то близких им животных и поэтому стали защищать их от акул.

Б. РЖЕВСКИЙ

МУРКА-МОРЯК

Юхан СМУУЛ
Рисунки Н. ЦЕЙТЛИНА.

(Окончание)

МУРКА, ЧАЙКИ И МОРСКОЙ ЧЕРТ

Впрочем, настоящая работа у Мурки начинается после того, как сети подняты на борт и вся сельдь засолена. Тогда Мурка становится центром внимания, тогда наиболее ярко проявляются все плохие и хорошие свойства его характера.

Сначала он показывает себя с хорошей стороны. Лишь смотри и удивляйся, до чего хорошо воспитана эта собака!

Вот один из друзей Мурки снял ватник и, подложив его под голову, растянулся на люке. Мурку тоже одолевает сон после сытного обеда, и потому, вскочив на люк, он зубами вытягивает из-под головы спящего рукав ватника, кладет на него голову и нежится на прохладном североатлантическом солнце. Затем Мурка пытается разбудить матроса. Он кладет лапу ему на грудь и долгим взглядом смотрит в лицо спящему. Поскольку матрос все еще спит или притворяется, что спит, пес издает обиженное рычание и отправляется поискать себе какое-нибудь другое занятие.

Мурку одолевает вдруг страсть к труду и желание кому-то помочь. Например, своему хорошему другу, мастеру лова, который чинит сети. Надо притащить в зубах и бросить к его ногам все, что попадается на палубе и в каютах: шапку уснувшего матроса, обрывок каната, брезентовую рукавицу, крепежный болт, украденное на кухне полено, подобранную в салоне игральную карту — даму треф. Словом, все, что, по мнению пса, может пригодиться при починке сетей. И Мурка всюду шныряет и вынюхивает. Когда больше ничего не находится, Мурка присаживается у ног мастера и, склонив голову набок, посматривает на него одним глазом: «Ну, похвали же меня!» И мастер лова хвалит Мурку. И пес доволен.

Вдруг перед его носом падает на палубу канат и, резко вильнув, начинает, извиваясь, куда-то уползать. Канат тянет матрос, который спрятался за бочку. Мурка тотчас вцепляется в канат и, упершись четырьмя лапами в палубу, прилагает все усилия к тому, чтобы помешать этому непонятному движению неодушевленного предмета. Уж и рычит же он, уж и сердится на этот удивительный канат! Матрос перестает тянуть, но Мурка не сводит с каната настороженного взгляда, пока тот снова не начинает шевелиться. Мурка опять вцепляется в канат и сражается с ним. Не легкое это дело — следить за судовым добром.

Но потом Мурка обнаруживает за бочкой спрятавшегося матроса, и приступ трудолюбия проходит. Начинается отчаянная беготня по палубе. Ну, бочки, берегитесь! Мурка преисполнен жажды мщения и желания поиграть, а поймать матроса, этого молодого шутника, не так-то просто. Собачий лай раздается то с носа, то из-за брашпиля, то из коридора на корме. Но вот матрос взбегает по трапу на кормовую палубу и прячется за спасательными

шлюпками. Но и Мурка, уже научившийся лазать не хуже кошки, тоже не отстает. Слышно, как скребут по железным перекладинам его когти, и затем противники встречаются лицом к лицу. Справедливость торжествует, порядок восстанавливается. Мурка и матрос спускаются вниз вместе, как добрые друзья.

На палубе становится тихо: спозаранок поднявшиеся матросы прилегли поспать в своих каютах. А пса больше, чем блохи, одолевает беспокойство. Что бы еще предпринять?

И Мурка отправляется на мостик. С тех пор, как он утащил карту, прошло две недели, старые грехи прощены ему, и он больше не пытается проникнуть в штурманскую рубку. Поэтому ему разрешается подниматься на мостик. Ну, не то, чтобы разрешается, да что тут будешь делать, если пес все-таки придет, придет без всякого шума, не устраивая никакого бесчинства, а лишь заискивающе озираясь по сторонам? Не выгонять же его... И Мурка поднимается на мостик с чинным выражением морды и с затаенным в душе коварством маленького бесенка. Он ложится у ног вахтенного штурмана, сидящего на откидном стуле между штурвалом и телеграфом. Штурман глядит в иллюминатор, круглое стекло которого во время туманов и штормов вращается при помощи особого механизма со скоростью трех тысяч оборотов в минуту. Все другие иллюминаторы бывают иногда затуманены брызгами воды или снегом, но быстро вращающееся стекло остается чистым, чтобы вахтенный штурман мог всегда вести свои наблюдения.

Поначалу и пес и штурман молчат, но затем последний грозно восклицает:

— Мурка!

Молчание.

— Мурка! — вновь произносит после паузы штурман с притворным негодованием.

Оказывается, Мурка увидел перед собой на полу знакомый полуботинок, у которого он уже не раз отдирал подошву, и теперь он решил проверить, крепко ли ее пришили.

Не только непоседливость гонит Мурку на мостик, но и кое-что посущественней. Он во что бы то ни стало хочет посидеть на откидном стуле штурмана и полюбоваться с высоты мостика ширью океана. Добиться этого можно только добром. И Мурка, который уже немного отвел себе душу,— подошва слегка отстала от полуботинка! — скулит, ноет, ерзает, а лапы его просительно тянутся к откидному стулу. Он всячески дает понять, что раз и навсегда оставит все свои проказы, если ему дадут сегодня посидеть на штурманском месте.

И минуту спустя мы видим следующее. Рулевой стоит у штурвала, штурман — у телеграфа, а на откидном стуле восседает, словно король, Мурка. Он уперся лапами в раму иллюминатора, согнул хвост кренделем и знай поворачивает голову то направо, то налево. Он смотрит вниз, на палубу, но, так как там никого нет, снова переводит взгляд на океан. Но и там смотреть не на что. Рядом с кораблем, правда, плавают три небольших кита. Они ныряют и затем показываются у самого борта. Но киты не интересуют Мурку. Он, очевидно, не верит, что эти горы мяса могут быть живыми существами.

Мурка сидит на штурманском стуле с важным и умным видом многоопытной собаки. Целых пять минут пес соблюдает свое достоинство. Но вдруг он соскакивает со стула и громогласно требует, чтобы его пустили вниз.

Что случилось? Оказывается, над кораблем пролетело несколько чаек. И вот Мурка уже носится с лаем по палубе.

Если Мурку и интересует что-либо за бортами судна, так только эти птицы. Но от них одно расстройство. Они всегда пролетают мимо. И в такой заманчивой близости, что, кажется, лишь подпрыгни вовремя — и ухватишь птицу за хвост. Только подпрыгивать пришлось бы над водой, а Мурка на это не отваживается. Он ждет более подходящего случая. Все надеется, что когда-нибудь чайка пролетит над палубой низко-низко и тогда удастся цапнуть ее за перепончатую лапу.

Подобный случай все не подворачивается, но Мурка не теряет надежды. Он пытается и подманивать птицу: положит голову на лапы и притворится спящим. Но глаза его все время чуть приоткрыты и следят за чайками. Они летают совсем рядом, у самого борта. Будь и у них такой же интерес к собаке, тогда бы все было в порядке. Но глупые птицы совсем не интересуются странным четвероногим существом, часами не сводящим с них тоскливого взгляда.

Мурке так и не удалось поймать чайку. Пришлось лишь испытать, до чего злобна и воинственна эта птица, умеющая постоять за себя и за неприкосновенность своего хвоста. Оказалось, что чайки не понимают шуток.

Поймать чайку можно. Надо лишь взять для этого обыкновенный рыбный черпак и стать у поручней неподалеку от кормы, у того люка, с которого сталкивают в море селедочные потроха. Хоть чайки и держатся на почтительном расстоянии от корабля, все же иные из них оказываются настолько жадными, что подлетают к самому кораблю, чтобы полу-

Мурке так и не удалось поймать чайку.

Чурбан, попавшийся в сети, оказался рыбой, которую называют морским чертом.

чить свою долю раньше других. Тут-то и надо сразу поддеть чайку черпаком, и она замрет в нем, словно курица в кошелке. Многие чайки способны взлететь только с воды. По палубе они передвигаются с трудом: их ноги слишком слабы для жирного тела.

Таким способом и поймали чайку для Мурки. Уж и радовался он сначала! Он носился вокруг птицы и подступал к ней все ближе, норовя ухватить ее покрепче. Но клюв злобно кричавшей птицы непонятным образом оказывался всегда нацеленным на собаку. Мурка все плясал вокруг, временами вытягивал к птице свою морду и пытался потрогать ее лапой. Но крепкий клюв чайки заставлял его отступать подальше.

Наконец Мурка рассердился, кинулся в лобовую атаку и попробовал схватить чайку за шею. Но тут же отскочил с жалобным воем. Крепкий клюв трахнул его прямо по носу. Так трахнул, что задранный хвост Мурки сразу вытянулся, как стрела, а потом повис. Едва боль прошла, Мурка сделал новую попытку, на этот раз более осторожную. Однако теперь чайка не стала пятиться, а заковыляла навстречу псу и снова стукнула его по носу.

Тем же закончилась и третья атака Мурки. Но он, не желая признавать перед людьми своего поражения, по-прежнему вертелся вокруг чайки. Только круги его становились все шире и шире. Пес делал вид, что это злое существо с противным, пронзительным голосом совсем перестало его интересо-

вать, что собачье достоинство не позволяет ему заниматься дальнейшим сведением счетов.

И, отправившись в кают-компанию, Мурка улегся там на стуле. Время от времени он трогал лапой свой нос и вспоминал о проигранном сражении. Все же следует сказать, к чести Мурки, что он и после продолжал преследовать чаек с прежним упорством. Видно, надеялся, что не все они такие отчаянно злые и упрямые, как та, которую поймали черпаком. Та была исключением, а вот если он сам сумеет поймать какую-нибудь, то...

Но вскоре Мурка убедился, что все кажущееся за бортом таким интересным на палубе оказывается драчливым и опасным. Если после сражения с чайкой он еще мог делать вид, что ничего страшного не произошло, то встреча с морским чертом испугала не только пса, но и нас. Было это так.

В сравнительно тихую погоду мы выбирали сети. Улов был небольшим, особенно в последних сетях. Их закинули слишком глубоко, и косяки проплыли поверх них. Но внизу последней сети чернел запутавшийся в сетевом полотне какой-то чурбан с белым брюхом. Длиной он был едва ли с метр, то есть еще короче атлантической трески. Но он был массивный, тучный и как-то странно фосфорически поблескивал. Когда низ сети подтянули к борту, чурбан этот начал биться.

Я побежал в каюту за фотоаппаратом.

Чурбан тем временем вытащили на палубу и бросили на люк. Вся команда стояла вокруг и смотрела на него. Он оказался рыбой, чрезвычайно редко попадающей в сельдяные сети. Эту рыбу называют морским чертом.

За всю свою жизнь я не видел более безобразной твари. Наш морской черт весил примерно полтора пуда. У этого ненасытного пожирателя сельди огромная по сравнению с телом голова. На редкость уродливую голову чуть ли не пополам перерезает рот. Рядом с этой пастью челюсти крупной щуки выглядели бы совсем невинно. Рот морского черта полон длинных, крепких зубов, острых, как иголки. На голове торчат два боковых плавника. Форма у них такая же тупая, как и у туловища,— кажется, будто концы спилены. Брюхо толстое, словно у банкира, а хвостовая часть тоненькая и на вид слабая. Эта тварь лишена рыбьей стройности, гибкости и красоты. Весь ее хищный характер проявился в форме головы — это голова свирепого обжоры. Морской черт — одно из страшилищ глубоких вод.

И вот это олицетворение уродства лежало на палубном люке. Рот рыбы был разинут, жабры открывались и закрывались. Она била по брезенту своим жидким хвостом. Плавники двигались вяло.

И тут появился Мурка. Он протискался сквозь толпу, увидел морского черта и весь ощетинился. Ему стало страшно, и это его рассердило. Мурка отправился в разведку, обошел вокруг люка и, справившись со своим страхом, начал приближаться. Он остановился прямо перед морским чертом и уставился в его зубастую пасть. А потом залаял хрипло и нервно. Еще миг — и Мурка накинулся бы на черный чурбан, издававший незнакомый запах. Но неожиданно морской черт опередил его.

С непостижимой быстротой он весь вдруг сжался и затем подбросил свое тупоконечное тело на целых полметра. Шлепнувшись на палубу, подскочил снова. Даже люди, вздрогнув, отступили назад. В этом подскакивании было столько силы, злости и агрессивности, что никому не хотелось оказаться слишком близко от черта.

Мы не знали, что с ним делать, и решили бросить его в море. Но при всей нашей осторожности черт все-таки успел глубоко поранить руку одному матросу.

Мы смотрели, как он уходит вглубь. Даже после того, как он опустился метров на двадцать, сквозь воду еще пробивалось его фосфорическое свечение.

Мурка же, едва черт подскочил на люке, удрал с палубы. Он удирал с воем ужаса. Потом мы нашли его в кают-компании под столом. Пес дрожал и жался к людям. И долго не осмеливался выйти на палубу. Даже на следующий день он со страхом поглядывал на люк, с которого хотел взлететь морской черт.

РАССТАВАНИЕ И ВСТРЕЧА

Мне дали командировку на два месяца, до конца июля. Это время истекло. Пора было возвращаться в Таллин. Наш радист по радиопереговорам между кораблями узнал, что один литовский траулер собирается идти в Клайпеду. Капитаны судов договорились по радио о встрече и сообщили друг другу свои координаты. Литовец находился где-то неподалеку от Ян-Майена, и мы отправились к нему навстречу.

При волне, даже средней, не так-то просто перейти с корабля на корабль. К счастью, в тот день была на редкость спокойная и солнечная погода. Не часто мне приходилось видеть океан таким гладким.

Пока суда, маневрируя, сближались, я распрощался с командой. Лишь теперь я осознал, каким родным стал для меня этот маленький корабль, с какими чудесными и мужественными людьми я прожил два месяца... Жалко было расставаться. Сердце сжималось от грусти.

Все, кто был свободен, поднялись на палубу. Мурка протиснулся ко мне. Он протянул на прощание лапу и тявкнул. Но так как с мостика все время слышались слова команды, он счел за лучшее отправиться туда. Прежде чем исчезнуть в коридоре на корме, он еще раз на меня оглянулся.

Мне стало немного обидно. Не я ли купил его и воспитал, как сумел? И сколько еще натерпелся от него! Я, конечно, оставался Мурке другом, но далеко не таким, как капитан и матросы.

Но нет, пес поступил правильно! Ведь он оставался на корабле. Он и дальше будет жить вместе с командой. Он полюбил моряков. Собаки защищают и любят тех людей, которые защищают и любят их. А на корабле заботились о Мурке, любили его.

Я перепрыгнул на литовский корабль. Вслед мне кинули мой чемодан. Когда корабли расходились, Мурка сидел рядом с капитаном на откидном штурманском стуле. Я еще долго видел в бинокль его веселую и самоуверенную морду морского разбойника.

Мы снова встретились с Муркой четыре месяца спустя, когда сельдяной траулер вернулся с лова. Капитан сообщил мне радиограммой дату и время прибытия судна в Пярнускую гавань. И я поехал в Пярну.

В тот день бушевал сильный северо-западный шторм. Вода в реке Пярну поднялась очень высоко. Но траулеру все же разрешили войти в порт. Я увидел наш СРТ посреди реки. Он качался на воде, рыжий от ржавчины, словно лиса. На его бортах виднелись вмятины от столкновений с плавбазами. Всюду виднелись следы укусов океана.

Судно подошло к причалу. Над ржавыми поручнями я увидел знакомые лица, обросшие бородами.

Мурка стоял на мостике и лаял во весь голос:

— Внимание! Внимание! Я приехал! Гав-гав!

Но едва траулер пришвартовался, как Мурка соскочил на берег, и какой тут взвился фонтан земли! Временами Мурка подбегал ко мне, тыкался в мою ладонь своим холодным носом, а потом снова принимался бешено рыть землю. Вскоре он зарылся в нее уже наполовину, вся шерсть его была в земле. Пес так давно не видел милой устойчивой суши, что не мог нарадоваться встрече с нею.

Я пошел в каюту.

Насладившись рытьем вдоволь, Мурка вспомнил о нас. В один прыжок он оказался на палубе и вскоре заскулил у нашей двери. Мы впустили его. Мурка хотел с разбега вскочить на койку. Понадобилось порядочно времени, прежде чем мы сумели ему втолковать, что такой грязной собаке вовсе не место на такой белой наволочке. И Мурка сердито улегся на знакомую рогожку.

Он настолько привык к судну, что не мог слишком уж долго интересоваться сушей. Он, правда, выбегал иногда в порт погулять, но довольно скоро возвращался. Лишь в тех случаях, когда капитан отправлялся в город, он непременно следовал за ним по пятам.

В следующий день я проходил по улице Калева. И вдруг из одной парикмахерской до меня донесся страшный шум. Яростный лай собаки чередовался с пронзительным визгом сначала одной женщины, потом сразу нескольких. Женщины кого-то обвиняли, кого-то упрекали. А какой-то мужской голос, очень мне знакомый, пытался успокоить парикмахерш, но это, видно, лишь подливало масла в огонь. Наконец под неумолкающий визг дверь парикмахерской открылась, и из нее выставили на улицу сперва Мурку, а за ним капитана, сопроводив их не очень добрыми напутствиями.

Я ничего не мог понять, но вскоре все объяснилось.

Капитан хотел побриться. Пока взбивали мыльную пену и правили бритву, Мурка вел себя тихо и пристойно. Он лежал у стены и следил одним глазом за тем, что делают с его другом. Но едва тому намылили щеки, как пес предостерегающе зарычал. Когда же парикмахерша, подняв бритву, собралась приступить к бритью, Мурка решил, что этого допускать не следует. Заносить нож над его другом! И он ринулся вперед!..

— Прямо как бенгальский тигр! — так охарактеризовал капитан этот скачок.

Но в парикмахерской почему-то не поняли благих намерений Мурки и выставили его вместе с хозяином на улицу.

А я, несмотря на негодующие возгласы, доносящиеся из парикмахерской, понял, что собака в самом деле друг и защитник человека, хоть порой эта дружба и приводит к мелким неприятностям.

* * *

Вот и вся история о Мурке.

Можно бы, правда, рассказать еще о том, как Мурка жил в деревне. Как он лазил по крышам, словно кошка, и забирался туда, куда еще не осмеливалась забраться ни одна собака. Как он плавал. С каким презрением к смерти он вступался за своих друзей!..

Да, я мог бы обо всем этом рассказать, но очень грустно описывать подлинные события, заранее зная, что никто в них не поверит.

И потому я кончаю.

Перевел с эстонского **Леон ТООМ**.

Эдуард ШИМ

Рисунки О. Зотова.

В твою школу вошел и начал занятия новый, замечательный учитель — ТРУД.

На уроках ты теперь не только садишься за парту, но и становишься к верстаку. Твои руки подружились с молотком, рубанком, пилой.

И ты уже, конечно, почувствовал, до чего это здорово — уметь трудиться... Покоряются тебе материалы, становится послушным инструмент, открываются маленькие и большие секреты ремесел.

И чем дальше, тем интересней. Хочется узнавать еще и еще, мастерить вещи сложней и сложней!

Мы печатаем здесь страницы из «Деревянной книги». «Деревянная книга» — тоже о труде, о работе с деревом. Но она расскажет тебе истории, которых, может быть, ты не услышишь в школьной мастерской, и постарается научить тебя кое-чему новому.

КАКОЕ НАШЕ РЕМЕСЛО

ТРУДНАЯ НАУКА

Никогда не думал, что буду учиться на столяра. Как-то все случайно получилось.

После войны жизнь была трудная, в семье денег не хватало. А в ремесленном училище кормят, одевают, обувают. Вот я и пошел учиться.

С тех пор много лет минуло, а я очень крепко помню первый день занятий.

Собрали нашу группу, привели в мастерскую. Гляжу: тесная комната, поставлены старенькие верстаки. Несколько рубанков разложено, пилы на стенке висят. Вот и вся обстановка.

«Ну,— думаю,— это тебе не завод... Видать, не больно сложная профессия».

А к тому времени я уже успел на заводах с экскурсией побывать. Видывал настоящую технику: какой-нибудь пресс вышиной с двухэтажный дом, или револьверные станки-автоматы, или конвейерную линию, где собирают моторы.

И, конечно, после этого старенькие верстаки мне смешными показались. Подумаешь, механизм: четыре ноги, три доски, сзади винт, да и тот деревянный! Детям баловаться...

Вскоре мастер пришел. Был он тоже под стать окружению: лысенький, бесцветный какой-то, в заштопанной рубахе. Разговаривает по-деревенски: «акает», вместо слова «чего» произносит «чивой-то».

Я на заводе таких мастеров встречал — куда там! По цеху плывет, как академик, все перед ним расступаются. Работает за станком в белой рубашке, при галстучке, едва духами от него не пахнет. Директор завода перед ним первый шляпу снимает.

А наш мастер не то что директора, нас, мальчишек, застеснялся. Заморгал, носом шмыгнул, говорит:

— Ну, чего ж, ребятки... Зовут меня Пал Петровичем. А вообще давайте работать. Будем нынче пилить досочки.

Дал нам по ножовке, обрезки досок какие-то.

— Приступим,— говорит.

Я ножовку держу, а самого смех разбирает. Эка невидаль! Я у себя дома сколько дров распилил, безо всякого обучения!..

Встал к верстаку.

— Ну,— говорю,— механизм, держись! Сейчас тебе хвост накручу.

И начал пилой ширкать. Дурачусь — губы закусил, глаза выпучил, будто очень трудно...

Пал Петрович пройдет мимо, посмотрит.

— Молодец, правильно! Только ногтем пилочку прижми, чтоб не соскакивала.

Смеюсь, придерживаю. Ну и наука!

Распилил один обрезок, другой, третий... А Пал Петрович новые подкладывает.

— Еще чуток,— говорит,— и пошибче. Пила должна шестьдесят раз в минуту ходить.

Еще десяток обрезков я раскроил. Уже и вправду глаза выпучил — уморился. Да и все остальные ребята пыхтят, как насосы.

А Пал Петрович подносит и подносит обрезки. Чуть разогнется кто-нибудь, Пал Петрович бочком к нему:

— Давай, давай, родной! Шестьдесят резов в минутку...

Еще четверть часа прошло, мы взмолились: сил нету!

— Ладно,— сжалился Пал Петрович.— Отдохните маленько. Я ведь это к тому, чтоб вы не дурили. Знаю, вам все просто кажется... Руки-то болят?

— Ага.

— От неумения. Доску распилить — тоже наука. Я вот полдня могу пилой орудовать, и ничего, хоть и старый. Надо так наловчиться, чтоб рука весело гуляла, играючи...

И показал рукой в воздухе, словно платочком помахал.

«БУДЬТЕ, КАК ДУБЫ»

Присели мы вокруг него, отдыхаем. А он вдруг спрашивает:

— Не заметили, ребятки, что когда я вошел, не поздоровался?

— Заметили,— отвечаем.

— Это я нарочно, со смыслом. Вы ведь, конечно, знать не знаете, что это за слово такое — «здравствуй». А оно, братцы мои, к дереву отношение имеет. От дерева произошло.

Усмехнулся и глядит на нас, глаза в щелочки сожмурил. А мы не понимаем ничего. Если один человек другого приветствует, желает здоровья, при чем тут дерево?

— Дуб когда видели? — говорит Пал Петрович.

— А как же!

— Ну вот... Очень крепкое дерево, могучее. Сотни лет живет. И на греческом языке раньше прозывалось «дерв», или «древ». От этого названия пошли слова «здравый», «здоровый», то есть крепкий, как дуб. И ежели я теперь говорю «здравствуйте», то, выходит, желаю, чтоб вы все были, как дубы. Понятно?

Мы хохочем: понятно, интересно!

А он дальше:

— Вот еще слово, «столяр». Опять-таки вы на столяров обучаетесь, а этого слова еще не поняли. До корня не дошли.

Я быстренько раскинул мозгами:

— Дошли! «Столяр» — кто столы делает. От слова «стол»!

— Верно,— говорит Пал Петрович.— Только не совсем уважительно. А чтоб уважения к нашему делу прибавилось, рядышком еще словечки поставьте: «столица», «стольный град»... Чувствуете? Вот тогда наше звание заиграет, заискрится! И это не шутка, если вспомнить, что наша столица когда-то сплошь деревянной была.

Рассказывает он это, и словно весь переменился: лицо оживилось, глаза играют, умные такие, хитрые. Прямо другой человек сидит перед нами.

И уже не стесняется говорить, разохотился:

— А вот, ребятки, присловье еще имеется: «Заруби на носу». Желаете в нем разобраться?

— Конечно!

— Оно откуда? Народ прежде неграмотный был, вместо расписок зарубки делали на палочке. Потом расколют ее, одна половинка у хозяина, другая — у работника. И уж тут без обману, потому что не подделаешь, не накинешь: зарубки не сойдутся... Между прочим, есть мнение, что от зарубок и цифры произошли. Гляньте-ка на римские цифры — ни одного завиточка нету, словно топором знаки вырублены... Да и буквы наши опять-таки к дереву касательство имеют.

— И буквы?!

— И буквы. В старину их на дереве вырезали, и такой брусок назывался «буки». Когда первые книги печатали, набор для них деревянный был из отдельных «буков»... Вот дело-то какое. Да если про дерево начать говорить, конца не будет. Оно в человеческой жизни везде следы оставило, мы только внимания не обращаем по лености, по незнанию... А к дереву, ребятки, самое большое почтение надо иметь. Заслужило!

РАССКАЗ О ЗАГАДКЕ

— Вот,— говорит Пал Петрович,— загадка:

Ум наставляет,
Свет испускает,
Крик унимает,
Хворь исцеляет,
Чистоту бережет
Да и сласти дает.

Что это такое?

Длинная загадка, не скоро выговоришь. Да и разгадывать надо битый час. А ответ простой: береза.

Про нее в русском народе и песни сложены, и побаски, и вот даже загадки. А, впрочем, ведь не только про нее. Вспомните-ка: и про ивушку есть, и про тонкую рябину, и про елочки-сосеночки. Про многие деревья.

А кроме того, и само-то название «деревня» идет от слова «дерево».

И недаром.

Не очень давно, ну хоть 200 лет назад, было в России так, что вся деревня деревянная.

Из леса срублены избы. И в избах подчистую все, кроме печки, состроено из дерева.

Землю тогда пахали кленовой сохой. Ездили на березовых санях и телегах. Осиновыми ложками из липовых плошек щи хлебали. Даже бубенец на корове, чтоб не заблудилась, и тот из елки вырезан.

Словом, вокруг дерево. Рождался человек, его в деревянную зыбку клали, а помирал — то в деревянный гроб, и над могилой ставили деревянный крест.

Небогато жил тогда мужик! И если что в хозяйстве требовалось, то уж где покупать! Самолично мастерил из того, что под рукой.

А под рукой — дерево. Вон они, леса-то: сразу за околицей начинаются, нет им конца и краю! Голь на выдумки хитра; так мужик приспособился, что любую вещь из дерева сработает.

Прямо как в сказке...

Стемнело на дворе, в избу освещение понадобилось. Мужик в затылке поскреб: где взять?

«Эвона свет-то!»

Принес березовое полено, нащепал лучины. Зажег, к печке приткнул. Хоть и чадно, а все-таки светит.

Вот тебе и свет береза испускает.

Поехал мужик на телеге, а колеса немазаные скрипят — аж за душу дерет. Надо бы смазать! Слупил с березы верхнюю кору — бересту, свалил в яму, наглухо закрыл и поджег. Из бересты деготь закапал. Смазал мужик дегтем телегу — покатила, будто по воздуху.

Вот тебе и крик береза унимает.

Холода надвинулись, босиком зябко ходить. Мужик из бересты лапти сплел, надел, ногой притопнул: эх, обувка! И хрустко и прытко!

Береста еще была, из нее корзину сплел. А вот остаточек — берестяной ремешок, его куда деть? Не пропадать же добру! Расколотый горшок у мужика был. Взял его мужик, сложил черепок к черепку да и обвернул берестой, словно бинтом спеленал.

Вылечила береза хворый горшок.

Детишки захныкали:

«Тятька-а! Сладенького охота!..»

Мужик опять к березе. Дырку провертел, посудину подставил. Сладкого соку натекло чуть не ведро. Пусть теперь ребятня лакомится!

Еще чего надо? Чистоту соблюдать. Ну, для этого березовый веник есть. Хочешь — в бане хлещись, хочешь — горницу подметай.

Вот, значится, сколько добра от одной березы.

— Погодите! А вы про самое первое-то забыли: как береза «ум наставляет»?

— Верно... Впрочем, этого вам лучше и не знать. Когда я мальчишкой был, то начну дурить, а бабка в руки березовый прут и мне березовой каши всыплет. Сразу поумнеешь, бывало.

КАКОЕ НАШЕ РЕМЕСЛО

В первый день занятий так и не пришлось нам больше «пилить досочки». Сидели, слушали Пал Петровича полдня кряду.

Про что он только не рассказывал!

И про старинные корабли и корабельных мастеров.

И про фанерные самолеты, про летающее дерево.

И про мосты из леса, про мебель, про деревянные статуи, про картины из дерева, лестницы, двери, лыжи, посуду деревянную, карандаши, спички...

Кто-то из нас вздохнул:

— Это, конечно, здорово интересно! Только жалко — все в прошлом. А теперь дерево отжило, его пластмассами заменяют.

Пал Петрович не рассердился, не обиделся.

— Пластмассы,— говорит, — это верно... Только я вот недавно был в городе Игарке. Сошел с парохода и вижу — надписи развешаны: «Граждане! Курить на улицах города только в отведенных местах».

— Почему это?

— А потому как почти весь город деревянный. И мостовые, и тротуары, и дома, конечно. И таких городков немало встретишь, если начнешь путешествовать по стране...

Переглянулись мы. Еще новость!

А Пал Петрович выкладывает неторопливо:

— Опять же гидростанции взять, заводы, стройки... Без дерева никак. Любая плотина в деревянной сорочке рождается. Ведь бетон-то не на пустое место льют, а в деревянную опалубку. И уж только когда застынет, снимают деревянную одежку...

И начал нам насчитывать, где еще без дерева не обойдешься. Оказалось, что и в наше время дерево повсюду служит.

Попробуй сам посчитай.

Осмотрись у себя в комнате: сколько вещей из дерева?

На улице посчитай, в театре, в поезде.

Толстенную книгу надо заполнить, чтобы только назвать эти вещи. Мы их просто не отмечаем, привыкли.

А когда открыл мне Пал Петрович глаза, я целую неделю ходил — считал. И все удивлялся.

☆ ☆ ☆

До чего же много знал этот человек! Мы от него теперь уже не отступались; едва тихая минутка выпадет, просим рассказывать.

И всякий день слышали от него новые истории. Да не простые байки, чтобы время скоротать, а все к делу. Каждое слово в строку.

А потом привыкли спрашивать и лезли уже со всякой всячиной, кому что надо.

Один бежит:

— Пал Петрович, мы тут спорим... Кто выдумал бумагу из дерева делать?

— Был такой изобретатель Шеффер,— говорит Пал Петрович.— Он выдумал. И знаешь, как? Увидел осиное гнездо, начал за осами следить. Они ведь гнезда из древесной трухи лепят, слюнкой смачивают. И получается вроде бумаги... Вот Шеффер и взял ихний секрет.

Не успел Пал Петрович одному ответить, другой бежит:

— Эту проволоку можно закалить?

Пал Петрович на точиле испробует проволоку, по искрам определит:

— Можно.

Так и бегаем к нему, будто к справочнику. Никогда Пал Петрович не ошибется.

Я ведь в школе алгебру проходил, геометрию. И отметки у меня были ничего себе.

А в училище как-то делал овальный столик и ошибся — не смог крышку вычертить. Бьюсь, бьюсь, никак у меня правильный овал не выходит!

Пал Петрович заглянул мне через плечо.

— Не так.

Вбил три гвоздочка, обтянул их бечевкой. Прислонил к бечевке карандаш и — вжжих! — одним махом вычертил мой овал.

У меня рот бубликом: чудеса, да и только!

Очень привязались мы к Пал Петровичу, и казалось нам, что человек он совсем необыкновенный. Больше таких не сыщешь. Один-единственный!

А потом прошло время, и поняли мы, что дело не только в Пал Петровиче. Дело еще и в нашем ремесле.

Ведь оно только с налету выглядит простым и бедным.

На самом-то деле оно удивительно сложное, трудное и заковыристое.

Когда я в первый день занятий смеялся над старенькими верстаками, над нехитрым инструментом, над секретами пиления, я был, честно говоря, дурак дураком.

Года два спустя я составил для себя список, и вышло — чтобы сделаться хорошим столяром, я должен знать:

Рисование — чтобы делать резьбу, инкрустации, выжигание;

Черчение — чтобы читать и составлять самому чертежи;

Математику — чтобы делать измерения и расчеты;

Физику — чтобы верно подбирать свойства материалов;

Химию — чтобы работать с клеями, красками, лаками;

Историю — чтобы изучать работы старых мастеров;

Архитектуру — чтобы придумывать форму мебели, дверей и т. д.;

И еще добрый десяток разных наук...

И когда я вспоминал какую-нибудь еще науку, например географию или ботанику, получалось, что и ее знать нелишне. И от нее может выйти польза моему мастерству.

Составлял я, составлял список и почуял: не случайно Пал Петрович так много знает всего.

Иначе в нашем ремесле нельзя.

НАША КОПИЛКА

Заинтересуешься столярным ремеслом — на каждом шагу начнут встречаться тебе любопытные факты. Жалко оставлять их без внимания. Давай устроим «копилку» — станем записывать все интересное о дереве. Вот первый вклад в нашу копилку.

Теперь деревянные дома на заводах делают. Такой дом можно привезти на грузовике, за день собрать — и живи себе, поживай!

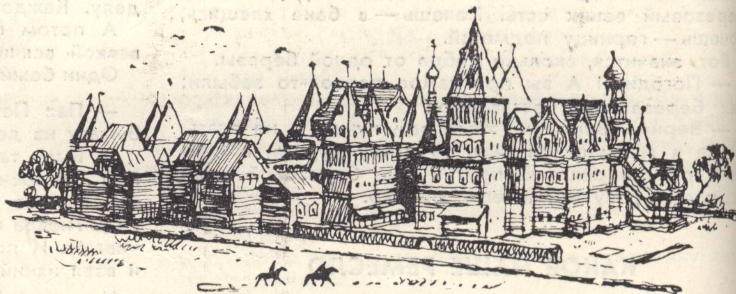
На свете есть двадцать тысяч полезных пород дерева. И все разные, все особенные, все чем-нибудь хороши.

В нашей стране леса растут почти на миллиарде гектаров. Это треть лесов мира. Вот какая у нас с тобой кладовая древесины!

Многие деревья в старину считались священными. Под ними раскладывали жертвенный огонь.

Не знаешь, что это? Кика — женский головной убор. Помнишь, в пушкинской сказке: «Парчовая на маковке кичка»... Парчовая снаружи, а внутри деревянная. Вон куда дерево забралось!

Вот какой расписной деревянный дворец был возведен в селе Коломенском! Строил его плотничий староста Семен Петров со товарищами.

Русский умелец Иван Кулибин придумал сделать вот такой деревянный мост через Неву. Придумать-то придумал, а сделать не позволили. А вполне можно было.

Города прежде не строились, а «рубились». Так и говорили: «Срублен город». И верно: строился город топором и сплошь из дерева.

В Новгороде еще девять веков назад был устроен деревянный водопровод. Трубы сосновые, колено обмотано берестой, чтоб не протекало.

И очки когда-то были в деревянной оправе. Их носили на шляпе.

Соляной раствор на соляных промыслах течет по бамбуковым трубам. Думаешь, тоже древность! Нет. Такие трубы и сейчас можно увидеть в Китае.

Ты говоришь: «Прочел книгу от доски до доски». Выражение это сохранилось с тех времен, когда книгу наряжали в обложку из деревянных досок.

Зрительный зал Большого театра в Москве. Громадный потолок улегся на деревянных стропилах.

(Продолжение следует)

ОТВАГА
НАХОДЧИВОСТЬ
ЧЕСТЬ

ТРЕВОГУ ПОДНЯЛИ РЕБЯТА

Это случилось в Таджикской ССР, недалеко от города Курган-Тюбе. В совхозе имени Куйбышева все взрослое население было на сборе хлопка. Ребята из младших классов Амонулло Хукумов, Давлят Амиралиев, Холмахмад Махмадшоев играли у магазина в футбол. Магазин был закрыт. Продавцы тоже убирали хлопок. К ребятам подошли двое незнакомцев.

— Все собирают хлопок, а вы почему не идете в поле! — спросили они.

— У нас выходной день.

Один из незнакомцев достал пятьдесят рублей и протянул ребятам.

— Вот вам на конфеты! И киш отсюда!

— Нам чужих денег не надо! — сказал Давлят.— А конфеты у нас и дома есть.

Незнакомцы засмеялись:

— Ишь, какие гордые! Вы простите нас, ребята. Мы очень голодны, и, если вы нас накормите, мы будем вам очень благодарны.

— Хорошо,— сказали мальчики и побежали по домам.

За углом Амонулло остановил ребят.

— А что, если это воры! — сказал он.— Пока мы бегаем, они ограбят магазин. Я, пожалуй, вернусь, посмотрю.

Амонулло не ошибся. Незнакомцы взламывали замок. Амонулло поднял тревогу.

Вспугнутые воры побежали к лесу. Амонулло вместе с приятелями погнался за ними. На помощь к ребятам подоспели взрослые, и воры были задержаны. Они оказались закоренелыми преступниками, не раз судившимися за кражи.

Министерство внутренних дел Таджикской ССР и ЦК ЛКСМ наградили друзей именными часами и почетными грамотами.

На снимке вы видите и Гаиба Курбатова. Он помог следственным органам раскрыть тяжелое преступление и тоже награжден именными часами и грамотой.

С. Огилдиев.
Сталинабад.

Расскажи товарищам по звену о самом интересном, что ты узнал из книг

В библиотеке тесно. Кончились уроки, и ребята прибежали поменять книги, посмотреть свежие номера журналов.

Один из читателей все время заглядывает в книги, которые приносят другие ребята, и с любопытством спрашивает: «Интересная? Стоящая? Расскажи, о чем...»

Обладатель книги пытается ответить, и все ребята слышат: «Замечательная книга! Там два отряда как стыкнутся... Потом как бабахнет... Даже командира ранили. А потом он бежал через лес. Вот страху-то набрался!..»

Можно ли понять из этого рассказа, что речь идет о книге Гайдара «РВС»? А ведь мальчик очень хотел рассказать о том, что ему показалось самым интересным в книге, пересказать ее содержание.

Оказывается, рассказать о прочитанной книге не так просто, как кажется.

В первой «ступеньке» юного пионера есть такое задание: «Расскажи товарищам по звену о самом интересном, что ты узнал из книг».

Послушаем, что говорят ребята.

Один, чтобы похвастаться перед ребятами, пытался пересказать содержание книги, которую принесла из библиотеки его мама. Он многого не понял в этой книге, многое показалось ему скучным, но он тщательно вспоминал отдельные эпизоды, чтобы прослыть знатоком тех книг, которые читают только взрослые.

Другой старался подробно рассказать содержание книги, не пропустить ни одного эпизода, ни одной детали, ни одного разговора между героями. Книга, которую он прочитал, довольно большая, поэтому рассказ длится очень долго. Ребята устают, начинают зевать, а самое важное, за деталями не могут уловить главного, так как обо всем рассказано одинаково подробно.

Третий пионер очень глубоко пережил одно событие в книге и не обратил внимания на все остальное. Из повести В. Катаева «Сын полка» он запомнил только, как Ваня Солнцев убежал от разведчика Биденко. Как бы ни был интересен этот эпизод, он не может дать представления о всей книге.

Некоторые ребята забывают имя автора книги, когда происходили события, о которых в ней рассказывается, и даже начинают рассказ с середины, так как плохо помнят начало книги.

Такие рассказы не приносят пользы ни тем, кто рассказывает, ни тем, кто слушает. Вот и выходит, что рассказать о прочитанной книге не так просто.

Чтобы рассказ был интересен и принес пользу не только тебе, но и твоим товарищам по звену, надо выбрать для пересказа не первую попавшуюся на глаза книгу, не ту, которую ты случайно прочел последней, а такую, которая будет интересна всем.

Вспомни, какая книга тебе особенно понравилась и запомнилась. Для пересказа ты можешь выбрать книгу на любую тему: о В. И. Ленине, о героях гражданской и Отечественной войн, о жизни пионеров и школьников, о природе и животных. Это могут быть книги о сегодняшнем дне и о далеком прошлом, о жизни в нашей стране и за ее границами, стихи или сказки, рассказы или приключенческие повести.

Может быть, тебя привлекают книги о том, как были изобретены различные вещи, как работают машины, чем богаты и знамениты различные города и страны, как сделать модель планера, ракеты... Ты можешь рассказать ребятам содержание не только художественной, но и научной книги.

Но какую бы книгу ты ни выбрал, ее нужно внимательно перечитать. Ведь даже если ты читал ее, ты мог забыть важные эпизоды, образы героев.

Не надо рассказывать о книге слишком подробно. Такой рассказ не будет интересен ребятам, да и книгу потом читать не захочется. Но о чем же тогда рассказывать?

Попробуем помочь тебе.

Запомни имя автора книги и постарайся узнать его биографию. Если ты, например, выбрал какую-нибудь книгу Гайдара, то ребятам будет интересно узнать, что Гайдар в четырнадцать лет уже сражался на фронтах гражданской войны и все, что он пишет о войне, он сам видел и наблюдал, что он не только написал повесть о Тимуре, но и руководил сам командой ребят, которые всегда были готовы помочь людям.

Если книгу написала Чаплина, ребятам будет интересно узнать, что она работала в Московском зоопарке, сама вырастила львицу Кинули, и поэтому так точны ее описания повадок животных.

Обязательно расскажи ребятам то, что ты знаешь о писателе: когда и где он жил, с какими событиями в его жизни связано появление той книги, о которой ты собираешься рассказать, какие еще книги для детей он написал.

Если в книге много рисунков и они тебе понравились, помогли представить героев, время, в которое они жили, назови ребятам имя художника и покажи его рисунки.

Подумай о том, когда происходили события, описанные в книге. Ведь будет смешно и стыдно, если ты скажешь, что в книге о Чапаеве действие происходит во время Отечественной войны, а события в книге Арсеньева «Дерсу Узала» относятся к нашему времени.

Подумай и о том, кто является основным героем произведения. Ведь трудно коротко рассказать о всех персонажах книги. В рассказе Гайдара «РВС» действуют Димка, Жиган, маленький Топ, мать Димки, комиссар Сергеев, дезертир Головень, поп Перламутрий и другие. Но надо обязательно рассказать о Димке и Жигане, Сергееве и Головне, а о других можно только упомянуть.

Рассказывая о героях книги, их поступках, переживаниях, выскажи свое мнение о них. Кто из них тебе понравился, а кто вызвал ненависть.

Если тебя увлекло какое-то место в книге, отдельный эпизод, событие, ты можешь рассказать о нем подробней и даже прочитать отрывок из книги.

Готовя пересказ научной книги, подумай над тем, какие новые знания ты получил, чем она помогла тебе на уроке, в пионерской работе. Если ты сделал по книге модель, принеси модель на сбор и покажи ребятам. Это будет еще одним доказательством того, насколько интересна и полезна книга, о которой ты рассказываешь.

Где же рассказывать ребятам о книгах, которые ты прочитал? Да где угодно: и на привале во время похода, прогулки, и на сборах звена «Моя любимая книга», и на сборах, посвященных важному событию в жизни страны. Но везде рассказ должен быть кратким, понятным и интересным, чтобы ребятам захотелось самим прочитать эту книгу.

Н. Медведева

БОЕВАЯ ЖИЗНЬ УЧЕНОГО

Бывают книги, которые читаются удивительно быстро. Их можно даже просматривать невнимательно, пропуская по нескольку строк, потому что важно только одно — поскорее узнать, кто совершил преступление и будет ли он пойман. Узнав, что преступника постигла заслуженная кара, вы закрываете книгу и сразу же забываете о ней.

Но есть и такие книги, которые читать быстро нельзя, потому что каждая строчка их наполнена большим содержанием и каждая страница открывает вам что-то новое. Читая такую книгу, приходится делать усилие, чтобы охватить умом все те факты и сведения, которые автор в нее вложил. Зато, дочитав до конца, вы чувствуете, что стали богаче, что узнали много такого, о чем и не подозревали. Со временем вы, может быть, забудете и эту книгу, но знания, которые она вам дала, останутся с вами на всю жизнь.

К числу таких книг принадлежит написанная Б. Могилевским повесть «Жизнь Тимирязева». Скромное название этой книги не раскрывает всего ее содержания. Это не просто жизнь одного ученого — Климента Аркадьевича Тимирязева,— а история всей боевой русской науки девятнадцатого века, история борьбы за материалистические идеи в биологии, за эволюционную теорию, за дарвинизм. Вы узнаете из этой книги не только о Тимирязеве, но и о его друзьях и соратниках в России и обо всех передовых ученых на Западе. Вы найдете в ней и описания блестящих опытов Тимирязева, которыми он прославил русскую науку, и отражение наиболее значительных революционных событий девятнадцатого века, имевших большое влияние не только на личную судьбу отдельных ученых, но и на развитие всей передовой науки...

Вчитайтесь в эту книгу, и вы уже не сможете от нее оторваться. Все ученые, которых вы знали только по именам или открытым ими законам, предстают перед вами живыми людьми и, может быть, оказываются совсем не такими, какими вы себе их представляли, изучая в школе ботанику или дарвинизм.

Ребята, которые всерьез интересуются наукой, прочтут эту книгу с интересом и волнением.

В. Гвайта

Здесь шум листвы —
морской стихии шум,
А запах дров — тайги
и джунглей запах.
Здесь место самых
затаенных дум
И небылиц на мягких
львиных лапах...

КНИГА О ЗДОРОВЬЕ

Как вы думаете, можно ли сделать 600 приседаний за 10 минут и при этом не устать; загореть в Арктике и вымыться без воды?

Наступит ли такое время, когда человек совсем не будет болеть?

Почему умирающий матрос, высаженный с корабля на пустынный берег одного острова, остался жив? Почему у человека высокая температура, а ему холодно?

Родился ли Иван Поддубный силачом или стал им? Как удалось человеку, который мог только 25 раз растянуть пружину, через два месяца растянуть ее уже 125 раз?

Что помогло Герою Советского Союза С. Борзенко проплыть в одежде и с оружием в ледяной воде 2 километра, не получив при этом даже насморка?!

Обо всем этом вы прочитаете в книге **Я. Н. Трахтмана «Путь к здоровью»**. Вместе с героями этой книги и веселым доктором Нехворайко вы совершите увлекательное путешествие в мир здоровья, силы и бодрости.

Итак, доктор Нехворайко ждет вас, ребята!

В. Николаев

РАДИОЛЮБИТЕЛЯМ И АВТОМОБИЛИСТАМ

Новая книга В. БОРИСОВА «ЮНЫЙ РАДИОЛЮБИТЕЛЬ» — хорошее пособие для тех, кто любит мастерить. В ней вы найдете описания тридцати несложных конструкций детекторных, батарейных и сетевых ламповых приемников, усилителей, фотореле, телефонов и приборов. Эта книга поможет вам построить в школе телефонную и радиостанцию.

«КНИГА ЮНОГО АВТОМОБИЛИСТА» И. СЕРЯКОВА интересно и понятно рассказывает об истории автомобиля, об его устройстве и правилах вождения.

Если этих книг не окажется в местных магазинах, их можно выписать наложенным платежом по адресу: МОСКВА, В-168, 5-я ЧЕРЕМУШКИНСКАЯ УЛИЦА, д. 14, «КНИГА — ПОЧТОЙ».

С. Родионов

Друзья мои шахматисты! Матч между Ботвинником и Талем — это двадцать второй матч на мировое первенство. Шесть раз такие матчи проводились в Москве. В пяти из них Михаил Ботвинник боролся с другими советскими гроссмейстерами. А вот первый московский матч состоялся давно, шестьдесят четыре года назад, между чужеземными мастерами Эм. Ласкером и В. Стейницем. Победил тогда Эм. Ласкер. А помните ли вы, с кем и когда играл Ботвинник?

Слово чемпионки мира

Вот о чем я хотела вам сказать, дорогие ребята! Проигрывать, конечно, никто не любит, но справедливо говорит русская пословица: «За битого двух небитых дают». Хочешь научиться выигрывать, научись проигрывать. Да не так, чтобы сразу руки опускать, а чтобы из каждого проигрыша выводы правильные делать.

Нельзя все сваливать на случайности и невезение. Надо понять свои ошибки. А поймешь ошибки — значит, в следующий раз их не повторишь.

Некоторые ребята проиграют партию и стараются поскорее ее забыть, как плохой сон. И напрасно. Проигранные партии надо внимательно разбирать.

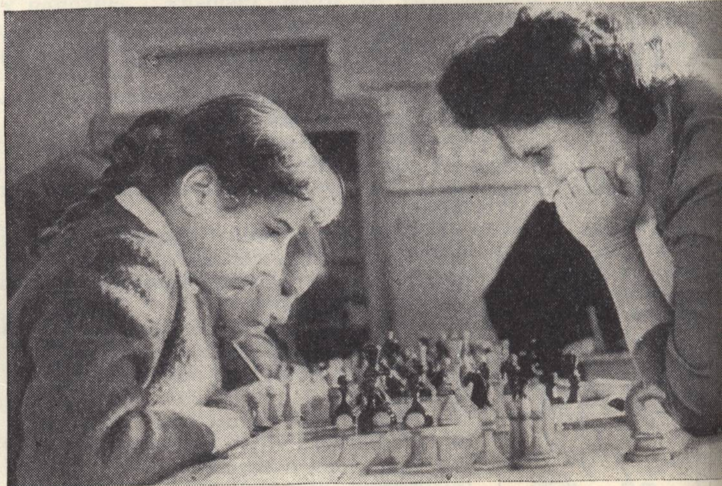
А особенно хочу я к девочкам обратиться. Не бойтесь мальчишек, смелее играйте с ними в турнирах! Играть в шахматы интересно и полезно.

Елизавета Быкова

Шахматистка из села Боголюбово

Один матч на первенство мира начинается, а другой недавно закончился. Елизавета Быкова защищала титул чемпионки мира, сражаясь с Кирой Зворыкиной. Свою грозную противницу Елизавета Быкова одолела. Хорошо играют сейчас шахматистки! А вот читал я одну древнюю арабскую рукопись. И было в ней написано, что с женщинами можно играть только без ладьи. Вот бы сейчас этого хвастунишку посадить за доску с женщинами-мастерами!

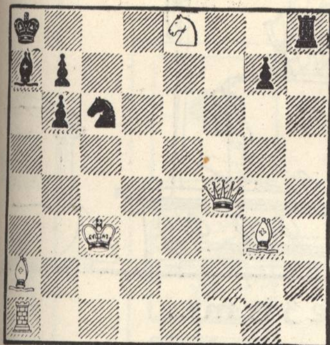
Елизавета Быкова родилась в селе Боголюбово, Владимирской области. Играла она в школьных турнирах наравне с мальчишками. И, надо сказать, нередко проигрывала. Немало пришлось ей потрудиться, пока стала она мастером шахматной игры.

Ростовская семиклассница Люда Кантарович имеет первый разряд по шахматам. В сеансе одновременной игры она победила чемпионку мира Елизавету Быкову.

ОСТРОУМНАЯ ЗАДАЧА

А теперь, ребята, попробуйте решить задачу, которую составила шахматистка из Ярославля Галина Шуханкова.

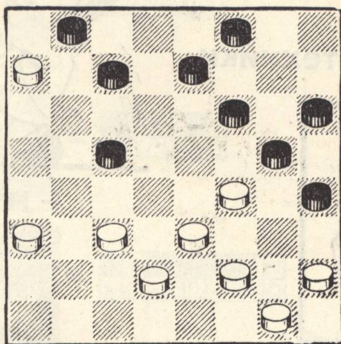
Найдите, как в этом положении белые дают мат в три хода.

ТОЛЬКО НА ЧЕРНЫХ ПОЛЯХ

Некоторые ребята просят меня и о шашках рассказать. Ну что же, уважаю я эту игру, родная сестра она шахматам. Хоть здесь игра только на черных полях ведется и фигуры здесь одинаковые, и числом их поменьше, все же и в шашках много разных хитростей бывает.

И играть в шашки тоже надо серьезно. Неправильно шашку «за фук» брать. Не нужно обязательно стараться противника в углу запереть. Совсем не в этом смысл игры.

Вот посмотрите, какие красивые комбинации мастера шашек проводят:

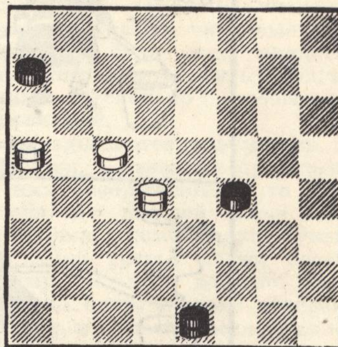

Была эта позиция в партии С. Воронцов — Л. Потапов, из чемпионата Москвы 1927 года. Игравший белыми Сергей Андреевич Воронцов почти тридцать лет был чемпионом России по шашкам. Родился он в селе Подберезниках, близ Коломны, в 1856 году. Пастух Трофим обучил восьмилетнего подпаска шашечной игре. Мальчонка вскоре стал всех в селе обыгрывать. А потом и в Москве и во всей России не находилось ему равных в этой игре.

Вот как закончил он эту партию. Последовало:

1. а3—в4 с5 : а3 2. с3—в4 а3 : с5 3. f4—e5 (Воронцов жертвует уже третью шашку) 3... f6 : : d4 4. d2 — c3 d4 : b2. 5. e3 — f4 g5 : e3, и белые собирают богатый «урожай». 6. f2 : al. Черные сдались.

А теперь и любителям шашек даю я задание. Найдите, как выигрывают белые в следующей позиции.

Жду ваших писем и решений, друзья!

ПРО СМЕШНОЕ...

ИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ЖУРНАЛОВ

— Пьер,— сказала учительница,— твое сочинение о собаке слово в слово повторяет сочинение твоего брата.

— Правильно, мадам, но речь идет об одной и той же собаке.

В Сахаре двое путешественников остановили свой джип рядом с человеком, который бежал в купальных трусиках.

— Я иду купаться,— сказал он им.

— Но ведь море находится более чем за восемьсот километров отсюда,— возразили они.

— Восемьсот километров! — воскликнул купальщик.— Не правда ли, какой прекрасный пляж!

Жером возвратился домой, плача горючими слезами.

— Тебе не понравилось в цирке? — спросила мать.

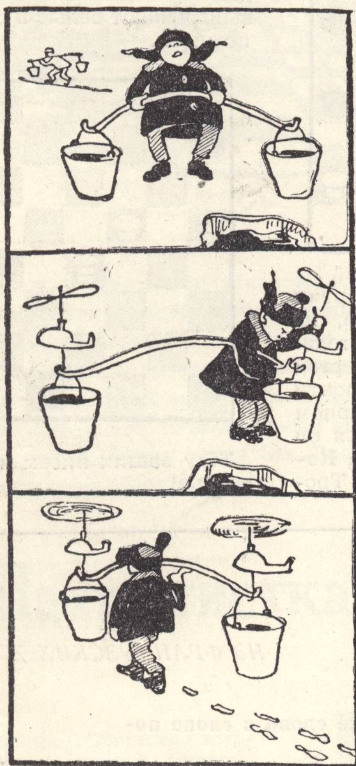
— Нет, укротителя съели. А бедному самому маленькому льву ничего не досталось.

Гуляя по зоопарку, маленький Жан показал приятелю прекрасного оленя и с гордостью сказал: «А у нас дома точно такая же вешалка, как у него».

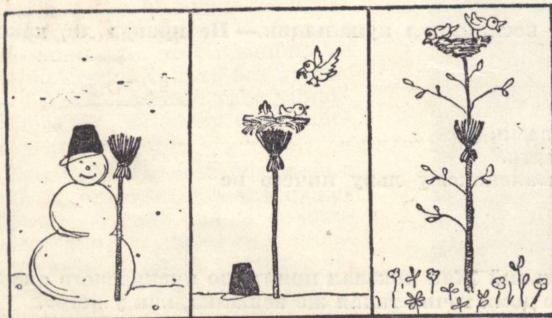

Рисунки А. Шабанова.

На уровне современной техники

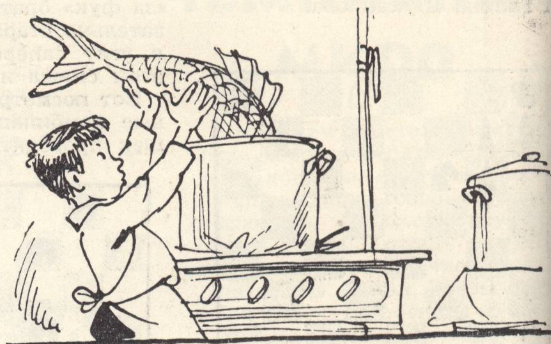
История одной метлы

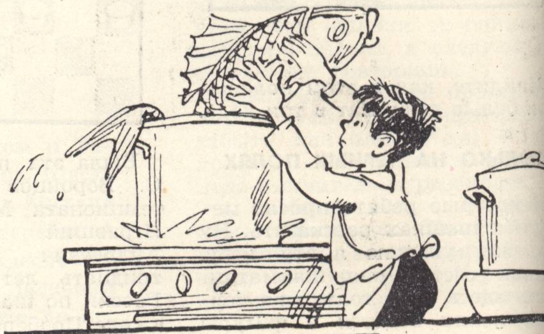
Всем на удивленье
Из метлы несется пенье.

Находчивый повар

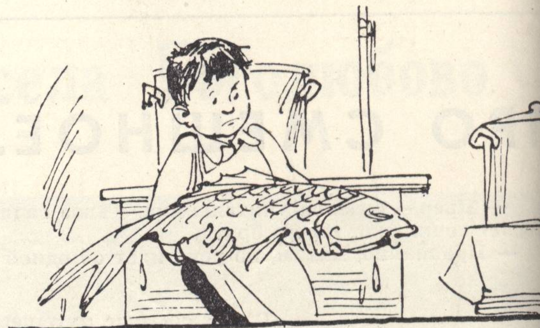
Рисунки Ю. Узбякова.

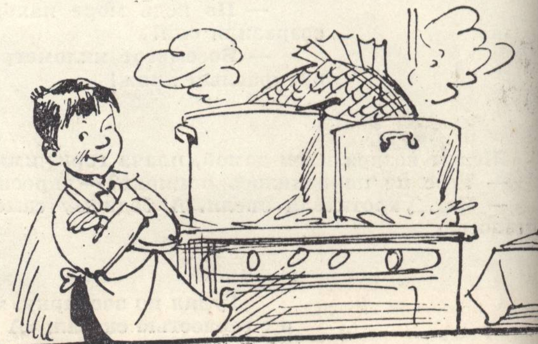
—не лезет...

и так тоже...

что же делать?

ПРИДУМАЛ!

ЧАСЫ ДОСУГА

АФОРИЗМ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

КРИПТОГРАММА

1 2 3 4 5
6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16

1 8 11 14
4 2 3
16 9 10
7 5 13 12
15 6

Около пяти веков тому назад жил в Италии гениальный художник и ученый того времени Леонардо да Винчи. За свою жизнь он сделал много замечательных открытий в различных областях науки и техники.

Леонардо да Винчи страстно любил жизнь, весь смысл которой он видел в творческом труде на благо народа. Свои мысли о труде и жизни он выразил в своих многочисленных афоризмах — кратких и метких высказываниях.

Один из афоризмов Леонардо да Винчи зашифрован в нашей криптограмме. В ней, как всегда, буквы заменены числами. Чтобы раскрыть числовые обозначения букв, вам придется сначала решить пять следующих несколько необычных уравнений.

Складываются, разумеется, не рисунки, а названия предметов, в них изображенных, то есть слова. Из каждой пары слов требуется, комбинируя буквы, составить третье слово, слово-сумму. В нем должно быть столько букв, сколько отведено клеток в правой части уравнения, в нижнем ряду, куда это слово и вписывается. Некоторые буквы вписанных вами слов окажутся в клетках, помеченных числовым шифром. Это и есть ключ к решению головоломки.

Составил **М. Белых.**

СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА

+СМ / ВЧ = ОВВ   −СМ / ВЧ = ВЧ   ×СМ / ВЧ = КМЧ, ЯЧВ, ВМРЧ   СМ : ВЧ = Е; −СМ; „ „

Если решишь, ответь мне тем-же шифром.
Папа

Вот какую загадочную записку нашла однажды Дина на своем столике, вернувшись домой из школы.

Ну и выдумщик же ее папа!

— А ведь это не такие уж трудные примеры,— сказала Дина, подумав.— Под буквами цифры скрываются, только и всего.

По математике у Дины всегда были пятерки.

А когда в школе устраивался вечер под названием «Загадки мудрецов», она получила главный приз за смекалку.

Немного погодя она решила задачу и ответила отцу такой, не менее загадочной запиской:

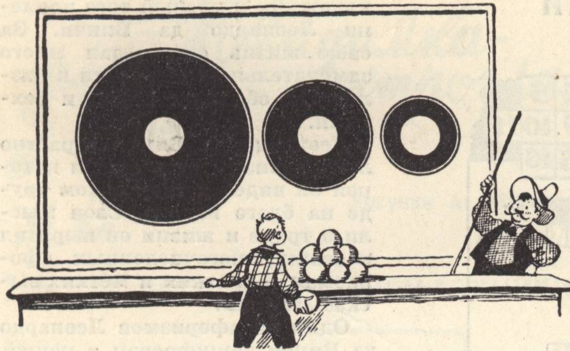
415 4 826 7012593 927025

Как видишь, задачку я решила, но пришлось добавить букву Т, которой не нашлось в твоём примере

Заменив цифры буквами, прочитайте Динин ответ.

Составил **А. Скачинский.**

В ТИРЕ

В какое из трех отверстий этой мишени легче попасть мячиком?

Прислал **Г. Шинеленко.**

ЗАГАДКИ

1. Что на колышках висит, очень странное на вид: ни попона, ни мундир, не сочтешь на нем всех дыр?

2. Только народился, в путь заторопился. В путь заторопился, с родней соединился.

Прислала **А. Круглова.**

ПОМЕЩЕННЫЕ В №№ 1 и 2

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА

По внешнему кольцу: «Лошадиная фамилия», «Хирургия», «Канитель», «Хамелеон», «Налим», «Каштанка», «Ванька».

По внутреннему кольцу: Федюшка, Вонмигласов, Булдеев, Жуков, Отлукавин, Очумелов, Герасим.

По закрытым буквам на внешнем и внутреннем кольцах: Антон Павлович Чехов.

ЧТО ЗА ПТИЦЫ?

Фазан. Сокол. Ворона. Сорока.

ЗАБАВНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Коза. Кожа. Ложа. Ложь. **Лось.**
Коза. Кожа. Рожа. Рожь. Роль. Соль. Соло. Село. Сено. Сени. Пени. Пень. Лень. **Лань.**

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА**

Редакционная коллегия: В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе (заместитель редактора), В. И. Орлов, В. А. Поддубная (ответственный секретарь), М. П. Прилежаева, Г. Я. Тимофеева.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комн. 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **О. Шво**

А 00241. Подписано к печати 20/II 1960 г. Тираж 550 000 экз. Изд. № 303. Заказ 26
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Эти книги скоро выйдут

Дубровицкий И., Орлов В. Пионерский вклад в семилетку. «Молодая гвардия». Цена 2 руб.

Книга художественных очерков, рассказывающих о семилетнем плане, о том, как пионеры нашей страны посильно участвуют в строительстве коммунизма.

Жестев М. Две повести. Детгиз. Цена 8 р. 65 к.

«Оленька» — повесть о девочке, потерявшей во время войны родителей. О том, как Оленька находит мать, и рассказывает автор.

Алешка — герой повести «Приключения маленького тракториста» — очень любит машины и мечтает стать трактористом. Много приключений, забавных недоразумений происходит с ним, пока сбывается наконец его мечта.

Козлов В. Валерка — председатель. Детгиз. Цена 3 р. 50 к.

Это рассказы о том, как Валерке хочется быстрее стать взрослым и походить на старшего брата. Подражая ему, он часто попадает впросак. Перед читателем раскрываются беспокойный, любознательный Валерка, большая дружба братьев, их взаимоотношения с родителями и товарищами.

Коковин Е., Рязанова Е., Коржиков В., Тихомолов Б., Курлак И. и др. Пионеры — спутники семилетки. Детгиз. Цена 5 р. 15 к.

Правдивые рассказы о пионерах, их жизни и учении, о пионерском вкладе в семилетку — сборе металлолома, работе в колхозах, в школьных мастерских, озеленении города, разведении кроликов и других интересных и важных делах, которые дают отрядам право называть себя «спутниками семилетки».

Павленко П. Степное солнце. Детгиз. Цена 1 р. 15 к.

У десятилетнего Сережи умерла мать. Его отец — шофер — в это трудное для обоих время решил отправиться с автоколонной на уборку урожая в степные колхозы и берет с собой сына.

В книге рассказывается о славных делах героев колхозных полей, о величии человеческого труда, о красоте и богатстве души советского человека.

Печерский Н. Генка Пыжов — первый житель Братска. Детгиз. Цена 3 р. 95 к.

Повесть — дневник мальчика, уехавшего с отцом на большую стройку в Сибирь. Необычайные истории случаются с Генкой Пыжовым. Много нового узнает он о стремительной Ангаре, о знаменитом Байкале, о крепкой дружбе и сплоченности советских людей, покоряющих суровую природу Сибири.

Пионерские вожаки. Детгиз. Цена 5 р. 15 к.

Рассказы о пионервожатых, о звеньевых, о председателях советов отрядов, о пионерских активистах — организаторах живой пионерской работы.

Октябрятская звездочка. Детгиз. Цена 2 р. 45 к.

Рассказы об октябрятах, об их дружбе с пионерами.

Степаненко В. Колькина тайна. «Молодая гвардия». Цена 2 руб.

Сборник рассказов о ребятах. С особой теплотой и любовью автор рассказывает о жизни сельских ребят, об их посильной помощи колхозу, об их любознательности.

Тихомолов Б. Кряка. Детгиз. Цена 2 р. 55 к.

Повесть о том, как пионеры станицы Старо-Титаровской помогли колхозу вырастить шесть тысяч инкубаторных утят, как заботливо берегли девочки утят, спасали их от грозы, добывали для них корм, сколько радости и тревоги доставила им эта работа.

Яковлев Ю. Ленинский броневик. «Детский мир». Цена 85 коп.

Рассказ в стихах о броневике, с которого В. И. Ленин произнес свою знаменитую речь в апреле 1917 года.

Яковлев Ю. Совет знаменосцев. Детгиз. Цена 1 р. 05 к.

Книга о чести пионера, о пионерском галстуке и верности Красному Знамени.

Перечисленные книги будут поступать в книжные магазины по мере выхода в свет. В магазинах книготорга принимаются предварительные заказы на пионерскую литературу.

«СОЮЗКНИГА»

Цена 2 р. 50 к.

Здесь вы видите кадры из нового кукольного фильма по стихотворению В. Маяковского «История Власа — лентяя и лоботряса». О том, как снимался этот фильм, прочитайте на странице 36.